

АНГЛИНСКІЯ ПИСЬМА,
или
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ГРАНДИССОНА.

Твореніе Г. РИЧАРДСОНА
сочинителя
ПАМЕЛЫ и КЛАРИССЫ.
Переведено съ французскаго
А. Кондратовичемъ.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Во градѣ Святаго Петра
1793 года.
Цѣна безъ перепл. 90 коп.

Свидѣтельствовалъ и подписалъ Коллежскій Совѣтникъ и
отправляющій должность С. Петербургскаго Полицмейстера

АНДРЕЙ ЖАНДРЪ.

ИСТОРИЯ
Кавалера
ГРАНДИССОНА.

ПИСЬМО XXXVIII.

Генриетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Изъ Колнеброка, 7 Марта.

Я нахожусь теперь, дражайшая *Люція*, въ самомъ благополучнѣйшемъ убѣжище, но сколь мало мои чувствованія имѣютъ сходства съ тѣми, съ коими я въ первый разъ въ оное вступила! Колико ужасны были движенія моего сердца въ то время, когда одинъ изъ лакѣвъ *Сира Карла*, провожающей насъ верхомъ, показалъ намъ, по приказанію двухъ особъ, то мѣсто, гдѣ повстрѣчались двѣ коляски, и гдѣ начался споръ. Единое сіе воспоминаніе возобновило мой ужасъ. Но не сему ли ужасному случаю обязана я тою дружбою, съ коею принята въ толь драгоцѣнную фамилію.

Разговоръ, во время пути, естественно обратился на поѣздку *Сира Карла*, коего сестры ласкаются, что двоюродной ихъ братъ извѣститъ ихъ о семъ тайномъ дѣлѣ. Онѣ отъ того улучили случай разказать мнѣ, что въ субботу за столомъ *Сиръ Гарграфъ* объявилъ, что онъ принялъ намѣреніе препровести въ путешествіи годъ или два, потому что не можетъ жить въ Королевствѣ не видя меня, и что надѣется отъ своего отсутствія получить облегченіе. *Г. Багенгалль* и *Г. Мерцеда* согласились быть его спутниками. Но, чего ты совершенно себѣ и не воображаешь, любезная моя, *Сиръ Карлъ* говоря о разкаванні *Вильсона* своимъ гостямъ, и убѣждая ихъ, что развратность молодого человѣка, коего хорошія качества могутъ быть полѣзными, былабъ вредна обществу, сыскалъ средство склонить *Сира Гарграфа* обѣщать сто гвиней на его свадьбу. *Г. Мерцеда*, тронувшись таковымъ доказательствомъ великодушія, обѣщала дать сему человѣку пятьдесятъ гвиней. *Вильсонъ* не прежде получитъ сіи двѣ суммы денегъ, какъ въ бракосочетаніи съ тою молодою особою коею занято его сердце; и *Сиръ Карлъ* принимая не себя совершеніе сего дѣла, по возвращеніи своемъ изъ *Канторбери*, объявилъ, что онъ присовокупить также по щедрости своей нѣчто къ симъ двумъ суммамъ. Это еще не все, любезная моя *Люція*, онъ препоручилъ своимъ сестрамъ одобрить мнѣ сіе дѣяніе, и спросить у меня, желаю ли я его простить. Ахъ! я толико нахожу оное благотворительнымъ и достойнымъ его, что взирая на то со удивленіемъ! Я помню какъ нѣкогда отъ него слышала, что долгъ требуетъ всячески стараться платить за зло добромъ. Онъ самымъ дѣломъ исполняетъ сіи правила. Внушить въ злыхъ снисхожденіе, принудить своихъ враговъ любить себя, принести

своевольца къ хорошимъ нравамъ, и заставить его познавать свою пользу учинившись честнымъ человѣкомъ! Какъ же не прощу я ему видя толико благородныя дѣянiя! Я также помню, что, судя по письму сего презрительнаго человѣка, я ему равно чѣмъ ниестъ обязана. Онъ не былъ столько золъ, сколько онымъ быть могъ. Впрочемъ, молодая *Миссъ* изъ Падингтона великое оказала ко мнѣ состраданiе. Я вознамѣрилась присовокупить пятьдесятъ гвиней къ пятидѣсяти гвинеймъ *Г. Мерцеды*, дабы доказать самой себѣ, что и я способна слѣдовать хорошему примѣру. О дражайшая *Люцiя*, я почитаю себя толико малою въ сей удивленiя достойной фамилiи, что, дабы употребить израженiе *Сира Гарграфа*, едва могу я сносить собственную мою низость.

Послѣ сего мы обратились къ домашнимъ ихъ обстоятельствамъ; ибо я напомнила обѣимъ сестрамъ, что онѣ обѣщали подать мнѣ о томъ нѣкое изъясненiе. Вотъ что я могла узнать изъ ихъ объявленiй.

Кавалеръ Томасъ Грандиссонъ, ихъ родитель, былъ изъ первыхъ красавцевъ въ свое время. Онъ великую имѣлъ склонность къ пышности, которую и сохранилъ на всю свою жизнь. Ко всѣмъ нововыдумываемымъ веселостямъ чрезвычайное имѣлъ онъ пристрастiе, выключая карточной игры, къ которой онъ чувствовалъ отвращенiе; но онъ предавался въ другiя излишества, которыя называлъ благороднѣйшимъ порокомъ. Онъ поставлялъ себѣ за честь имѣть самыхъ превосходнѣйшихъ лошадей изъ всего Королевства и наилучшую свору собакъ; на что издѣрживалъ почти весь свой доходъ. Его родитель, будучи столько скупъ сколько сынъ его былъ разсточителенъ, провелъ всю жизнь свою въ приумноженiи своего богатства. Его наслѣдство состояло въ шести тысячахъ фунтахъ Штерлинговъ ежегоднаго дохода, получаемыхъ изъ многихъ хорошихъ помѣстьевъ въ Королевствѣ, и около двухъ тысячъ изъ Ирландiи, имѣя при томъ въ сундукахъ своихъ довольно серебра. Супруга *Сира Томаса* происходила отъ весьма знатной породы, сестра *Милорда В...* она была превосходнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ. Я принимала удовольствiе въ томъ свидѣтельствovaniи, кое обѣ ея дочери отдавали ея добросердечiю и собственному своему достоинству, съ изобильнымъ пролитiемъ слезъ своихъ. Невозможно, чтобъ свойство толико добродѣтельной матери не заставило и меня вспомнить о моей, и я не могла удержаться, чтобъ не присовокупить слезъ моихъ къ слезамъ изъ очей ихъ текущимъ. *Миссъ Жервинсъ* также проливала источники слезъ не токмо изъ нѣжности или по природной горячности; но, какъ она намъ призналась, по тому что не имѣеть какихъ причинъ наслаждаться жизнiю своея матери, кои мы имѣемъ оплакивать потерянныхъ нами.

А что болѣе хочу я говорить о *Сирѣ Томасѣ Грандиссонѣ*, то изходило по временамъ, и какъ будто съ сожалѣнiемъ, изъ устъ сихъ обѣихъ сестръ. Я примѣчала не безъ удовольствiя, съ какою медлительностiю и отвращенiемъ говорили онѣ о его порокахъ, и съ

какимъ на противъ того удовольствіемъ возвышали онѣ хорошія его качества. О дражайшая *Люція!* не ощущали ли онѣ восхищенія, говоря о похвалахъ толико добросердечнаго родителя и толико же превосходящаго, какъ и мой, всякія слабости? Сколь любезно добродѣтельнымъ дѣтямъ воспоминать изящныя совершенства тѣхъ, коимъ обязаны жизнію.

Милади Грандиссонъ принесла своему супругу знатное имѣніе. Онѣ одаренъ былъ отличнымъ дарованіемъ къ стихотворству, и упражнялся въ ономъ съ чрезвычайнымъ пристрастіемъ. Хотя онѣ былъ наслѣдникомъ весьма знатнаго богатства, но обязанъ своему виду и своимъ стихамъ тѣмъ преимуществомъ, коимъ предпочтенъ своею супругою великому множеству ея домогателей. Впрочемъ онѣ не имѣлъ столь основательнаго разсудка, сколько она. *Сиръ Томасъ* былъ стихотворецъ; и я слыхала, что сіе качество требуетъ пылкаго воображенія, которое иногда бываетъ весьма вредно здравому разсудку. *Милади Грандиссонъ* не иначе рѣшилась въ его пользу, какъ по согласію своей фамиліи; но мнѣ дано знать, что ея родители согласились на оное токмо изъ угожденія къ ея выбору. Расходъ, которой *Сиръ Томасъ* велъ, по полученіи въ наслѣдство богатства своего родителя, подалъ всѣмъ такое мнѣніе, что онѣ въ состояніи оное разточить.

Впрочемъ онѣ былъ изъ такихъ, коихъ называютъ добрыми мужьями. Его разумъ, учтивость и честолюбіе, дабы прослыть первымъ щеголемъ во всей Англіи, никогда не дозволяли ему уменьшать вежливости и благоугожденія. Но качества *Милади Грандиссонъ* заслуживали гораздо нѣжнѣйшаго и умѣреннѣйшаго человѣка. Ея слухъ и взоры составляли ей одно мѣчтаніе. Женщина, обращающая свой выборъ на такого человѣка, коему всѣ удивляются, должна надѣется, еслии онѣ не имѣетъ всей предполагаемой снисходительности, обрѣсти въ немъ склонности и пристрастія, ни мало не соображающіяся съ домашними должностями. Она сперва всячески старалась привлечь его склонность къ дому, и составить его благополучіе въ сожитіи съ нею. Онѣ ее любилъ довольно долгое время весьма страстно. Казалось, онѣ гордился достоинствомъ своей супруги. Но когда показалъ онѣ ее во всѣхъ совершенствахъ свѣту, и когда она пришла уже въ такое состояніе, въ коемъ женщина становится болѣе важна и какъ бы задумчива, то онѣ прилѣпился паки къ прежнимъ своимъ привычкамъ. Вскорѣ потомъ оставя ей управленіе всѣхъ своихъ домашнихъ дѣлъ, въ коемъ не престанно выхваляя ея дарованія, онѣ препровождалъ съ нею весьма малую часть лѣтняго времени, а около четырехъ мѣсяцовъ зимы проживалъ въ Лондонѣ, гдѣ онѣ бывалъ общимъ покровителемъ зрѣлицъ и всѣхъ парадныхъ увѣселеній въ первые годы своего бракосочетанія, онѣ всячески старался склонять свою супругу ѣздить съ нимъ на оныя. Она принимала его приглашеніе съ охотою, дабы не

подать такому человѣку, коего почитала за любящаго веселую жизнь, нималѣйшаго случая свергнуть съ себя иго такихъ признаковъ, коимъ онъ во своей гордости еще былъ подверженъ. Но потомъ, усмотря въ немъ болѣе хладнокровности къ своимъ прозьбамъ, и примѣтя что ея присудствіе удерживало его гораздо болѣе въ городѣ, и умножала великіе его расходы, она сыскала довольно причинъ дабы за нимъ не слѣдовать, тѣмъ болѣе что имѣя тогда трехъ дѣтей съ нимъ прижившихъ, она судила, что *Сиръ Томасъ* толико же будетъ доволенъ какъ и она, видя ея занимающеюся домашними попеченіями, *Милади Грандиссонъ* усмотря, что она не можетъ склонить своего супруга къ уменьшенію излишнихъ его расходовъ, почитала какъ за часть своего долга употребить все свое искусство, дабы токмо привести его въ состояніе воздержаться отъ оныхъ: поелику ихъ дѣти были еще столь молоды, что не требовали на свое воспитаніе великихъ издержекъ.

Какая безпримѣрная мать, любезная моя *Люція!* Можно ли сказать, чтобъ матери не составляли самой нужнѣйшей части фамиліи, когда онѣ прилеплены къ своимъ должностямъ, и когда супругъ не радѣетъ о своихъ? *Сиръ Томасъ Грандиссонъ* относилъ все къ самому себѣ; а его супруга единственно ощущала токмо удовольствіе въ своемъ супругѣ и своихъ дѣтяхъ.

Однако, наблюдая и самую благоразумнѣйшую еканомію, сія добродѣтельная особа не изъявляла нималѣйшей скупости. Она была любима всѣми своими соседями за свое великодушіе. Ея столь весьма былъ изобилень въ кушаньѣ; она приглашала къ оному лучшихъ особъ изъ уѣзда, какъ для того, дабы слѣдовать благородству собственнаго своего сердца, такъ и для увеличенія чести своему супругу. Касательно же оказаннаго ею благодѣянія, она приписывала сіе великодушію *Сира Томаса*, и часто въ такое время, когда препровождала почти цѣлые мѣсяцы не видя его и не зная, когда онъ возвратится. Она стремилась токмо ко второму степени достоинства, хотя и имѣла право къ первому. Я не что иное, говорила она, какъ милостынодательница *Сира Томаса*. Я проникаю въ его намѣренія. То что я дѣлаю, *Сиръ Томасъ* сдѣлалъ бы также, еслибъ здѣсь находился; а можетъ быть простеръ бы свою щедрость еще и далѣе. Нѣкогда, отъѣзжая отъ нее на шесть недѣль, онъ пробылъ въ отсутствіи цѣлыхъ шесть мѣсяцовъ. Его намѣреніе, при отъѣздѣ, состояло, токмо въ томъ, дабы посѣтить своихъ друзей, находящихся въ Парижѣ. Но общество, имѣющее одинаковый съ нимъ нравъ, понудило его прожить столь долгое время, что кажется и весьма не вѣроятно, будто онъ увѣдомлялъ о себѣ свою супругу чужею рукою. Во все время своего отсутствія, онъ не написалъ ни одного къ ней слова своеручно: не взирая на то по возвращеніи своемъ, онъ всячески старался появиться такимъ нечаяннымъ образомъ, чтобъ она совершенно не знала, что онъ въ Англіи. Несносное тщеславіе! Онъ весьма почиталъ себя

увѣреннымъ въ той нѣжности, которой не заслуживаль, предполагая, что при первой минутѣ, удовольствіе паки съ нимъ увидѣтся, затмитъ передъ ней всѣ его жестокости. Однако, по изъявленіи первыхъ движеній чувствія, ибо она приняла его съ искренною радостію, онъ у ней спросилъ, желаетъ ли она его за оныя простить. Вамъ простить, любезный супругъ! такъ, сказала она ему, естли вы можете простить сами себѣ. Сей отвѣтъ показался ему нѣсколько разительнымъ. *Сиръ Томасъ* разсуждалъ правильно; ибо оный былъ справедливъ. Благодушіе *Милади Грандиссонъ* было основано на добрыхъ правилахъ безъ всякаго рабства и слабости. Не показывайте такого важнаго вида, возразила она, принимая его во свои объятія. Вашъ вопросъ самъ по себѣ изъявляетъ, что вы почитаете себя нѣсколько укоризны достойнымъ. Не написать ни единой строки своеручно въ шесть мѣсяцовъ! Но я опять вижу васъ въ добромъ здоровьѣ; и всѣ нанесенныя вами мнѣ безпокойствія забыты.... Можно ли мнѣ сказать, чтобъ я жила нимало не безпокоюсь? Я весьма сожалѣю, присовокупила она, что вы лишились великаго множества удовольствія во время столь долгаго отсудствія. Поспѣшите, или пусть въ сію минуту появятся здѣсь любезные питомцы и воспріимутъ родительское благословеніе. Сколь утѣшительно видѣть начатокъ ихъ разума! Успѣхи ихъ превосходятъ мои желанія. Какой пріятности лишили вы себя столь продолжительными отлучками!

Въ сію минуту *миссъ Грандиссонъ* приказала меня просить сойти въ низъ. О естли бы она оставила меня на нѣсколько минутъ спокойною! Пріятное содержаніе разговора меня удерживаетъ. Кто бы не пожелалъ, любезная моя *Люція*, видѣть себя на мѣстѣ сей почти презираемой женщины, сей почтительной матери; словомъ, быть *Миладію Грандиссонъ*!

Еще одну мысль, любезная моя *Шарлотта*, я прошу васъ оставить меня на самое кратчайшее время, дабы написать токмо одну мысль, прежде нежели оставлю свое перо. Я весьма буду жалѣть лишась оной. Какой же есть тотъ человѣкъ, которой бы разсуждалъ вообще о разсѣянной и роскошной жизни *Сира Томаса Грандиссона*, какъ бы онъ молодъ и привержень нибылъ къ веселостямъ и сладострастію, могъ предполагать, чтобъ былъ благополучнѣе, нежели *Сиръ Томасъ* то себѣ воображалъ? Какаяжъ есть и та женщина, какуюбъ ни имѣла она склонность къ удовольствію и расточительности, которая бы, выбравъ родъ жизни благоразумной, полѣзной, спокойной и благотворительной *Милаби Грандиссонъ*, не усмотрела въ семъ не совершенномъ образцѣ все то, чѣмъ бы желала быть сама; тутъ видно и тщетное благополучіе перваго, и твердое удовольствіе, коего не будетъ недоставать у другой, какъ въ сей такъ и въ будущей жизни?

Дражайшая Миссъ Грандиссонъ, я придала бы гораздо болѣе силы и разпространенія сей мысли, естлибъ ваши прозьбы не столь были побудительны. Я иду къ тебѣ, иду.

Меня принудили, любезная *Люція*, прочесть при всемъ обществѣ нѣкую часть мною написаннаго. Мы увѣрены, сказала мнѣ *Миссъ Грандиссонъ*, что ваше письмо касается до насъ, и мы будемъ судить что оно относится въ худую нашу сторону, естли вы не захотите намъ прочесть нѣчто изъ онаго. По томъ говоря съ обыкновенною пріятностію, она неотмѣнно требовала чтобъ и я рассказала ей исторію моей фамиліи, общаясь, съ такимъ договоромъ, продолжать исторію о своей.

Насъ позвали пить чай, и *Милордъ Л...* также находился съ нами. Разсуди, дражайшая моя *Люція*, съ кольъ чрезвычайнымъ, удовольствіемъ говорила я о свойствѣ моихъ родителей, какъ о томъ неоднократно слыхала я отъ моей бабушки. О сколь пріятное воспоминаніе! Но думаешь ли ты, чтобъ меня не спрашивали также о не давно случившихся обстоятельствахъ? Они чувствовали столь великое удовольствіе отъ моихъ повѣствованій, что съ чрезвычайно нетерпѣливостію желали знать лично, мою бабушку *Шерлей*, дядю моего *Сельби*, мою тетушку, двоюродную мою сестру *Люцію*, и *Г. Дина*, крестнаго моего отца. Не всѣ достоинства, любезная моя, заключаются въ одной фамиліи *Грандиссонъ*. Естли ты желаешь слышать особенно исторію о нѣкоторой молодой особѣ, коея благоразуміе восторжествовало надъ любовію, и которая не болѣе любезна сама себѣ какъ и мнѣ; то не будешь обманута. На иболѣе я опасуюсь, *Люція*, чтобъ обѣ сестры, не любили теперъ тебя болѣе, нежели меня.

Прежде, нежели опять начну продолжать исторію ихъ фамиліи, я у тебя спрашиваю, любезная моя, не такъ же ли ты думаешь какъ и я, что Небо благословило сихъ благополучныхъ дѣтей, за превосходныя качества ихъ родительницы? Кто знаетъ, не награда ли это имъ за то уваженіе, кое они всегда питали въ своемъ сердце къ такому родителю, коего поведеніе, кажется, весьма мало онаго заслуживало? Я почитаю, по моему мнѣнію, обязательства взаимными: нерадѣніе одного къ исполнению своихъ должностей, нимало неуволяетъ другую отъ своихъ попеченій. По истиннѣ весьма трудно имѣть одинаковую нѣжность какъ къ родителямъ исполненнымъ пороками, такъ и къ показывающимъ добродѣтельные и благотворительные примѣры; но уваженіе не менѣе необходимо; и наблюденіе сего дома подаеть можетъ быть тѣмъ болѣе права къ наградѣ, что родители не менѣе исполнены были своими обязательствами; взирая на другое разсужденіе, кажется оно заслуживаетъ вниманія, то есть, что благовоспитанное дитя столько же получаетъ пользы какъ изъ худыхъ примѣровъ такъ и изъ хорошихъ; а сіе-то, считаю я, удивительнымъ образомъ оправдано въ *Сирѣ Карлѣ*, примѣрами своего родителя и родительницы.

Миладѣ Грандиссонъ не имѣла столь благополучнаго конца, колико была того достойна по великимъ своимъ добродѣтелямъ. Нѣкогда ея супругъ, прощаясь съ нею на нѣсколько дней, по прошествіи часа

принесень былъ домой смертельно раненъ на поединкѣ. Чрезвычайное изумленіе и скорбь, коими при семъ видѣ объята была *Милади Грандиссонъ*, повергли ее въ такое состояніе, отъ коего уже она ни когда не чувствовала совершенно прежняго своего здоровья. Ея сложеніе было толико перемѣнчиво продолжительными обмороками, и тѣми безпокойствіями, кои продолжались долгое время о жизни *Сира Томаса*, что находясь въ семъ изнеможеніи около года, она скончалась въ цвѣтушихъ своихъ лѣтахъ, будучи весьма сожалѣема своимъ супругомъ, которой укорялъ себя въ томъ, что повергъ во гробъ самую превосходнѣйшую изъ всѣхъ женщинъ, и также весьма нѣжно оплакиваема своими дѣтьми, хотя они весьма были еще молоды и не могли чувствовать всея великости потери своея матери.

Мнѣ дано знать, мимоходомъ, что сіе воспоминаніе не мало способствовало къ подкрѣпленію тѣхъ главныхъ правилъ закона и честности, по коимъ *Сиръ Карль* имѣлъ на всегда справедливое отвращеніе къ поединкамъ. *Милади Л...* рассказывающая мнѣ сіе повѣствованіе присовокупила, къ тому весьма чувствительное изображеніе о послѣднихъ минутахъ жизни своея матери; а наипаче о тѣхъ нѣжныхъ прозѣбахъ, съ коими соединясь ея безпокойствіе и любовь къ дочерямъ своимъ, побудили ее заклинать своего сына, дабы онъ воспріять къ своимъ сестрамъ всѣ тѣ чувствованія, кои смерть изстребляетъ въ сердцѣ имъ матери. Съ такимъ добросердечіемъ, коимъ *Сиръ Карль* былъ исполненъ, сказала мнѣ *Милади Л...* не имѣлъ онъ никакой необходимости быть побуждаемъ въ нашу пользу; но увѣщанія умирающей матери толико впечатлѣлись въ его памяти, что онъ иногда, казалось, ощущалъ утѣшительное удовольствіе напоминать намъ оныя: и естли что ниестъ могло намъ служить утѣшеніемъ лишившись двухъ дражайшихъ особъ, коимъ мы обязаны жизнию, то конечно то, что мы паки обрѣтали оныхъ въ толико любвидостойнѣйшемъ братѣ.

Онъ былъ неутѣшимъ въ общей ихъ потери. Хотя онъ любилъ своего родителя до чрезвычайности, но самыя нѣжнѣйшія чувствованія его сердца всегда клонились къ его матери. *Сиръ Томасъ* не имѣя другаго у себя сына, любилъ его страстно, не взирая на малое попеченіе, прилагаемое имъ до того времени о его воспитаніи; и его радость была чрезвычайна, примѣтя, что его нерадѣніе весьма щастливо исправлено было стараніемъ его супруги, которая содержала учителей для наслѣдника ихъ богатства и имени. Но поелику сей молодой человекъ впалъ въ такую глубокую задумчивость, отъ коей не могъ и по прошествіи нѣкотораго времени избавиться, то его родитель едва дождался до семнадцати лѣтъ его возрасту, какъ и предложилъ ему начать свои путешествія. Онъ препоручилъ его старому военному офицеру, которой прежде служилъ подъ командою Генерала В... брата *Милорда В...* и далъ тысячу гвиней на содержаніе.

Объ дочери потребованы были *Миладию В...* ихъ теткою, которая приняла на себя попеченіе о ихъ воспитаніи; но поелику смерть похитила у нихъ и сію сродницу, по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ кончины ихъ матери; то онѣ опять возвратились къ *Сирю Томасу*, которой уже тогда почти совсѣмъ успокоился по своей потерѣ, и совершенно излѣчился отъ ранъ своихъ. Онѣ приставилъ къ нимъ, въ качествѣ попѣчительницы, женщину называемую госпожею *Олдгамъ*, вдову одного изъ старыхъ своихъ друзей, коего имѣніе также было разточено какъ и ея. Мнѣ кажется, что можно развратникамъ посредственное имѣніе приписать, какъ то я о семъ слыхала, слабому сложенію; они должны страшиться соединяться съ развратниками гораздо твердѣйшаго сложенія, то есть, богатѣйшими ихъ, поелику излишества, кои только что колеблють первыхъ, обыкновенно вовлекають въ совершенную гибель другихъ.

Госпожа *Олдгамъ* одарена была уваженія достойнѣйшими качествами, между коими весьма почиталось въ ней знаніе къ домашнимъ обстоятельствамъ. Она достойна была гораздо благополучнѣйшаго жребія въ своемъ бракѣ; и ея молодые воспитанники познавшіе первыя начала порядка и экономіи въ весьма совершенной школѣ, получили новую пользу отъ ея наставленій; но онѣ меня увѣдомили, хотя съ великимъ отвращеніемъ, и какъ будто бы о такомъ дѣлѣ, о коемъ я конечно узнала въ скоромъ времени, естлибъ чаще находилась въ ихъ домѣ, что благодарность *Сиря Томаса* изливалась къ сей женщинѣ такими знаками, кои помрачили ея славу. Словомъ, она находила себя принужденною оставить Провинцію и удалиться въ Лондонъ, гдѣ желала прожить нѣсколько недѣль въ уединеніи.

Въ то время *Милади Л...* была уже девятнадцать лѣтъ, а ея сестра шестнадцать; онѣ обѣ имѣли довольно твердости, дабы воспротивиться возвращенію той попѣчительницы, въ коей не имѣли болѣе надобности по своимъ лѣтамъ. Онѣ приняли на себя смотреніе за домашними дѣлами въ главномъ помѣстьѣ своего родителя, лежащаго въ Гомп Ширѣ; но *Сиря Томасъ* имѣлъ еще весьма прекрасное владѣніе въ Ессексѣ, въ которое отвезъ госпожу *Олдгамъ*; и въ теченіе нѣкотораго времени, почти всѣ почитали ихъ сочетавшимися законнымъ бракомъ. Она одарена была красотою и происходила отъ знатной породы. Но къ несчастію своему была обольщена подарками и лукавствами *Сира Томаса*, хотя ея доброе имя было непорочно до того времени, пока она не приняла на себя попеченія о воспитаніи его дочерей. Онѣ чувствительно былъ тронутъ тѣмъ отказомъ, которой учинили его дочери въ принятіи ея. Онѣ воображалъ себѣ, что причины его отсутствія совершенно были неизвѣстны, поелику весьма того желалъ; но онѣ составляли единый предмѣтъ всенародныхъ переговоровъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ ни находился.

Сія женщина и теперь здравствуетъ. Она прижила двухъ дѣтей съ *Сиромъ Томасомъ*, которыя также еще живы; а одного съ *Г. Олдгамомъ*.

Обѣ сестры обѣщались мнѣ рассказать другія обстоятельства своей исторіи, когда коснутся до исторіи своего брата.

Сиръ Томасъ предался паки прежнимъ своимъ склонностямъ. удовольствіе ощущаемое въ любви вкоренилось въ его сердцѣ привычкою, и онъ учинился рабомъ того, что самъ называлъ вольностію. Онъ жилъ не съ одною госпожею *Олдгамъ* въ тайномъ сообществѣ. Въ Лондонѣ была у него другая любовница, которая равную имѣла съ нимъ склонность къ тщетнымъ увеселеніямъ, и которая называлась даже по его имени. Не взирая на то, онъ пріѣзжалъ по временамъ въ замокъ *Грандиссонъ*. Онъ всячески старался появляться въ оный не будучи ожидаемъ; хотя сіе помѣстье иногда составляло его утѣхи, но онъ проживалъ въ немъ весьма малое время; онъ не находилъ тамъ никакого удовольствія, и когда вставлялъ оное, то его отъѣздъ подобенъ былъ бѣгству. Не смотря на сіе, никогда и никакой родитель не имѣлъ болѣе права, какъ онъ, хвалиться поведеніемъ и униженіемъ въ себѣ своихъ дочерей. Онъ говорилъ то самъ, что славился тѣмъ въ ихъ отсутствіи, но будучи съ ними, онъ безпрестанно жаловался и сердился. Онъ за всегда укорялъ ихъ чѣмъ ниестъ.

Но на и болѣе приводило ихъ во изумленіе и безпокойствіе то, что находили себя принужденными прервать переписку съ своихъ братомъ, которой тогда путешествовалъ. Запрещеніе состояло въ томъ; дабы къ нему не писать и не отвѣтствовать на его письма; но поелику ихъ братъ съ того же времени пересталъ писать къ нимъ о своихъ новостяхъ, то онѣ судили что конечно и ему предписаны такіе же законы; а слѣдствіе произшествій дѣйствительно утвердило ихъ въ сихъ подозрѣніяхъ. Сей поступокъ происходилъ единственно отъ той опасности, въ коей ихъ родитель находился, чтобъ то распутство, въ коемъ онъ препровождалъ жизнь свою, не составляло предмѣта ихъ переписки; тѣмъ болѣе, что его имѣніе весьма умалялось отъ его не помѣрныхъ издержекъ. Не взирая на запрещеніе обѣ сестры продолжали еще писать; въ разсужденіи сего *Миссъ Грандиссонъ*, рассказывающая мнѣ сіе повѣствованіе, объявила мнѣ, съ обыкновенною своею живостію, что она никогда не считала за долгъ повиноваться такимъ приказаніямъ, кои не соображались съ разсужденіемъ и естествомъ. Она спрашивала у меня что я о томъ думаю; и *Графиня* также просила меня подать ей на то мое мнѣніе.

Я опасаюсь, отвѣчала я имъ, судить о пристрастіи дѣтей въ столь важномъ пунктѣ. Если онѣ поставляютъ себя судьею надъ природою и различіемъ повиновенія; то не должно ли опасаться, чтобъ ихъ склонность не возымѣла надъ ними болѣе силы, нежели разсудокъ? Но, любезная *Генріетта*, повторила *Миссъ Грандиссонъ*, не ужели вы не писали въ подобныхъ обстоятельствахъ? Мнѣ кажется, возразила я, что я

того не дѣлала; можетъ быть по сей причинѣ, что я почитала моего брата подвластнымъ равному приказанію, и что приводя его къ нарушенію онаго, я бы учинилась бунтовщицею, не получивъ изъ того никакого другаго плода; или естлибъ мой братъ мнѣ отвѣчалъ, я вовлекла бы его въ такой же поступокъ. *Миссъ Шарлотта* почитала сіе мнѣніе свѣтскою хитростію и что я усматривала въ ономъ токмо единое приказаніе противное естеству.... Она остановилась, смотря на меня; но ея взоры побуждали меня говорить, приказаніе, сказала я ей, казалось мнѣ жестокимъ; однако я судила, что повинуюсь оному гораздо болѣе пріобрѣсти можно достоинства. Можетъ быть я предполагала въ моемъ родителѣ такія причины, въ кои не могла проникнуть. Но, скажите, пожалуйста, сударыни, что учинилъ *Сиръ Карль*? О! отвѣчали онѣ мнѣ обѣ, онѣ безъ всякаго возраженія тому повиновался. Простите ли вы мнѣ, сударыни, возразила я: мнѣ кажется, что когда дѣло весьма сумнительно и касается до долга, то мнѣ весьма бы было прискорбно, естлибъ мой братъ въ такомъ случаѣ оказалъ болѣе сносности и разборчивости, нежели я. Хотябъ ваше доказательство было справедливо или нѣтъ, сказала она мнѣ, но согласитесь на сей послѣдней пунктъ.

Родительское запрещеніе тѣмъ болѣе ихъ печаливало, что оно могло вперить къ мысли *Сира Карла* тѣ основанія хладнокровія, коихъ послѣднія зрѣнія *Милади Грандиссонъ* принудили ихъ страшиться. Сія почтенія достойнѣйшая мать показывала имъ то время, въ которое братская любовь можетъ учиниться имъ не обходимою. Впрочемъ, при отъѣздѣ своемъ, онѣ имъ обѣщались по порядку описывать обстоятельства своего путешествія, и свои наблюденія о всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, кои онѣ желалъ видѣть. Онѣ началъ было уже исполнять сіе обязательство; и въ послѣднихъ своихъ письмахъ, онѣ просилъ ихъ увѣдомить его о нѣкоторыхъ изъясненіяхъ, касающихся до его зрителя, на кои отвѣтствовать различныя причины совершенно имъ не дозволяли.

Онѣ часто приходили къ своему родителю спрашивать о такихъ новостяхъ, о коихъ не могли освѣдомиться инымъ образомъ; онѣ имъ отвѣчалъ съ удовольствіемъ, а иногда и съ пролитіемъ слезъ, что онѣ имѣетъ изящнаго сына, сына благороднаго, добродѣтельнаго и достойнаго его предковъ. Во всякомъ обществѣ онѣ поставлялъ себѣ за славу быть родителемъ такого сына какъ его *Карль Грандиссонъ*. Нѣкогда *Милордъ В...* которой, по смерти своей супруги, предался явно такимъ вольностямъ, въ коихъ его до того времени токмо подозрѣвали [въ нынѣшнемъ свѣтѣ, любезная моя, весьма мало добродѣтельныхъ людей], отвѣчалъ своимъ друзьямъ, которые удивлялись что *Сиръ Томасъ* уже съ нѣсколько лѣтъ содержитъ своего сына во отдаленности, что тому нельзя предполагать другой причины, какъ различіе нравовъ между отцемъ и сыномъ, и что *Сиръ Томасъ* не въ состояніи снести такого сравненія. Онѣ

пустился въ пороки до такой степени, что обращалъ свои безпорядки предъ своими друзьями въ шутку. Однако онъ иногда присовокуплялъ, что когда рѣшится вести себя такъ какъ должно, тогда прикажетъ возвратиться своему сыну; но на каждый годъ тщетны были его рѣшенія, онъ не такъ велъ себя, чтобъ перемѣнить свое поведеніе, какъ того хотѣлъ.

Но одно приключеніе, которое долженствовало бы ему почитать за небесное посланіе, понудило его гораздо дѣйствительнѣе помышлять о своемъ исправленіи. Госпожа *Фомбаругъ*, та другая любовница, которую онъ имѣлъ въ Лондонѣ, померла скоростижно посреди своихъ веселостей. *Сиръ Томасъ* толико былъ тѣмъ пораженъ, что въ ту же минуту уѣхалъ изъ города. Онъ удалился въ уединеніе къ своимъ дочерямъ; онъ говорилъ о возвращеніи своего сына, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, онъ велъ себя по тѣмъ главнымъ правиламъ благоразумія и честности, кои въ немъ были извѣстны всему свѣту. Сіе случилось въ то время, когда *Милордъ Л...* возвратился изъ своего путешествія. Онъ привезъ съ собою *Сиру Томасу* нѣкоторые подарки отъ его сына, которой никогда не пропускалъ случая присылать ему различныя любопытныя вещи Иностранныхъ земель, такъ какъ свидѣтельство своего почтенія, и благоразумное употребленіе, которое онъ дѣлалъ изъ ежегодно получаемой имъ пенсіи, *Сиръ Томасъ* толикую почувствовалъ склонность къ себѣ *Милорда Л...* потому удовольствію, которое онъ по видимому находилъ слышать о своемъ сынѣ, что усиленно просилъ его остановиться на нѣкоторое время въ замкѣ *Грандиссонъ*.

Сей молодой Господинъ на то согласился; но въ бытность свою нѣсколькихъ недѣль, онъ до чрезвычайности заразился прелестями старшія сестры. Онъ объявилъ ей свои чувствованія: она въ томъ положила на волю своего родителя. *Сиръ Томасъ* нимало не ослѣпился взаимною ихъ склонностію; о сей тайнѣ всѣ были извѣстны. *Милордъ* пылалъ непорочною страстію, и имѣлъ столь честныя намѣренія, что нимало не желалъ скрывать оную въ сердце своемъ. Не взирая на то, *Сиръ Томасъ* отвращалъ свои взоры. Но въ обхожденіяхъ своихъ онъ не менѣе оказывалъ къ *Милорду* учтивостей; онъ оставилъ время своей дочери восчувствовать гораздо сильнѣйшую страсть; а по другому своенравству, онъ избѣгалъ всякихъ случаевъ, кои молодой любовникъ изыскивалъ, дабы открыться ему въ своихъ намѣреніяхъ.

Наконецъ *Милордъ* просилъ его переговорить съ нимъ на единѣ о такомъ дѣлѣ, кое онъ почиталъ весьма важнымъ. Онъ не иначе получилъ сіе какъ по различнымъ отсрочкамъ, и съ нѣкими знаками отвращенія, кои ему не очень были щастливымъ предвѣщаніемъ. Наконецъ онъ до того достигъ, и сіе важное дѣло перемѣнилось въ объявленіе его любви.

Сиръ Томасъ тотчасъ его спросилъ, открылся ли онъ его дочери. Впрочемъ, естли можно вѣрить забавному тому повѣствованію, которое

разсказывала *Миссъ Грандиссонъ* о семь приключеніи, то невозможно чтобъ онъ не примѣтилъ внутреннее состояніе ихъ сердець, во всякую минуту дня, великимъ множествомъ обстоятельствъ опечаливающихъ любовниковъ. *Милордъ* признался ему, что его чувствованія были не безъизвѣстны, и что прося позволенія у *Миссъ Каролины* объявить ихъ ея родителю, она положила въ томъ единственно на его волю. Онъ пришелъ отъ того въ замѣшательство, и отвѣтствовалъ весьма страннымъ образомъ. „Онъ весьма бы желалъ, сказалъ онъ, чтобъ таковыя безразсудныя мнѣнія не были внушены его дочери *Милордомъ*. Онъ имѣеть двухъ дочерей; не ужели онѣ хотять приступить къ такому предмѣту столь романически? До сего времени, присовокупилъ онъ, онѣ изъявляли великую кротость. Онъ не желаетъ, чтобъ въ столь молодыхъ лѣтахъ молодья особы сего пола старались помышлять о собственномъ токмо своемъ благополучіи. Сколько дѣвушекъ простыхъ погибли въ такомъ возрастѣ отъ того, что провели нѣсколько дней съ мущиною! Онъ совершенно не понимаешь для чего молодые любовники стараются открыть въ чужихъ дочеряхъ такія качества, коихъ и собственные ихъ родители не имѣли еще времени въ нихъ примѣтить; но онъ по крайней мѣрѣ ласкался, что рожденная имъ дочь нимало сама собою не способствовала къ сему открытію.,,

Что ты думаешь, любезная моя, о такомъ родителѣ, каковъ *Сиръ Томасъ*? Его жизнь не весьма ли была забавна, когда могъ почестъ себѣ за право говорить такія рѣчи?

По истиннѣ, *Милордъ*, продолжалъ онъ, я не могу и помыслить выдать за мужъ ни единой изъ моихъ дочерей; онѣ не воспитаны въ заразительномъ Лондонскомъ климатѣ. Это двѣ сельскія особы, приставленныя въ моихъ помѣстьяхъ, къ смотренію хозяйства; я дѣйствительно не люблю, чтобъ дѣвицы начали помышлять о бракѣ прежде нежели перестануть рости. Весьма молодая жена можетъ учиниться нездоровью матерью. Я не могу совершенно упомнить о ихъ лѣтахъ; но онѣ весьма еще отдалены отъ двадцати шести или двадцати осьми лѣтъ, которыя лѣта мнѣ кажутся приличными для дѣвицъ исполненныхъ благоразуміемъ и кротостью.

Милордъ чрезвычайно тому удивился и сіе было не безъ причины. *Сиръ Томасъ* запомнилъ то, какъ свидѣтельствуеть *Миледи Л...* что онъ самъ не почиталъ молодою *Миссъ В...* коей было семнадцать лѣтъ, дабы учинить ее *Миладію Грандиссонъ*.

Милордъ былъ человекъ молодой и весьма разумной. Онъ просилъ, изъ милости, такую молодую особу, къ коей пылалъ страстно; и сію прозбу онъ представлялъ родителю своея обладательницы, какъ человеку знающему свѣтскія обращенія, составляющему въ ономъ съ нѣкотораго времени знатной видъ, и имѣющему, къ отверженію предложеній касательно своей дочери, такія причины, кои бы имѣлъ

всегда, естълибъ могъ токмо прожить до того времени, пока бы было его дочери и сорокъ лѣтъ. Впрочемъ *Милордъ* настоялъ въ томъ токмо по единой страсти и изящнымъ качествамъ *Миссъ Каролины*, кои онъ имѣлъ время распознать. Онъ весьма скромно говорилъ о своихъ качествахъ, и о тѣсномъ дружествѣ съ его сыномъ, нимало не касался до своей знатности и своего происхожденія, о чѣмъ бы какой ниестъ другой толико отличной породы любовникъ не приминулъ бы упомянуть. Можетъ быть онъ поставлялъ сему причиною то, что *Сиръ Томасъ* весьма гордился своими предками; поелику нѣкогда отъ него слышалъ, что его прадѣдъ, въ царствованіе *Якова* перваго, великую нанесъ хулу своему имѣни принявъ званіе *Кавалера Баронетта*.

Не смотря на то *Сиръ Томасъ* оказывалъ нѣкое почтеніе за то дружество, кое *Милордъ* имѣлъ къ его сыну. Онъ клялся что не учинить никакого поступка въ столь важномъ дѣлѣ для его фамиліи, не посовѣтовавшись съ нимъ, тѣмъ болѣе, что его сынъ нимало не помышляетъ, съ своей стороны, о столь важномъ разсмотреніи. Онъ присовокупилъ, что толико добродѣтельной сынъ составлялъ единую славу его жизни. *Милордъ* униженно просилъ отдать его предложенія на разсмотреніе *Сира Карла*: но его рѣчь была прервана. Окажите, пожалуйста, *Милордъ*, сказалъ ему *Сиръ Томасъ*, какого щастія надѣетесь вы получить съ нашею дочерью? Какіябъ ли имѣли вы къ ней чувствованія, но я предполагаю, что взаимныхъ ея чувствованій, въ коихъ какъ кажется вы не сумнѣваетесь, не довольно будетъ вашимъ намѣреніямъ. Можетъ ли она учиниться *Графинею* безъ проклятаго товару, прилепленнаго къ ея юпкамъ, дабы поставить перевесъ вашему состоянію?

Положеніе мое, отвѣчалъ нѣжный *Шотландецъ*, не позволяетъ мнѣ принести моей любви тѣ пожертвованія, кои сердце мое принесло бы ея съ восторгомъ въ другихъ обстоятельствахъ; но я искренно изъясню вамъ состояніе моихъ обстоятельствъ и положусь въ томъ на благородство вашего сердца, *Сиръ Томасъ* не могъ не похвалить такого отвѣта; но онъ присовокупилъ, что родители, знающіе свѣтское обращеніе, бываютъ весьма довольны получая нѣкую пользу изъ того освѣдомленія, которое должно быть для нихъ драгоцѣнно; что ему нимало не будетъ прискорбно слушать продолженіе сего романа отъ такого человѣка, которой домогается получить въ супругу его дочь; хотя бы онъ не могъ имѣть такой склонности, естълибъ дѣло шло о дочери другаго для его сына; что всѣ родители помышлялибъ одинаково, но не всѣ бы имѣли толико честное сердце, дабы равномѣрно въ томъ признаться.

Я увѣренъ, сказалъ ему *Милордъ Л...* что вы не почли бы достойнымъ вашей дочери такого человѣка, которой бы токмо помышлялъ о удовольствіи собственныхъ своихъ желаній, и безъ всякаго затрудненія желалъ бы подвергнуть молодую особу такимъ

замѣшательствамъ, коихъ она совершенно не знала въ домѣ своего родителя.

Удивительное дѣло, отвѣчалъ *Сиръ Томасъ*, мы оба въ состояніи, *Милордъ*, изъяслять краснорѣчіе и разумъ въ единомъ засвидѣтельствovanіи почтенія, когда дѣло идѣтъ токмо объ учтивости. Но я наслаждаюсь совершеннымъ здравіемъ; я еще не совсѣмъ отрекся отъ свѣтскаго обращенія, чтобъ расположенъ былъ пожертвовать собственнымъ моимъ благополучіемъ щастію дѣтей моихъ. Вѣрьте, *Милордъ*, что я еще чувствую великую склонность къ увеселеніямъ. Моя дочери уже взрослые, весьма вѣроятно что вы то примѣтили, и что сообщили сіе увѣреніе одной изъ двухъ: изъ чего я заключаю, что другая, будучи токмо тремя годами моложе первой, не почтетъ себя весьма отъ того же отдаленною; а симъ то обязанъ я вашей любви. Но поелику я не буду жалѣть, если проживу на свѣтѣ еще нѣсколько лѣтъ для самаго себя, то покорно васъ прошу отрѣчься отъ своихъ намѣреній, и оставить на мою волю поведеніе моихъ дочерей. Я намѣренъ въ будущую зиму ѣхать съ ними въ Лондонъ. Онѣ тамъ разспознаютъ самихъ себя. Онѣ увидятъ, понравится ли имъ кто нисть, и понравятся ли онѣ кому нисть; по крайней мѣрѣ не будутъ ли разскаиваться въ томъ, что пожелали принять перваго представившагося имъ человѣка.

Сиръ Томасъ произносилъ сіи слова нимало не внимая скорби терзающей *Милорда Л...* которой справедливо соболѣзновалъ о томъ, что долженъ противорѣчить человѣку болѣе остроумному нежели разсудительному.

Онъ вышедши въ кабинетъ тотчасъ приказалъ послать къ себѣ обѣихъ дочерей; онъ довольно смѣялся имъ, хотя безъ жестокости, о томъ, что съ лукавствомъ называлъ ихъ открытіями, и о той извѣстности, которую онѣ подали о сей тайнѣ *Милорду Л...* не имѣя твердости сохранить оную двухъ или трехъ дней въ его бытности. *Миссъ Каролина* оставляя его почувствовала, что ея сердце чувствительно было тронуто, Можетъ быть столько же отъ укоризнъ своего родителя, сколько отъ опасной привязанности *Милорда*.

Молодой любовникъ поспѣшно отписалъ къ *Сиру Карлу*, прося его одобрить свои чувствованія. *Милади Л...* будучи также извѣстна, какъ и сестра ея, о употребленіи, которое я дѣлаю изъ ихъ довѣренности, позволила мнѣ списать отвѣтъ полученной отъ ея брата.

Милордъ.

„Ни единый братъ не чувствуетъ толико нѣжности къ своимъ сестрамъ, какъ я. По естественному дѣйствию сего чувствованія, я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ увѣдомлялся о тѣхъ, кои вы возымѣли къ старшей моей сестрѣ. Вы не должны опасаться нисколько съ моей

стороны препятствій. Но чтожь я значу въ семь случаѣ? Сестра моя совершенно зависить отъ воли моего родителя. Отличіе, которое онъ мнѣ при семь изъясляетъ, приводитъ меня въ смущеніе. Оно налагаетъ на меня сугубый долгъ ему покорствоваться. Тѣмъ бы ясно показалъ я, что хочу излишне много воспользоваться его благодушіемъ, естлибъ представилъ ему покорное мое мнѣніе прежде, нежели бы угодно ему было отъ меня того потребовать. Естли же онъ то учинить, то будь увѣренъ, *Милордъ*, что предполагая похвалы, достойныя взаимныя чувствія сестры моей, я даю вамъ мое одобреніе съ совершеннымъ почтеніемъ и нѣжною моею дружбою. Имѣя честь быть, вашъ искреннѣйшій и покорнѣйшій....

Письмо, въ коемъ любовь *Сира Карла* столь пылко и чувствительно изъяслялась къ обѣимъ своимъ сестрамъ, тѣмъ болѣе было имъ пріятно и любезно, что онѣ начинали было опасаться, дабы запрещеніе ихъ родителя оную въ немъ не охладило.

Я не стану тебѣ описывать подробности другаго разговора о томъ же предмѣтѣ, между *Милордомъ* и *Сиромъ Томасомъ*, хотя имѣю оный предъ глазами, писанный собственною рукою *Милорда*, которой поспѣшилъ тотчасъ увѣдомить о семъ *Миссъ Каролину* предавая на ея волю рѣшеніе его жребія. Но сіи продолжительности можетъ быть не столь бы были пріятны на бумагѣ, сколько въ яснѣйшемъ повѣствованіи выражаемымъ дѣйствиемъ взоровъ и лица. Я присовокуплю токмо то, что едва лишь *Милордъ* началъ изъясняться, то *Сиръ Томасъ* спросилъ его чисеречно, въ какомъ состояніи находятся его обстоятельства. Онъ отвѣчалъ ему искренно, что ему оставлено 15000 фунтовъ Штерлинговъ, для раздѣлу своимъ сестрамъ, съ сими деньгами онъ долженъ выдать за мужъ трехъ сестеръ, но что онъ надѣется въ скоромъ времени выдать двухъ весьма выгодно; а какъ выдастъ имъ ихъ приданое, что вознамѣрился сдѣлать съ великою економіею, то по окончаніи сего, онъ долженъ токмо заплатить четыре тысячи фунтовъ Штерлинговъ долгу, которой ему оставилъ его родитель для того, дабы спокойно получать чистый доходъ, которой тогда доходилъ до пяти тысячъ. По моему мнѣнію, сказалъ ему *Баронетъ*, вы не прежде должны помышлять о бракѣ, какъ по совершенномъ укрѣпленіи за собою вашего имѣнія. Выдавши за мужъ двухъ своихъ сестеръ, вамъ надлежитъ заплатить еще пять тысячъ фунтовъ третьей, да четыре тысячи долгу, пока совершенно совсѣмъ раздѣляетесь. Вы конечно запомятовали, *Милордъ*, что такія знатные люди, какъ вы, сочетавшись бракомъ должны приумножить расходъ, хотябъ то было на новые экипажи, драгоцѣнные каменья, домашнія убранства, и на все то, что можетъ придать пышности. Словомъ, въ такомъ состояніи, въ коемъ вы теперь находитесь, я не соглашусь выдать за васъ дочь мою, и я вамъ совѣтую не жениться еще нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ когда не сыщете себѣ какую нибудь

вдову или наслѣдницу, которая бы могла вдругъ поправить ваши обстоятельства. *Сиръ Томасъ* далъ ему одинъ только сей отвѣтъ съ важнымъ видомъ, какъ слѣдствіе такого рѣшенія, коею ничто поколебать было не въ состояніи. Все же прочее было не что иное какъ безжалостная шутка. Тщетно *Милордъ* чувствуя причину своего отказа, представлялъ ему, что онъ беретъ его дочь безъ всякаго приданаго, и будетъ ожидать всего отъ времени и его воли. Наконецъ онъ получилъ великія укоризны за свое упорство, и въ столь жестокихъ выраженіяхъ, что, дабы не огорчить болѣе такого человѣка, отъ коего зависило его благополучіе, онъ вознамѣрился его оставить, клянясь ему при томъ, что никогда не престанетъ любить *Миссъ Каролину*, и употребитъ всѣ свои силы, дабы сохранить ея къ себѣ любовь.

Сиръ Томасъ весьма былъ пораженъ сими словами, которыя онъ почиталъ угрозою. Онъ призвалъ обѣихъ дочерей и весьма строго запретилъ имъ принимать услуги отъ *Милорда*, и отъ всякаго другаго человѣка, которой бы говорилъ о бракѣ или о любви, безъ его согласія. Но въ ту минуту, когда *Милордъ* съ нами прощался, онъ возобновилъ паки всѣ обѣщанія, почитающіяся въ любви священными клятвами, и *Миссъ Каролина* не менѣе также своими обязалась. По томъ, когда *Сиръ Томасъ* подавалъ свои приказанія двумъ сестрамъ, то *Милордъ* опасаясь его раздражить когда покажется на глаза его, рѣшился проститься съ нимъ написавъ къ нему записку весьма учтивымъ и почтительнымъ образомъ. Онъ въ ту же минуту уѣхалъ подъ такимъ видомъ, которой скрылъ истинну сего дѣйствія отъ домашнихъ.

Во время обѣда, *Миссъ Каролина* приказала просить позволенія остаться въ своей горницѣ; но ея извиненія не были приняты. Не сожалѣешь ли ты о ней, любезная *Люція*, въ семъ печальномъ состояніи? Она видитъ своего любовника удаляющагося. Она не знаетъ, увидится ли съ нимъ опять когда ниестъ. Сестра ея сказала ей, что будучи на ея мѣстѣ, она съ трудомъ бы могла отпустить его одного, хотябъ — не для чего инаго, какъ для избѣганія мучительнѣйшаго свиданія съ такимъ родителемъ, которой никакого не изъявляетъ сожалѣнія къ женскимъ слезамъ, и которой имѣетъ весьма колкой нравъ. Что касается до меня, я то признаюсь, что при семъ мѣстѣ я съ чрезвычайною нетерпѣливостію желала слышать то, что произошло за обѣдомъ. *Миссъ Шарлотта*, примѣтя мою нетерпѣливость, согласилась удовлетворить мое любопытство. Сіе повѣствованіе ей весьма приличествуетъ, сказала она мнѣ, потому что она была зрительницею, и что дѣйствующія лица были ея родитель и сестра. Жестокое явленіе, отвѣчала *Графиня*. Я думаю, что *Миссъ Биронъ* нимало не будетъ удивляться, что я болѣе уважала, въ моемъ мужѣ, качество благоразумнаго человѣка, нежели острорѣчиваго.

Миссъ Грандиссонъ начала сіе повѣствованіе такимъ образомъ: сестра моя послала меня съ тѣми ея извиненіями; я возвратилась отъ моего

родителя съ непремѣнными приказаніями, чтобъ ей идти. Ахъ! дражайшая родительница, вскричала *Каролина*, видя себя принужденною идти; колико теперъ не обходимо мнѣ скромное твое ходатайство! Но, *Шарлотта*, я не могу ни идти, ни стоять на ногахъ моихъ. Я буду тебя поддерживать, отвѣчала я ей; а ты всячески усиливайся себя влещи. Говорятъ же: что любовь ползеть когда не имѣетъ силы идти. Я помню, что тогда *Каролина* называла меня злобною; но я говорила сіе единственно для того, дабы ее размѣшить и привести нѣсколько въ силу. Она знаетъ, что я не переставала проливать слезы. Ты помышляла о томъ, пріятнымъ образомъ отвѣчала ей *Милади*, чего могла страшиться о самой себѣ. Я тому вѣрю, возразила *Миссъ Шарлотта*, ибо мнѣ кажется, что прискорбіе чувствуемое нами о постороннемъ, никогда чувствительно насъ не трогаетъ.

При семъ я также помѣстила мое размышленіе: сострадательное сердце, сказала я двумъ сестрамъ, есть истинный небесный даръ, хотя оно подвергаетъ великимъ затрудненіямъ, но жизнь была бы весьма несносна, естлибъ мы толико же чувствовали чужія затрудненія, какъ собственныя свои. Колико *Миссъ Шарлотта* благополучна, что въ состояніи была смѣяться и тогда, когда родительскія наставленія не менѣе относились къ ней какъ и самой къ ея сестрѣ! Очень хорошо, отвѣчала она мнѣ; вѣрьте что и я буду имѣть такой же случай. Но я желаю продолжать мое повѣствованіе.

Каролина послѣдовала моему совѣту. Она опершись своею рукою на меня, тащилась изъ всѣхъ своихъ силъ даже до самой нижней ступеньки. Когда же она приближалась къ дверямъ столоваго зала, то избыльные источники слезъ полились изъ глазъ ея. Она трепетала какъ листъ; и сѣвши на проходѣ сказала мнѣ, что совершенно не можетъ идти далѣе. Вскорѣ услышали мы повелительной голосъ, произносящей: весьма громко слѣдующія слова: гдѣ же твои дочери? *Каролина*, *Шарлотта*, не вась ли я слышу идущихъ? Находящаяся тамъ ключница, прибѣжала къ намъ съ торопливостію: сударыни, сударыни, батюшка вась спрашиваетъ. А мы, не взирая на слабость одной и отвращеніе другой, вдругъ почувствовали силу въ коленяхъ нашихъ, и предстали въ залъ предъ нашего родителя, сестра моя все еще стояла опершись о плечо мое.

Первый пріемъ его былъ какъ удивленнаго человѣка. Какую дьявольщину все это означаетъ? Какія печальныя движенія? Какая принужденная поступка? Женщины сущія комедіанки. Но уже весьма поздно, *Каролина*. Комедія кончилась. Эта роля ужъ лишняя.

Дражайшій родитель? сказала моя сестра испуская глубокой вздохъ, возводя къ Небесамъ руки свои съ жалостнымъ видомъ! Я проливала слезы о ней и о самой себѣ, естли *Миссъ Биронъ* тому желаетъ вѣрить, но по другому, а не точно по сему происшествію.

Онъ возразилъ: не ужели тебѣ, *Каролина*, должно говорить первую рѣчь. Я думаю, что *Шарлотта* также имѣетъ свою ролю на готовѣ. Уже время окончить сію забавную комедію. Сядьте на свои мѣста, и послушайте меня, перестаньте представлять такія глупости,

Удивительное произшествіе, онъ въ самомъ дѣлѣ учинилъ насъ таковыми, каковыми укорялъ. Между тѣмъ какъ служители принесли кушанья, мы кашляли, отирали глаза наши, тайно взглядывали одна на другую, и наконецъ сѣли за столъ. Мы брали ложки и вилки. Мы обратно клали ихъ на то же мѣсто, потомъ опять оныя взяли, когда онъ на насъ взглянулъ. Мы не касались до пищи, только подносили оную къ губамъ своимъ. Но поелику мы весьма близко сидѣли одна подлѣ другой; то наши глаза упражнялись тогда болѣе нежели, наши зубы. любовь какъ будто бы остановилась въ горлѣ бѣдной моей сестры. Она всячески усиливалась проглотить, не смотря на то затрудненіе, которое чувствовала въ своей гортани. По ея кривляньямъ видно было то затрудненіе, которое она имѣла въ проходѣ. А что наиболѣе могло привести ее въ замѣшательство, какъ я могу ее увѣрить, то конечно глаза, самые пронизательные глаза, коихъ не видно было ни въ единомъ человѣкѣ, наипаче въ родителѣ, кои осматривали насъ вокругъ, и по временамъ, нахмуриваемы были брови, которыхъ единое движеніе приводило насъ въ трепеть, двѣ бѣдняшки не имѣли при томъ ни матери, ни тетки, кои могли бы ихъ ободрить. Не взирая на то онъ еще болѣе опасались окончанія обѣда, и отхода служителей. Онъ весьма были ими любимы. Служащіе же за столомъ люди наклоняли видъ свой и смотрѣли изъ подлобья. Они изъявляли великую радость, когда приказано имъ было удалиться.

Тогда *Каролина* вставши со стула, весьма низко поклонилась, но съ такимъ смущеніемъ, какъ будто бы малое дитя находящееся еще въ школѣ, держа передъ собою руки на крестъ, и подходя къ дверямъ. Мой родитель далъ ей волю оказывать почтенія: и я также встала дабы за ней послѣдовать. Но лишь только она хотѣла выдти вонъ, то онъ позвалъ ее назадъ. Я смѣю сказать, что онъ не для чего иннаго далъ ей волю столь далеко отойти, какъ единственно для того, дабы имѣть удовольствіе видѣть ея смятеніе, наипаче по ея возвращеніи. Кто тебѣ позволилъ выходить, сказалъ онъ ей? Куда ты идешь, *Каролина*? Возвратись, *Шарлотта*. Но вотъ что обыкновенно случается; родительское присудствіе бываетъ уже тогда тягостно, когда любовь вселяется въ мысли. Достойная вниманія причина, доказывающая такую страсть, которая оставляетъ ему токмо вторую или третію степень въ любви своихъ дочерей, занимавши сперва первое въ оной мѣсто! Вы увидите что я почту себя весьма щастливымъ, естли мои дѣти, на конецъ, не будутъ щитать меня своимъ врагомъ. Ступайте обѣ сюда, говорю я вамъ.

Когда онъ началъ сіе говоришь, то мы остановились. Надлежало возвратиться тѣми же стопами и съ толикимъ же смятеніемъ, какое мы ощущали выходя оттуда. Сядьте, сказалъ онъ намъ. Мы стояли предъ нимъ, держа руки на крестъ, какъ будто лишившіяся ума. Сядьте, когда я вамъ приказываю, повторилъ онъ. Вы оказываете чрезвычайную покорность. Я хочу съ вами говорить. Тогда обѣ насупившіеся дѣвушки сѣли на стулья.

При семъ *Миссъ Шарлотта* мнѣ сказала, что она не иначе можетъ продолжать сію часть своего повѣствованія, какъ разположа оную на подобіе разговора; и дабы я могла знать о дѣйствующихъ лицахъ, она за cadaго будетъ говорить особеннымъ голосомъ, то есть, за сестру свою покорнымъ голосомъ, за себя не весьма кроткимъ, а за своего родителя повѣлительнымъ. А сіе то она учинила весьма забавнымъ образомъ. Но для доразумѣнія сей разности, я буду писать въ заглавіи cadaго говорящаго имя.

Сиръ Томасъ. Какимъ образомъ простился съ тобою *Милордъ Л...*, *Каролина*? Мнѣ, такъ оставилъ онъ записку. Писалъ ли онъ и къ тебѣ? Мнѣ кажется что онъ не почелъ себѣ за долгъ проститься съ тобою изустно, когда со мною того не учинилъ.

Миссъ Шарлотта. Онъ, васъ почиталъ, Г. мой, весьма противъ него раздраженнымъ. [Бѣдная *Каролина* не въ состояніи еще была отвѣтствовать.]

Сиръ Томасъ. А твою сестру онъ не почиталъ столь худо расположенною. Очень хорошо. Какимъ же образомъ онъ съ тобою простился, *Каролина*? Я тебѣ говорю.... дѣвица, женщина, ибо я не знаю какъ долженъ тебя назвать.

Миссъ Шар. Я осмѣливаюсь васъ увѣрить, Г. мой, что *Милордъ* не имѣлъ намѣренія васъ оскорбить.

Сиръ Том. Я не люблю твоихъ перерывокъ, дѣвчонка. Пожалуй, не говори ничего. Я говорю твоей сестрѣ. Подыми голову, *Каролина*. Оставь такія жеманства и кривлянія. Естьлибъ нѣсколько болѣе находилось невинности въ сердцѣ, то менѣе бы изъявлялось смущенія на лицѣ. Я ясно вижу учиненный между вами заговоръ. Онъ предвѣщаетъ мнѣ въ передъ прекрасныя слѣдствія. Но скажи мнѣ, *Каролина*, любишь ли ты *Милорда Л...*? Обѣщалась ли ты быть его супругою, когда склонишь неудобнаго своего родителя, или, чего конечно наиболѣе бы ты желала, когдабъ смерть освободила тебя отъ него? Родители вообще весьма жестокіе люди, когда не помышляютъ такъ какъ не благоразумныя ихъ дочери о ихъ любовникахъ. Будешь ли ты мнѣ отвѣчать, *Каролина*?

Миссъ Карол. [Проливая слезы отъ столь жестокихъ *Выраженій*.] Чтожъ должна я сказать, Г. мой, дабы не имѣть нещастія вамъ не угодить?

Сиръ Том. Чтожъ ты должна сказать! Скажи, что ты не хочешь оказывать къ своему родителю того почтенія и повиновенія, коими ты ему обязана. Не соображается ли сей отвѣтъ съ твоими чувствованіями?

Миссъ Карол. Я ласкаюсь, Г. мой....

Сиръ Том. Я равно тѣмъ ласкаюсь. Но сего не довольно. Долгъ требуетъ отъ дочери изъясниться гораздо явственнѣе. Развѣ ты не можешь ручаться за свое сердцѣ?

Миссъ Карол. Мнѣ кажется, Г. мой, что вы не почитаете *Милорда Л...* недостойнымъ человѣкомъ.

Сиръ Том. Я не имѣю хорошаго мнѣнія о такомъ человѣкѣ, которой принудилъ моихъ дочерей забыть свой долгъ, и принять на себя безумной видъ съ своимъ родителемъ.

Миссъ Карол. Статься можетъ, Г. мой, что я изъясляю предъ вами безумной видъ; но сердце мое исполнено къ вамъ почтеніемъ. Вы приводите меня въ страхъ, Г. мой. Я ужасаюсь вашего присудствія, когда вы кажетесь противъ меня раздраженными.

Сиръ Том. Скажи мнѣ, что ты отказалась отъ стараній *Милорда*, какъ я тебѣ приказывалъ. Скажи мнѣ что ты не согласишься никогда его видѣть, естли можешь того избѣжать. Скажи мнѣ что ты къ нему никогда писать не будешь.

Миссъ Карол. Простите мою дерзновенность, Г. мой, когда я принимаю смѣлость представить вамъ, что *Милордъ* со иною всегда, весьма почтительно. Онъ равно уважаетъ и почитаетъ моего родителя. За чтожъ могу я имѣть къ нему ненависть и презрѣніе?

Сиръ Том. Хорошо; мы вскорѣ все разсмотримъ. Продолжай, *Каролина*: а ты, *Шарлотта*, воспользуйся тѣмъ наставленіемъ, которой получишь отъ старшей своей сестры.

Миссъ Карол. По истиннѣ, Г. мой, я ручаюсь вамъ что моя сестра имѣетъ доброе сердце, и исполнена къ вамъ уваженіемъ.

Сиръ Том. Очень хорошо. Но ты, *Каролина*, ручаешься ли за сердце *Шарлотты*. Хорошее представленіе заслуживаетъ другаго. Впрочемъ, сударыни, невзирая на всѣ засвидѣтельствванія взаимна вами другъ другу оказываемыя, конечно я одинъ имѣю право поставить себя судіею надъ вашими сердцами, и верьте что я не иначе испытаю оныя, какъ на самомъ дѣлѣ. Знаешь ли ты, *Каролина*, не имѣетъ ли твоя сестра какого ниестъ умыслу споспѣшествующаго къ твоему ободренію въ твоемъ намѣреніи?

Миссъ Карол. Я осмѣливаюсь вамъ сказать, Г. мой, что моя сестра не способна къ упущенію того, чѣмъ вамъ обязана.

Сиръ Том. Я бы желалъ, *Каролина*, чтобъ ты тоже могла сказать и о сердцѣ *Шарлотты*.

Миссъ Карол. Я могу то сказать, Г. мой.

Сиръ Том. И такъ, дочь моя, знаешь ли ты мои желанія.

Миссъ Карол. Я думаю, Г. мой, что ваше желаніе стремиться къ тому, дабы я препроводила всю жизнь мою въ дѣвствѣ.

Сиръ Том. О! о! по чему же, сударыня, думаешь ты такъ о моихъ желаніяхъ? Говори; я тебѣ приказываю.

Миссъ Карол. Поелику мнѣ кажется. Г. мой, если вы позволите мнѣ то сказать, что знатная порода и хорошія качества *Милорда Л...* не дозволяютъ ничего желать болѣе. Я прошу прощенія, Г. мой, я съ преданностію прошу у васъ прощенія. [Подымая руки съ страстнымъ движеніемъ.]

Сиръ Том. Его знатная порода! Я тебѣ удивляюсь. И такъ что значить частица Шотландіи? Ты конечно ослѣпляешься званіемъ *Графини*; но я тебя увѣдомляю, хотя ты и чувствуешь къ *Милорду Л...* истинное почтеніе, что ты не должна желать, чтобъ онъ въ такомъ безпорядкѣ, въ коемъ онъ находится, относительно къ его сестрамъ, помышлялъ сочетаться съ тобою бракомъ.

Миссъ Карол. Я васъ увѣряю, Г. мой, что званіе безъ хорошаго свойства ничего для меня не значить. Касательно же безпорядковъ, я ни мало не сумнѣваюсь, чтобъ *Милордъ* могъ забыть правила благоразумія.

Сиръ Том. Я ясно вижу, что отъ тебя не произойдутъ препятствія, и что ты не имѣешь нималѣйшаго противъ *Милорда* возраженія, если токмо онъ не будетъ имѣть противъ тебя онаго. Ты весьма покорная и при томъ весьма уstraшенная дѣвушка. Должно женщинѣ быть весьма влюбчивой, когда она охотно дастъ преимущество своему любовнику надъ собою; но посмотримъ, *Каролина*. Я хочу знать, какую надежду подала ты *Милорду*, или лучше сказать, какую надежду, можетъ быть, онъ подалъ тебѣ самой. Ты молчишь. Удостоишь ли ты меня своимъ отвѣтомъ?

Миссъ Карол. Я надѣюсь, Г. мой, что не нанесу безчестія моему родителю, желая всякаго блага *Милорду Л...*

Сиръ Том. Онъ также не нанесетъ себѣ безчестія, сколько ни надмѣнны сій бѣдные Шотландцы своимъ благородствомъ, помышляя вступить въ союзъ со мною.

Миссъ Карол. *Милордъ Л...* бѣдень, я поставилъ бы себѣ, Г. мой, за величайшую честь....

Сиръ Том. Онъ имѣлъ бы причину. Продолжай. Для чегожь останавливаешься? Но если *Милордъ* нимало не бѣдень для моей дочери, то я не соглашусь, чтобъ моя дочь пришла для него въ бѣдность. Онъ поставилъ бы себѣ за величайшую честь, говоришь ты.... что такое? Конечно, быть твоимъ мужемъ. Отвѣчай мнѣ: въ какихъ находишься ты съ нимъ обстоятельствахъ?

Миссъ Карол. Какъ я несчастна, что не имѣю ничего сказать такого, чтобъ было пріятно моему родителю.

Сиръ Том. Посмотрите, съ какою хитростію уклоняется она отъ моего вопроса. Хочешь ли ты, чтобъ я тебѣ повторилъ его, сударыня?

Миссъ Карол. Я могу безъ стыда признаться. Что я лучше бы согласилась.... [При семъ она остановилась, наклоня голову даже до своей груди. *Миссъ Грандиссонъ* сказала, что она никогда не видала ее столь пленительною, какъ въ сіе время.]

Сиръ Том. Что ты лучше бы согласилась.... быть женою *Милорда Л...* нежели моею дочерью. А ты *Шарлотта*, увѣдомишь ли меня, когда твоя ко мнѣ любовь равномѣрно начнется простывать? Когда ты начнешь меня почитать препятствіемъ своему благополучію? когда твои глаза ослѣпятся чужестранцемъ, и заставятъ тебя предпочесть его своему родителю? Теперъ ужъ мнѣ нѣчего дѣлать. Я долженъ только раздѣлить между вами имѣніе, которое ваши любовники почтутъ достаточнымъ для своихъ обстоятельствъ, и по томъ повергнуться во гробъ. Ваши веселые обожатели придутъ съ вами плясать надъ моею гробницею, и я преданъ буду всѣми забвенію какъ будто бы и не существовалъ на свѣтѣ.... Выключая вашего брата, коего добродѣтель и изящное свойство мнѣ извѣстны. [При семъ *Миссъ Каролина* находила себя принужденною возвысить голосъ.] О, дражайшей родитель! вскричала она, какой стрѣлою пронзаете вы мое сердце? Не ужели всѣ родители.... Простите меня, сударь, [ей показалось, что онъ нахмуриваетъ брови.]

Сиръ Том. Такая непристойность меня раздражаетъ. Я не могу снести... [Онъ остановился, какъ будто бы для утоленія своего гнѣва.] *Миссъ Каролина*; для чего всегда уничтожать мои вопросы? Ты знаешь о чемъ я тебя спрашиваю. Отвѣчай мнѣ.

Миссъ Карол. Я почла бы себя недостойною любви такого человѣка, калъ *Милордъ Л...* естлибъ не призналась въ томъ почтеніи, которое къ нему имѣю. По истиннѣ, Г. мой, я ощущаю къ *Милорду* такія чувствованія, кои заставляютъ меня отличать его отъ всѣхъ другихъ человѣковъ. Да и сами вы, Г. мой, никогда объ немъ столь худо не думали. Мой братъ....

Сиръ Том. И такъ все открылось. Ты имѣла дерзость.... Но я самъ почиталъ *Милорда*, такъ сіе чувствованіе и теперъ еще не перемѣнилось; такъ развѣ изъ сего слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ моимъ зятемъ? Онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ другъ моего сына. Я его держалъ у себя въ семъ званіи. Онъ совершенно не зналъ тебя до сего времени; но едва лишь вы увидѣлись, то вдругъ восчувствовали оба необходимую надобность въ бракѣ. Ты оказывала себя почтительною дочерью, ты восхваляла его благоразуміе, а онъ между тѣмъ объявляетъ тебѣ свои чувствованія, или ты ему свои объявила, я не знаю, кто изъ васъ былъ первой; и когда онъ почиталъ себя увѣреннымъ въ тебѣ, тогда просилъ совѣта у легкомысленнаго родителя: и въ какомъ же намѣреніи? дабы единственно узнать о томъ, что онъ намѣренъ учинить для такихъ двухъ

особь, которыя не удостоили принять его ни въ малѣйшее участіе въ такомъ выборѣ. Эта обыкновенная хитрость; а бѣдный отецъ долженъ затворить глаза и ротъ, или прослыть тираномъ.

Миссъ Карол. [утопая въ слезахъ.] Богъ мнѣ свидѣтель, Г. мой, что я приняла предложенія *Милорда* съ тѣмъ договоромъ, чтобъ все зависѣло отъ вашей воли: да онъ и самъ не желалъ отъ меня другаго одобренія.

Сиръ Том. Заключается ли въ семъ отвѣтѣ здравый смыслъ? Оставила ли ты что ниестъ на мой выборъ? Посмотримъ, *Каролина*, испытаемъ власть мою. Я намѣренъ ѣхать съ тобою въ городъ. Одинъ молодой и знатной человѣкъ объявилъ мнѣ въ разсужденіи тебя свои чувствованія. Его предложенія мнѣ нравятся; и я увѣренъ, что они и самой бы тебѣ понравились, естлибъ твое сердце не было занято. Изъяснисъ мнѣ. Желаетъ ли ты одобрить мое представленіе? Ты мнѣ не отвѣчаешь. Твое дѣло съ *Милордомъ* освоено на условіи, говоришь ты: какъ! Ты молчишь. Ты приходишь въ смущеніе. Конечно не безъ причины, не можешь ты дать мнѣ такого отвѣта, какого я желаю. Естли ты можешь, то для чего не отвѣчаешь? Я привожу тебя въ безпорядокъ, какъ ты видишь, собственными твоими орудіями.

Миссъ Карол. Весьма неприлично, Г. мой, спорить мнѣ съ моимъ родителемъ. Я увѣрена какъ въ моемъ къ вамъ уваженіи, такъ и въ томъ, что ни малѣйшаго не нанесла бесчестія моей фамиліи, принявъ основанныя на договорахъ предложенія отъ *Милорда* Л.....

Сиръ Том. Основанныя на договорахъ! Сколь ты глупа! Не самовластны ли они, когда ничего не оставляютъ моему выбору? Но я уже испыталъ, что человѣкъ, которой унижая себя разсуждаетъ съ женщиною, а особливо о такихъ важныхъ пунктахъ, въ коихъ природа болѣе имѣетъ участія нежели разсудокъ, долженъ за нею слѣдовать великими оборотами, и видѣть себя весьма отдаленнымъ отъ того мѣста, до коего онъ почитаетъ себя уже достигающимъ. Словомъ онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, дабы возвратиться на отдохновеніе въ то мѣсто, изъ котораго вышелъ, между тѣмъ какъ она будетъ летать въ окрестностяхъ и понудить его снова начать путь свой.

Миссъ Карол. Я надѣюсь, сударь...

Сиръ Том. Оставить надѣжды, сударыня. Меня должно увѣдомить обстоятельнѣе. Могу ли я думать.... Но я тебя заставлю, естли могу разсуждать здраво, сколь бы хитрая женщина ты не была. Могу ли я принимать отъ всякаго другаго человѣка касательно тебя предложенія? Отвѣчай, могу ли я или нѣтъ. Не поступай со мною такъ, какъ дочери съ прочими отцами поступаютъ. Не начинай ослушиваться въ той довѣренности, что я по моей слабости тебѣ оное прощу. Я точно не простой отецъ. Я знаю свѣтъ. Я знаю твой полъ. Я позналъ въ немъ болѣе глупостей, нежели думалъ. Женщины не имѣютъ необходимости въ помощи мужчинъ, дабы быть глупыми. Природа одарила ихъ оными. Я

во всю мою жизнь не позналъ ни одной, которая бы по опыту других учинилась благоразумною. Не отвѣчай мнѣ, *Каролина*. Скажи могу ли я принимать новыя предложенія въ разсужденіи тебя, или нѣтъ.

[*Миссъ Каролина* отвѣчала одними слезами.]

Сиръ Том. Точно, героическая твердость. И такъ истинной добродѣтели, то есть: повиновеніемъ которое ты должна оказывать своему отцу; жертвуешь ты романическимъ мнѣніямъ постоянства и верности къ любовнику! Подойди ко мнѣ, влюбленная моя дочь; подойди же, говорю я, когда тебѣ приказываю.

[*Миссъ Каролина* встала. Четыре шага, которые она переступила, закрывая платкомъ глаза свои, приблизили ее къ рукамъ отца ея. Онъ съ торопливостью ухватилъ ее за руку, и коснувшись до нее своимъ рукавомъ, притянулъ ее даже къ коленямъ своимъ. Онъ отдернулъ другую ея руку, которую она держала у глазъ своихъ. Платокъ упалъ. Онъ увидѣлъ что ея глаза были красны и наполнены слезами. Она всячески старалась оборотиться назадъ, дабы скрыть беспорядокъ лица своего, но онъ крѣпко держалъ обѣ ея руки; и вдругъ захохоталъ.]

Сиръ Том. И такъ! о чемъ плачетъ эта дѣвица? Не плачь, *Каролина*; ты получишь мужа. Я тебѣ его обѣщаю. Я поспѣшу отвѣсти тебя на большую Лондонскую площадь. На тебя будутъ смотреть ко всѣхъ всенародныхъ мѣстахъ. Я постараюсь украсить тебя драгоценными камнями твоей матери, дабы привлечь на тебя глаза всѣхъ щеголей. Тебѣ должно дѣлать весьма скорыя завоеванія пока будешь почитаема какъ новоприбывшая дѣвица иначе скоро будешь замѣшана въ великомъ множествѣ женщинъ продающихъ свои лица во всѣхъ собраніяхъ. Нетерпѣливая дѣвица! Какъ ее жаль! взглянь на меня, *Каролина*. [При сихъ словахъ онъ опять захохоталъ.]

Миссъ Карол. По истиннѣ, сударь, естлибъ вы не были моимъ родителемъ....

Сиръ Том. О Боже! такъ чтоже бы было?

Миссъ Карол. Я хотѣла сказать, сударь, что вы весьма жестоко со мною поступаете.

Сиръ Том. Не ужели бы ты это сказала, бѣдненькая. Всякому другому человѣку, не правда ли? Въ подобныхъ обстоятельствахъ? очень хорошо; но однако, ты мнѣ не говоришь была ли бы ты довольна другимъ человѣкомъ, кромѣ твоею Шотландца. [Не переставая держать ее за руки.]

Миссъ Карол. Со мною поступаютъ чрезвычайно жестоко. По истиннѣ, сударь, вы не желаете оказать мнѣ свои милости. Я осмѣливаюсь сказать вамъ, что я дѣйствительно не влюблена, какъ то вамъ угодно въ томъ меня укорять. Я не имѣю нетерпѣливости выходить за мужъ. Я буду ожидать вашихъ повѣленій и времени въ которое вы пожелаете меня выдать; но поелику мнѣ кажется, что нельзя учинить

никакого возраженія противъ *Милорда Л...* то я совершенно не желаю ѣхать на Лондонскую площадь.

Сиръ Том. [Важнымъ голосомъ.] Естьлибъ я былъ разположенъ надъ тобою издѣваться, *Каролина*, естьлибъ я вознамѣрился обращать въ шутку то впечатлѣніе, коего я не ожидалъ отъ моихъ дочерей, которыя принудили меня нѣсколько презирать даже и чужихъ, хотя я ничего имъ такого не изъявлялъ; то совершенно не могъ бы снести, чтобъ ты мнѣ столь нагло отвѣчала. Вѣрь мнѣ, не забывай себя.

Миссъ Карол. [Съ оказаніемъ глубочайшаго почтенія.] Я прошу васъ изъ милости, сударь, позволить мнѣ удалиться. Я постараюсь вспомнить свои отвѣты, и чрезвычайно буду жалѣть, естьли....

Сиръ Том. Развѣ необходимо тебѣ должно удалиться, для воспоминанія своего долга?

Но ты должна мнѣ отвѣчать на мой вопросъ. Въ какомъ находишься ты положеніи съ *Милордомъ Л...*? Совершенно ли онъ рѣшился быть твоимъ мужемъ, и ты равно не желаешь другаго? Будешь ли ты имѣть съ нимъ терпѣливость ожидать того времени, пока я низвергнусь во гробъ и соединюсь съ моими предками?

Миссъ Карол. О дражайшей родитель! какія ужасныя изреченія! [Она искала глазами платка своего, которой еще лежалъ на полу. Она вырывала одну свою руку, дабы оной поднять; и когда тщетно было ея покушеніе, то слезы покатались изъ глазъ ея на подобіе граду, она упала на колѣни.] Сжальтесь надо иною, сказала она ему; я страшусь вашего гнѣва; но повторяю вамъ, что я дѣйствительно не влюблена; и дабы васъ въ томъ убѣдить, то я ни за кого не выду за мужъ, естьли не за *Милорда Л...*

Миссъ Шарлотта сказала, что во время всѣхъ сихъ движеній печальной ея сестры, будучи не менѣе и сама колеблема, она передвигала стулья, ставила ихъ опять на свои мѣста, взглядывала на *Миссъ Каролину*, обращала глаза свои назадъ, опасаясь повстрѣчаться съ глазами отца своего, устремляла оныя на свои пальцы, желая видѣть на оныхъ когти, когда бы тотъ человѣкъ, вмѣсто того что онъ былъ отцемъ, учинился мужемъ. По истиннѣ, *Миссъ Биронъ*, сказала она, мнѣ нельзя было не поставить себя на мѣстѣ сестры моея; а обстоятельство не столь было отдаленно, какъ *Милади Л...* то себѣ воображала. Однажды слышала я, какъ сердце мое говорило, естьлибъ какой *Милордъ Л...*, къ коему бъ я возымѣла толико склонности, признался мнѣ съ такою же честностію, то я не дожидалась бы сихъ гоненій. При первомъ появленіи луны, естьлибъ онъ усиленно и отъ добраго сердца просилъ меня, и естьлибъ я была увѣрена найти въ готовности священника, не мѣдила бы ни единой минуты прибѣгнуть къ другому покровительству, хотя и величайшее имѣла презреніе къ тѣмъ дѣвицамъ, кои уходятъ съ мужчиною. Осуждала ли бы тогда меня *Миссъ Биронъ*?

Миссъ Грандиссонъ, отвѣчала я, позабыла, какую матерью наградило ее Небо, и какими ей примѣрами обязана. Публика судила бы поступокъ дочери, неизвѣстна будучи о жестокости ея родителя. Словомъ, вы весьма щастливы, что не были подвержены такому опыту, и вы видите, что почтительная терпѣливость *Миледи* совершенно награждена.

Графиня весьма одобрила мой отвѣтъ, и оборотясь къ своей сестрѣ, которая долго еще хотѣла защищать добродѣтель и разсудокъ противъ жестокостей, напомнила ей, что она оставила повѣствованіе въ томъ мѣстѣ, когда *Миледи*, стояла на колѣнахъ. Подыми меня, сказала она ей пріятнымъ голосомъ, и отведи какъ можно скорѣе въ мою горницу. А *Миссъ Грандиссонъ* продолжала.

Сиръ Том. Ты ни за кого не выдешь замужъ, естли не за.... И ты дѣлаешь мнѣ такое объявленіе, дабы доказать, что ты дѣйствительно не влюблена! Какое безуміе! естлибъ ты не влюблена была до чрезвычайности, то конечно не находилась бы въ такомъ состояніи, которое внушаетъ тебѣ дерзость говорить мнѣ сіи слова. Безстыдная! безумная! удались отъ глазъ моихъ. [Она стала, но удержана была за руки.]

Сиръ Том. И ты осмѣливаешься дѣлать мнѣ такое объявленіе! И такъ, какужъ, скажи пожалуй, имѣю я теперъ власть? Не взирая на то, ты и *Милордъ Л....* какъ ты то думаешь въ сію минуту, признались другъ другу въ любви основанной на тѣхъ договорахъ, чтобъ оныя зависѣли отъ моего одобренія? Да наказанъ будетъ весь вашъ полъ! Богъ слѣпоты да подастъ вамъ спокойное убѣжище. Онъ покажетъ тебѣ путь, представляющей твоему сердцу безопасность и пріятность. Ты будешь шествовать веселыми и торжественными стопами до того, пока голова твоя не вскружится: тогда будешь ты перескакивать чрезъ стены и рвы, и пройдеши всѣ злоупотребленія; а долгъ, благоразуміе и скромность попираемы будутъ ногами [*Дражайшая Миссъ Каролина!* При семъ я не могла удержаться, чтобъ не прервать повѣствованія, я уже ожидала сего жестокаго нападка. Я также то предчувствовала, отвѣчала она мнѣ, и сіе-то воспрепятствовало мнѣ гораздо явственнѣе изъяснить то превосходство, по коему я предпочитала *Милорда, Л....* предъ всѣми мужчинами: поелику я толико была увѣрена въ его достоинствѣ, что сердце мое склонилось на оное безъ всякаго сумнѣнія. Но пусть моя сестра окончитъ сіе повѣствованіе.]

Сиръ Том. Бѣги? я тебѣ говорю? отъ моего присутствія, хотя все продолжалъ держать ее за руки.] И ета негодница; [оборотясь къ бѣдной *Щарлоттъ*, которая тебѣ говоритъ] ибо я безпрестанно примѣчалъ ея взгляды, и движеніе всѣхъ ея мускуловъ, принимаетъ участіе въ смѣходостойныхъ твоихъ трудностяхъ. Ты еще болѣе отъ того оныя чувствуешь, я то пюнимаю. Вы обѣ почитаете меня своимъ тираномъ. Вы желали бы, чтобъ я отъ васъ удалился, дабы свободно и вкупѣ предаться

нескромнымъ своимъ размышленіямъ. Я буду содержаніемъ оныхъ. Весь гнѣвъ, которой Вы усиливаетесь при семъ сокрыть, конечно изъявится. Я не болѣе буду почитаемъ, сколько дѣйствіе глупой твоей страсти то позволить. *Милордъ Л...* лучше будетъ вамъ подавать совѣты, нежели я, и наслаждаться довѣренностію обѣихъ моихъ дочерей противъ ихъ отца. Я предвижу, что въ сію минуту вы считаете меня самымъ смертельнѣйшимъ своимъ врагомъ. Но я отрекаюсь отъ васъ обѣихъ, не взирая на кровь мою, и позволю вашему брату, единому утѣшенію моей жизни, и единой надеждѣ благополучнѣйшихъ дней моихъ, возвратиться ко мнѣ изъ за моря. Онъ также не признаетъ васъ за своихъ сестеръ, въ противномъ же случаѣ я отрекусь и отъ самаго его; тогда буду я отецъ безъ дѣтей, хотя имѣю трехъ въ живѣ, и рожденныхъ самою изящнѣйшею матерью. Какого не чувствовала бы она прискорбія?

Движеніе *Миссъ Шарлотты* столь было сильно, что она не могла оному воспротивиться. О дражайшая моя матушка, вскричала она, колкое претерпѣваемъ мы нещастіе лишась тебя! теперь-то чувствуютъ твои дочери свою потерю! По семъ восклицаніи она хотѣла уже бѣжать вонъ. Взоры ея родителя привели ее въ трепетъ. Онъ всталъ. *Каролина*, не сходи съ мѣста, сказалъ онъ старшей. Я хочу тебѣ еще нѣчто сказать. Ты, *Шарлотта*, поди сюда, и взявъ ее за руки укорялъ ее въ томъ, что осмѣлялась прервать рѣчь его съ такою наглостію, которую онъ усматривалъ даже и въ глазахъ ея. Она шла къ ногамъ его. Она просила у него прощенія. Но онъ одною рукою держалъ обѣ ея руки, а другою ей грозилъ: да накажи меня Боже, сказалъ онъ яростнымъ голосомъ, естли я тебѣ прощу. Я надѣялся отъ тебя, что ты получишь хорошее наставленіе отъ безразсуднаго поступка сестры твоея. *Милордъ* сущей возмутитель и тать. Онъ нарушилъ спокойствіе въ домѣ моемъ. Онъ похитилъ у старшей моей дочери любовь ко мнѣ коварною хитростію, говоря, что безъ моего одобренія онъ ничего отъ ней не потребуетъ. Я его презираю и надѣюсь, что никто ни оспоритъ моего права слѣдовать моей волѣ, не смотря на то бунтовщица дерзаетъ мнѣ объявить, что не хочетъ никогда имѣть мужемъ другаго человѣка. Не воспитаны ли мною обѣ мой дочери даже до такихъ лѣтъ, отъ коихъ я ожидалъ помощи и утѣшенія; не ужели я жилъ во вдовствѣ ради ихъ для того, дабы видѣть одну похищаемою отъ себя такимъ человѣкомъ, отъ коего я стражду, и слышать чтобъ другая призывала на помощь мать свою изъ недръ земли противъ отеческаго тиранства? Чегожъ впредъ долженъ я ожидать какъ отъ одной, такъ и отъ другой? Но сему-то безумію я никогда не подвергнусь. Удалитесь отъ меня обѣ. Оставьте меня. Оставьте домъ сей. Ищите въ другомъ мѣстѣ своего благополучія. Возмите свои платья, и все то, что вамъ принадлежитъ; но опасайтесь коснуться до того, что оставлено мнѣ вашею матерью. Я прикажу выдать моему банкиру каждой изъ васъ по пяти сотъ гвиней. Когда вы издержите сію сумму, то

узнаю какое будетъ ваше поведеніе и увижу, что долженъ я тогда болѣе для васъ сдѣлать.

Дражайшей мой родитель, сказала ему *Каролина*, бросаюсь передъ нимъ на колѣни, простите мою сестру! Явите надо мною жестокость, какую вамъ угодно, только помилуйте мою сестру!

Сиръ Том. То есть, *Каролина*, ты о самой себѣ нимало не страшишься. Ты повергнешься въ объятія *Милорда Л...* я о томъ не сумнѣваюсь... но я хочу призвать сюда вашего брата... однако вы не останетесь въ семъ домѣ. Двери будутъ вамъ затворены въ самую ту минуту, какъ скоро вы изъ нихъ выступите; во всю жизнь мою они для васъ не отворятся. Когда прахъ мой соединится съ прахомъ вашей матери, тогда развѣ вы въ оный вступите, дабы попирать оныя своими ногами.

Миссъ Шарл. [Со вздохами и слезами.]

Да проститъ меня Боже, и вы любезный родитель. Призывая мать мою я не имѣла намѣренія васъ оскорбить. Я сожалѣла о ней столько же для васъ, *Сударь*, сколько для моей сестры и для самой себя. Она умѣрила бы...

Сиръ Том. Видно жестокость моего сердца. Я проникнулъ въ твои мысли, *Сударыня*.

[Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, оставя насъ на колѣнахъ у стула, которой оставилъ. Онъ прохаживался по залѣ въ великомъ смущеніи. Потомъ позвонивъ въ колокольчикъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее, и держа оную одною рукою, приказалъ послать ключницу. Она вошла. Сія женщина была весьма хорошаго свойства, которая увидѣвъ двухъ молодыхъ своихъ госпожъ стоящихъ на колѣнахъ, вострепѣтала.]

Сиръ Том. Бекфордъ, пособи етимъ двумъ дѣвицамъ собрать все имъ принадлежащее. Ты мнѣ подашь роспись о всемъ томъ, что онѣ возмутъ. Отеческая власть становится для нихъ тягостною. Онѣ думаютъ, что уже прошли лѣта покорности. Имъ нужны мужчины, мужья...

Миссъ Карол. Нѣтъ, *Бекфордъ*; увы! нѣтъ, нѣтъ....

Сиръ Том. Ты еще смѣешь мнѣ противорѣчишь, наглая!

Гжа. Бекфордъ. Я васъ прошу..... Г. мой, я заклинаю васъ..... во всемъ свѣтѣ не сыщите вы столь скромныхъ дѣвицъ. Обѣ онѣ весьма отличились во всемъ уѣздѣ своею кротостію. смиренностію и милостію.

Сиръ Том. Не дѣлай противъ меня никакихъ возраженій. Скромность никогда не удаляется отъ должнаго повиновенія. *Каролина* ненавидитъ своего отца. *Милордъ Л...* заступилъ мое мѣсто въ ея сердцѣ. *Шарлотта* возстаетъ противу меня, мнѣ кажется, что и ты также то предпринимаешь. Вѣрь мнѣ и безъ всякаго возраженія исполняй мои приказы, сіи двѣ дѣвицы не пробудутъ здѣсь ни четырехъ дней.

[Гжа. Бекфордъ стала на колѣни повторяя: я васъ прошу.... я заклинаю васъ.... Обѣ сестры встають, приближаются къ своему родителю, и равно бросаються къ ногамъ его.]

Миссъ Карол. Простите насъ, дражайшей нашъ родитель! Я прошу у васъ прощенія ради моей матери!

Миссъ Шарл. [Плачевнымъ голосомъ.] Простите меня, любезнѣйшій родитель, ради моей матери и моего брата!

[Обѣ тащатъ его къ себѣ за платье, а Гжа. Бекфордъ также имъ подражаетъ; онъ взиралъ на нихъ, не изъявляя ни мало своей трогательности.]

Сиръ Том. Я еще намѣренъ оказать вамъ единое удовольствіе, Сударыни. Я знаю, что моя власть налагаетъ на васъ иго. Вы безъ всякаго препятствія можете учиниться женщинами. Отецъ не прежде познаетъ нещастіе имѣя дочерей, какъ въ ту минуту, когда мужчины приходя показываютъ имъ внѣ дома родительскаго такое благополучіе, коего однако онѣ весьма редко находятъ внѣ того мѣста, которое горятъ нетерпѣливостію оставить.

Миссъ Шарл. Мы желаемъ быть у васъ, дражайшей мой родитель Мы ваши. Не подвергайте вашихъ дочерей всенародному осужденію. До сего времени доброе наше имя еще не помрачено.

Миссъ Карол. Ахъ! любезнѣйшій мой родитель, не низвергайте насъ въ пропасть того свѣта, коего мы совершенно еще не знаемъ! Сохраните насъ подъ своимъ покровительствомъ! Мы не желаемъ онаго ни отъ кого другаго.

Сиръ Том. Вы испытаете оный, Сударыни. Вы меня не почитаете болѣе способнымъ подавать вамъ совѣты. *Милордъ Л...* лишаетъ меня одной дочери, другая призываетъ тѣнь своей матери, дабы избѣжать моей жестокости; а *Милордъ Л...* не оказалъ ли своей наглости, подавая мнѣ знать, что я еще весьма молодъ дабы пещися о поведеніи толико благовоспитанныхъ дочерей, каковы мои? Я ему вѣрю. *Бекфордъ*, ты тщетно проливаешь свои слезы; изготовь ихъ къ отъѣзду. Я не позволяю имъ болѣе осьми дней остаться въ семъ домѣ. Онъ вѣчно уже затворенъ имъ будетъ.

Миссъ Карол. Ахъ! любезный родитель, не приводите дѣтей своихъ въ отчаяніе. Мы дѣвицы. Никогда не имѣли мы толико нужды въ родительскомъ покровительствѣ, какъ теперь.

Миссъ Шарл. Чѣмъ заслужили мы, Г. мой, изгнаніе изъ вашего дома? Мы просимъ у васъ прощенія за все то, что могло васъ оскорбить. Наше повиновеніе и уваженіе будутъ простираться къ вамъ до высочайшей степени. Позвольте мнѣ отписать къ моему брату.

Сиръ Том. Прекрасное средство для успокоенія меня! и такъ вы думаете склонить вашего брата въ свою пользу! Не желаете ли вы отнестись въ томъ къ нему и поставить его судіею надъ отцемъ своимъ?

Несносная глупость! удаляйтесь отсюда, говорю я вамъ, Приготовляйтесь къ отъѣзду, и сей домъ будешь на вѣки для васъ затворень!

Миссъ Шарл. Мы ничего столько не желаемъ, какъ жить подъ вашимъ покровительствомъ и всегда будемъ вамъ послушны. О! Г. мой!

Сиръ Том. Я думаю, *Каролина*, что *Милордъ Л...* не болѣе будетъ имѣть затрудненія тебя сыскать, сколько имѣлъ онаго, дабы увѣрится въ твоей склонности. Чтожъ касается до тебя, *Шарлотта*, то ты можешь ѣхать къ старой твоей теткѣ въ *Йорк-Ширъ*, которая въ состояніи тебя научить, что терпѣніе есть добродѣтель, и что дѣвица не должна склоняться на первое представленіе, когда она желаетъ, чтобъ вторично ей оное предложено было. [При семъ онъ взглянулъ на нее весьма презрительно.]

Знай, любезная моя *Люція*, что сія старая тетка, живущая въ *Йорк-Ширъ* есть сестра *Сира Толмса*, коей онъ всегда препятствовалъ выходить за мужъ, и коей выдавалъ весьма посредственную сумму денегъ на содержаніе, хотя она имѣетъ такія права, кои онъ ни чемъ оспорить не можетъ; но исполненіе оныхъ весьма искусно онъ опровергалъ.

Миссъ Карол. Я ваша дочь, Г. мой. Все достойно уваженія съ родительской стороны. Но я ни чемъ не заслужила вашей укоризны, я не буду имѣть никакого впечатленія, и клятвенно обѣщаюсь вамъ на колѣняхъ, не выходить никогда за мужъ за *Милорда Л...* безъ вашего соизволенія. При всемъ томъ единственно васъ прошу, Г. мой, не предлагать мнѣ никогда о другомъ человѣкѣ.

Сиръ Том. [Будучи нѣсколько смягченъ.] Я соглашаюсь на честное твое слово, *Сударыня*. Но въ тожъ самое время отъ тебя требую, чтобъ ты не имѣла съ нимъ никакого сообщенія, чтобъ ты никогда съ нимъ не видалась и совершенно не имѣла переписки. Словомъ, ты узнаешь мои намѣренія, въ послѣдней разъ говорю я, что не взирая на всѣ твои отвѣты, требую отъ тебя повиновенія. *Бекфордъ*, ты теперь можешь удалиться. Встань, *Каролина*.

Миссъ Карол. [Будучи внѣ себя отъ радостнаго восторга.] Ахъ, неужели я прощена, Г. мой? И такъ явите же равную милость и сестрѣ моей.

Сиръ Том. *Шарлотта*, воспользуйся симъ явленіемъ; наипаче касательно того, дабы удалиться отъ всякаго роду обязательствъ, о коемъ бы родитель твой не былъ увѣдомленъ. Я дѣйствительно буду соображаться въ томъ съ твоимъ мнѣніемъ. *Каролина* претерпѣла нѣсколько прискорбій за тѣ, кои причинила мнѣ. Сіе весьма справедливо. Да послужитъ примѣръ ея тебѣ наставленіемъ!

Госпожа *Бекфордъ* вышла; онъ обласкалъ нѣсколько обѣихъ сестеръ весьма пріятною улыбкою. Онъ, казалось, торжествовалъ надъ всѣми тѣми мученіями, кои заставилъ ихъ претерпѣть: по какой же причинѣ, любезная *Люція*? Я сумнѣваюсь, чтобъ ты могли болѣе въ оную

проникнуть, нежели я. По истиннѣ, мнѣ кажется, что люди не были бы отъ того хуже, когда бы тщетныя сіи воспламененія менѣе были употребительны между отцами и матерями.

Но какимъ образомъ пылкое свойство *Миссъ Грандиссонъ*, подумала я сама въ себѣ, столь удобно могло покориться. Отъ сего, размышленія я усмѣхнулась. *Милади*, примѣтя оное, спросила меня, чему я усмѣхнулась? Простите ли вы меня за оное? сказала я ей. Етово я не знаю, отвѣчала она мнѣ. Я полагаюсь въ томъ, возразила я, на доброе ваше свойство, я усмѣхнулась отъ удивленія по причинѣ тѣхъ изящныхъ успѣховъ, кои наша *Шарлотта* съ того времени получила. О насмѣшница! вскричала *Миссъ Грандиссонъ*, но она кажется запомнила, что я и сама должна еще много, надъ нею издѣваться. Хорошо сказано, возразила *Милади*. Впрочемъ я должна отдать справедливость *Шарлоттѣ*, что она всегда оказывала ту пылкость, о коей вы не безызвѣстны, выключая токмо того времени, когда она находится предъ глазами своего родителя.

Но я хочу присовокупишь, продолжала *Графиня*, нѣсколько словъ къ послѣднему ея повѣствованію. Отецъ мой удержалъ насъ при себѣ до того времени, пока ему заблагоразсудилось прочесть намъ записку *Милорда*, коей онъ еще не развертывалъ, и которую ори семь развернулъ не для чего иннаго, естли не обманываюсь, какъ для того, дабы найти случай чѣмъ нибудь укорить насъ. Однако я отъ того отдѣлалась лучше, нежели чаяла; ибо сама я совершенно не видала сей важной записки.

Ты не пожалѣешь, любезная *Люція*, естли я для тебя ее перепишу съ самаго того подлинника, которой *Графиня* оставила у меня сего вечера прощаясь съ нами.

„Позвольте, милостивый государь, употребить мнѣ перо мое по той единой причинѣ, что оно можетъ быть для васъ гораздо пріятнѣе моего присутствія; дабы возблагодарить васъ отъ искренняго сердца за всѣ знаки милости и дружбы, мнѣ вами оказанные въ продолженіе цѣлаго мѣсяца моего пребыванія въ замкѣ *Грандиссонъ*, вмѣсто единыхъ сутокъ, кои я имѣлъ намѣреніе въ ономъ остаться. Я ощущаю въ сердцѣ моемъ отъ послѣдняго моего съ вами разговору справедливый страхъ наказанія за нѣкошорыя весьма пылкія мои израженія. Естли вы равно о томъ помышляете, то я всепокорнѣйше прошу у васъ прощенія, и признаю себя къ етому обязаннымъ. Кто можетъ оспорить родительскія права надъ дѣтьми его. Но я почелъ бы себя благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ, естлибъ ваши права и страстная любовь моя къ *Миссъ Каролинѣ Грандиссонъ* могли между собою согласоваться. Можетъ быть вы считаете меня виновнымъ за то, что я не отнесся прежде къ вамъ; въ томъ я равно прошу у васъ милостиваго прощенія.

„Но я страшусь укоризны за учиненный мною гораздо важнѣйшей проступокъ; и хотя меня ничто въ томъ не обязываетъ вамъ признаться, но я лучше желаю просить вашего снисхожденія за мое неблагоразуміе,

нежели употребить и самое малѣйшее лукавство въ столь важномъ дѣлѣ. И такъ я искренно вамъ признаюсь, что оставя васъ я палъ къ ногамъ *Миссъ Грандиссонъ* и просилъ ея руки. Союзъ со мною не навлечетъ на нея никакого безчестія; я увѣрялъ ее, что моего имѣнія будетъ для насъ довольно, хотя мы и ничего отъ васъ не получимъ, и что экономія, въ коей, какъ я былъ увѣренъ, приписывали ей великую честь, вскорѣ ее отъ того обезпечить. Но она отвергла усильныя мои прозъбы, въ намѣреніи ожидать согласія отъ своего родителя; оставя мнѣ по крайней мѣрѣ единую надежду, что препятствія не произойдутъ отъ нее, естли мы токмо можемъ получить ваше соизволеніе. Мое рѣшеніе, милостивый государь, состоитъ въ томъ, что доколѣ буду имѣть хотя единую тѣнь сея надежды, до толѣ не стану совершенно помышлять ни о какой другой женщинѣ. Искреннее дружество, въ коемъ я жилъ съ нѣсколькими мѣсяцъ въ разныхъ областяхъ Италіи и Нѣмецкой земли съ вашимъ сыномъ, наипревосходнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ, внушило мнѣ честолюбіе слѣдовать его примѣру, и естли возмогу получить вашею милостію толико драгоценную супругу и столь добродѣтельнаго брата, то ничто не будетъ сравнительно, милостивый государь, съ благополучіемъ покорнѣйшаго и преданнѣйшаго вашего слуги *Л...*

Сіе письмо, сказала мнѣ *Милади Л...* показалось *Сиру Томасу* хитростнымъ. Онъ думалъ, что *Милордъ* долженъ почитать себя весьма въ ней увѣреннымъ, когда представлялъ ему такое предложеніе, которое ни какимъ правиломъ не можетъ быть оправдано. Отказъ, сказалъ онъ ей, учиненъ былъ весьма хитрою дѣвушкою. Ты конечно не сумнѣвалась, чтобъ *Милордъ Л...* не любилъ тебя еще болѣе за то, что отвергла исполненія брака тайнымъ образомъ; не надѣется ли онъ теперъ обратить сіе дѣло въ свою пользу? Надмѣнность, продолжалъ онъ составляетъ добродѣтель одной половины женщинъ, а учтивость другой. Онъ очень въ томъ увѣренъ. И хотя мужчина весьма худое имѣетъ о нихъ мнѣніе, но онъ никогда не отвергаютъ перваго ихъ предложенія. естлибъ ты жила не въ зависимости, скажи, *Сударыня*; что бы ты сдѣлала? Ты слаба; но гораздо болѣе имѣешь хитрости. Хитрость въ женщинахъ занимаетъ мѣсто благоразумія, а слабость ихъ происходитъ отъ бодрости мужчинъ. Жаль, что мои дочери не составлены изъ существъ менѣе слабыхъ. Но я больше всего дивлюсь тому, что человѣкъ знающей вашъ полъ, помышляетъ бракъ.

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ, любезная *Люція*, такого родителя, которой препровелъ всю свою жизнь въ чрезвычайномъ волокитствѣ какъ будто бы почиталъ свои намѣренія весьма оправданными язвительными своими поступками противъ женщинъ. Такимъ-то образомъ злоба; присоединяясь къ развращенію нравовъ, слыветъ свѣтскимъ знаніемъ и человѣколюбивымъ сердцемъ. Колико сочинителей обязаны своею честію симъ презрительнымъ картинамъ. Но не станемъ вѣрить, чтобъ

свойство человеческой природы, то есть, толико творений, созданных по образу Божию, приведено было въ такія заблужденіе отъ гнуснаго воображенія, а болѣе должно мыслить о великомъ множествѣ сихъ писателей то, что они вообще жили въ худомъ сообществѣ. Я надѣюсь, любезная моя, что ты по новости предмета извинишь меня за толь продолжительное письмо.

Въ то время, когда двѣ госпожи въ семь мѣстѣ своей исторіи остановились, подали мнѣ письмо отъ моей бабушки и тетушки. Ты легко можешь судить изъ моего отвѣта, о томъ смущеніи, въ кое онѣ меня привели. Я не могла того сокрыть, и обѣ сестры неотмѣнно желали знать тому причину. Я имъ сказала отъ кого присланы сіи письма, и что моя тетушка, въ будущую субботу должна отвѣчать *Миладу Л...* Онѣ позволили мнѣ удалиться, дабы написать къ вамъ отвѣтъ. Но по отходѣ посланца онѣ меня спросили, въ чемъ состоитъ мое рѣшеніе? Я безъ всякаго затрудненія имъ сказала, что подтвердила отказъ мой. *Миссъ Грандиссонъ* подняла руки и глаза къ небу, потомъ взглянувъ на меня проницательнымъ окомъ, говорила; вы должны объявить намъ правду, но я предвижу, что мы ее не совершенно узнаемъ. Я покраснѣла. Она продолжала на меня смотрѣть. Ахъ! дражайшая *Генриетта*, возразила она важнымъ голосомъ. Дражайшая *Миссъ Грандиссонъ*! отвѣчала я съ откровенностію. Вы никакъ меня не увѣрите, присовокупила она, чтобъ не было въ *Нортгамитон-Ширъ* такого человѣка, о коемъ мы еще не слыхали.

Отъ сего заключенія я нѣсколько успокоилась. Не ужели любопытная *Миссъ Грандиссонъ* съ намѣреніемъ сіе сказала? Она столь великодушна, что я не почитаю ее способною забавляться моимъ состояніемъ, хотябъ она и усматривала во мнѣ какую нибудь слабость. Я страшусь о моемъ здравіи, которое совершенно уже противъ прежняго перемѣнилось. Я уже не столь щастлива; какъ была у себя. Впрочемъ, любезная моя, не ясно ли ты видишь, что всѣ тѣ обстоятельства, въ коихъ уже я нахожусь около шести недѣль, должны были произвести сію перемѣну. Но обратимся къ чему нибудь забавному

По моей прозвѣбѣ обѣ сестры начали опять продолжать исторію своей фамилии.

Сиръ Томасъ казалось не намѣренъ былъ перемѣнить своихъ намѣреній; хотя имъ легко усмотрѣть было можно, что онъ былъ бы убѣжденъ уваженіемъ *Миссъ Каролины* и великодушіемъ *Милорда Л...*, естлибъ въ разстройствѣ обстоятельствъ своихъ не имѣлъ труда расточать свои деньги. Онъ поѣхалъ въ Лондонъ съ своими дочерьми. Дѣйствительно думали, что ему нимало не было бы досадно, когдабъ два любовника сочетались бракомъ безъ его соучастія; ибо первое его приказаніе, по прибытіи въ городъ, состояло въ новомъ запрещеніи не принимать никогда отъ *Милорда* посѣщеній: и въ теченіе нѣсколькихъ

недѣль онѣ весьма тѣмъ были обязаны своей сестрѣ; тутъ она шутя напомнила о сихъ случаяхъ *Милади*, за многія средства употребленныя ею къ споспѣшествованію ихъ свиданій.

Обстоятельства наши находились тогда въ такомъ положеніи, какъ учинены были предложенія *Сиру Томасу*, касательно младшей его дочери. Но поелику онъ совершенно не имѣлъ противъ *Миссъ Шарлотты* таковыхъ видовъ, какіе имѣлъ противъ ея сестры; то для сего ничего ей не сообщилъ, а она освѣдомилась о томъ другими средствами. удивлялась ли бы ты, спросила она меня, естлибъ примѣръ всего происшедшаго предъ моими глазами, привелъ меня къ какому нибудь отважному поступку? Я увѣрена, отвѣчала я ей, что нѣтъ никакой несправедливости со стороны такого родителя, которой могъ оправдать дѣтскую отважность. Ваша добродѣтель васъ спасла, и вы конечно теперь онымъ наслаждаетесь. *Миссъ Шарлотта* покраснѣла, и кусала у себя губы. За чѣмъ же она краснѣла?

Наконецъ *Сиръ Томасъ* рѣшился привести въ порядокъ дѣла свои въ иномъ намѣреніи, дабы возвратить такого сына, коего благоразуміе и почтеніе составляли, какъ онъ говорилъ, благополучіе его жизни. Но онъ приходилъ въ замѣшательство по причинѣ Гжи. *Олдамъ* и двухъ ея дѣтей. Хотя онъ имѣлъ причину думать, что его сынъ не безъизвѣстенъ о семъ прежнемъ сообществѣ; но онъ не желалъ представить ему въ зрѣлище, по его возвращеніи, новую фамилію живущую въ одномъ изъ его помѣстьевъ. Съ другой стороны, сія женщина весьма много ему пожертвовала, и заслуживала хорошихъ съ его стороны расположеній, и по тому онъ почиталъ себя обязаннымъ стараться о составленіи благополучія дѣтямъ съ нею прижитымъ.

Въ то время какъ занимался онъ сими попеченіями, учинено ему было предложеніе о бракѣ съ его сыномъ, отъ одного изъ первыхъ знатныхъ господъ въ Королевствѣ, коего дочь, путешествуя съ своимъ братомъ по Франціи и Италіи, возымѣла самыя нѣжныя чувствованія къ молодому *Грандиссону*, котораго она часто видала во Флоренціи. Ея родитель и братъ, будучи извѣстны о всѣхъ достоинствахъ молодаго *Кавалера*, одобрили ея склонность. *Сиръ Томасъ* имѣлъ съ ними о томъ нѣсколько переговоровъ и толико обольщенъ былъ ихъ предложеніями, что вознамѣрился отдать все имѣніе своему сыну, естли онъ согласится на сей бракъ, и опредѣлитъ себѣ ежегодной пенсіонъ. Обѣ сестры доказали мнѣ справедливость онаго отвѣтомъ своего брата, которой онѣ нашли еще до его возвращенія въ разныхъ бумагахъ, и которой онѣ позволили мнѣ списать.

Милостивѣйшій государь!

Послѣднее ваше письмо привело меня въ чрезвычайное удивленіе. Естли предложеніе, въ ономъ заключающееся, происходитъ отъ естественнаго величія души вашей, и отъ того самаго снисхожденія, коего

дѣйствія толикократно я ощущалъ; то что могу я отвѣтствовать? Я не могу выразить моей благодарности! Но если вы сильными какими убѣжденіями склонились къ сей безпредельной милости; то сохрани Боже, чтобъ я назвалъ вашимъ именемъ такую женщину, [какуюбы ни принесла она мнѣ славу знатною своею порою и богатствами] коея ближніе способны бы были предложить таковыя договоры моему родителю! Я ощущаю съ неизреченною радостію надежду, которую вы мнѣ подаете о скоромъ моемъ возвращеніи въ отечество, дабы повергнуться къ словамъ вашимъ. Когда получу я сіе позволеніе, тогда открою вамъ внутренность моего сердца. Знатность вашего имени и извѣстная ваша доброта послужатъ мнѣ славнѣйшимъ предстательствомъ въ томъ намѣреніи, кое, кажется, вы свершить желаете. Но я васъ прошу изъ милости, любезный родитель, отложить до моего возвращенія всѣ тѣ договоры, кои вы по милости своей ради меня уже начали. Вы оказываете мнѣ и ту милость, когда спрашиваете моего мнѣнія о особѣ вамъ предлагаемой. Помнится мнѣ, что я находилъ въ ней многія достоинства и пріятности.

Я познаю къ чувствительному моему прискорбію, что вы получили нѣкоторую причину къ неудовольствію отъ поведенія сестеръ моихъ. Какимъ образомъ могли позабыть долгъ свой дочери рожденныя толико изящною матерью, какова была наша? Онѣ не должны надѣяться, чтобъ я благопріятствовалъ имъ въ ихъ погрѣшностяхъ. Я объявлю имъ искренно, что мое почтеніе и дружба, если онѣ хотя нѣсколько уважаютъ во мнѣ оныя, гораздо болѣе основываются на заслугѣ, нежели на родствѣ; что и самыя хорошія качества становятся сумнительными, когда не бывають сопровождаемы тѣмъ почтеніемъ, коимъ обязаны мы своему родителю.

Вы спрашиваете у меня, любезный родитель, что я думаю о *Милордѣ Л...* и не учинилъ ли онъ какого поступка, дабы склонить меня въ свою пользу, по случаю тѣхъ чувствованій, кои онъ возымѣлъ къ сестрѣ моей *Каролинѣ*. Онъ удостоилъ меня своимъ письмомъ. Я посылаю къ вамъ его письмо и списокъ съ моего на то отвѣта. Чтожъ касается до его свойства, то я долженъ сказать, что изъ всѣхъ Англичанъ, встрѣчавшихся со мною въ путешествіяхъ, я не нашелъ ни единого, коего бы поведеніе и хорошее свойство внушало во мнѣ болѣе почтенія и дружбы. Долгъ требуетъ равно и моя склонность меня обязываетъ отдать ему сію справедливость. Колико для меня прискорбно, если онъ показался глазамъ вашимъ недостойнымъ, и если сестра моя забыла то, чѣмъ вамъ обязана!

Вы по великому своему снисхожденію присовокупляете, что возвращеніе мое умножитъ силы ваши. Да отниметъ, Боже, отъ меня мои силы, и да лишитъ меня власти дѣлать добро самому себѣ, или тѣмъ, коихъ я люблю, если забуду, или перестану почитать и уважать

снисходительнѣйшаго изъ всѣхъ родителей! Впрочемъ пребываю вашъ и проч.

Кар. Грандиссонъ.

Что скажешь ты, *Люція*, о семъ удивленіи достойномъ человѣкѣ? Но замѣтимъ, что онъ обѣщается по своемъ возвращеніи открыть внутренность своего сердца, и что до того времени онъ проситъ, чтобъ переговоры, касательно его, были прерваны. Ахъ! любезная моя! какая можетъ быть надежда отъ новаго извѣстія, противъ коего сердце не въ состояніи защищаться? Разсудимъ обстоятельнѣе: естли *Кавалеръ Грандиссонъ* дѣйствительно обрученъ; то сіе препятствіе не подастъ ли разсудительной женщинѣ силу преодолѣть страсть свою? И такъ можно восторжествовать надъ оною; а естли бы та женщина которая бы почитала побѣду невозможною въ одномъ предположеніи, находила невозможность и въ другомъ, то я совѣтовала бы ей отъ стыда умереть, или по крайней мѣрѣ оплакивать свою глупость въ глубочайшемъ униженіи.

Письмо молодаго *Кавалера* не прежде попало въ руки его сестеръ, какъ по смерти ихъ родителя, которая воспослѣдовала по прошествіи нѣсколькихъ недѣль по полученіи онаго, то есть, прежде нежели онъ дозволилъ своему сыну возвратиться въ свое отечество. Ты легко судить можешь, что онѣ чувствительно были тронуты тѣми предупрежденіями, кои ихъ родитель старался возродить противъ ихъ въ сердцѣ ихъ брата, а сей страхъ по смерти его еще болѣе увеличился. Онъ отложя заключеніе брака обратилъ всѣ свои старанія къ приведенію въ порядокъ своихъ обстоятельствъ. Онъ приказалъ пріѣхать изъ Ирландіи управителю, которому препоручено было тамошнее его имѣніе. Онъ употребилъ нѣсколько дней на принятіе отъ него отчетовъ. Управитель надъ имѣніями находящимися въ Англіи отдалъ также свой отчетъ; но сіи два человѣка согласясь вмѣстѣ сыскали средство склонить его оправдать всѣ ихъ мнѣнія, касательно до общихъ опредѣленій, кои онъ обѣщался подписать. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, казалось, что онъ ничего другаго не опасался, кромѣ своего сына. Странная сила порока, доходящая даже до гордости!

Но ктожъ можетъ ручаться за исправленіе столь закорѣналаго своевольца, когда онъ подверженъ искушенію? Примѣчай со вниманіемъ нижеслѣдующее. Г. *Фильмеръ*, Ирландской управитель, зная слабости своего господина, привезъ изъ *Дублина* молодую дѣвицу около шестнадцати лѣтъ, подъ тѣмъ видомъ, будто бы она пріѣхала посѣтить двухъ своихъ старыхъ тетокъ живущихъ въ *Лондонѣ*. До того времени она препровождала жизнь свою въ невинности: но ея родители были Ирландцы, люди незнающіе добродѣтели, и по тому столь мало позволяли внушать ей оную, что напротивъ того, воспитывая ее съ тѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ естественныя ея пріятности послужили нѣкогда къ пріобрѣтенію ея благополучія, безпрестанно ей повторяли, что она не должна иначе онаго надѣяться. *Г. Фильмеръ*, во всякомъ случаѣ когда токмо видался съ *Сиромъ Томасомъ*, выхвалялъ ему красоту *Миссъ Орбаны*, а наипаче ея невинность, которая есть самая сильная приманка своевольцевъ. *Кавалеръ* занявъ будучи чистосердечно новыми своими мыслями, сперва удовольствовался тѣмъ, что слушалъ эти хитрыя обольщенія. Наконецъ любопытство понудило его посѣтить двухъ тетокъ. Онъ видѣлъ ихъ племянницу. Ея прелести соотвѣтствовали похваламъ *Фильмера*. *Сиръ Томасъ*, видя ее нѣсколько разъ, почувствовалъ къ ней столь сильную страсть, что искренно признался своему управителю, что онъ не можетъ безъ нее жить.

Тогда они единственно помышляли о томъ, дабы получить великую пользу отъ его ослѣпленія. Онъ представлялъ весьма знатные договоры; но въ теченіе нѣкоего времени старыя тетки ни о чемъ и слушать не хотѣли, кромѣ брака. *Сиръ Томасъ* живучи въ свѣтѣ весьма долгое время, легко могъ проникнуть въ ихъ упорность. По сей причинѣ ему представили такіе предложенія, отъ коихъ, казалось, они не хотѣли отступить: молодая дѣвица, которая его любитъ, говорили ему, съ такою нѣжностію, какой она ни къ кому еще не чувствовала, конечно лишится жизни отъ печали и изнеможенія. Сіе-то чрезвычайно ласкало такого человѣка, которой въ трое былъ старѣе своей любовницы и ощущалъ еще удовольствіе быть любиму.

Договоры состояли въ томъ, чтобъ онъ опредѣлилъ *Миссъ Орбанъ* по смерти ея пенсію состоящую въ пяти стахъ фунтахъ *Стерлинговъ*; а если согласится на то ея отецъ и мать, чтобъ назначилъ и имъ также пенсію въ двухъ стахъ *Стерлинговъ*; чтобъ *Миссъ Орбанъ* имѣла свое пребываніе въ одномъ изъ помѣстьевъ *Сира Томаса*, получала бы экипажъ и платье отъ своего любовника: и чтобъ для сохраненія благопристойности онъ согласился безъ всякаго возраженія называть ее своимъ именемъ: обѣ же тетки полагаются на его великодушіе, въ благодарность, которой онѣ почитаютъ себя достойными за сію важную услугу.

Ихъ требованія показали *Сирю Томасу* чрезвычайными. Онъ сопротивлялся тому нѣсколько времени; но хитрость употребленная со всѣхъ сторонъ дабы его обольстить и любовь, сіе неумѣстное для него имя, какъ я уже то сказала, принудили его покориться подъ свое иго. Его замѣшательство состояло въ томъ, дабы имѣть сей новой расходъ, не умножая разстройства своихъ обстоятельствъ, и сыскать причину, дабы держать по отдаленности своего сына. Впрочемъ, *Гжа Олдамъ* не болѣе была спокойна съ того времени, какъ онъ сталъ ей говорить о возвращеніи своего сына, желала удалиться изъ *Ессекса*, опасаяся учиниться толико же презрительною молодому *Грандиссону*, колико она

была презираема обѣими его сестрами. Колеблясь толь различными безпокойствіями онъ почелъ за долгъ избавиться сперва отъ прежней своей любовницы, и отправившись въ Ессексъ не подписавши еще новаго своего обязательства съ тетками *Миссъ Орбаиъ*, онъ рѣшился, дабы получить денегъ на такія издержки, продать весьма богатую рошу, которую онъ давно уже былъ намѣренъ сбыть съ рукъ, но сохранялъ ее такъ, какъ единой источникъ, которой долженствовалъ помочь его сыну къ очищенію одной части его владѣнія.

Онъ прибылъ въ помѣстье свое бывшее въ Ессексъ. Но тамъ, будучи исполненъ таковыми вымыслами, и начиная тихо поступать съ Гжею. *Олдгамъ*, которая почитала сію перемѣну предзнаменованіемъ истиннаго исправленія, онъ впалъ въ сильную горячку, которая лишила его чрезъ три дни той силы тѣла и разума, кои онъ столь долгое время употреблялъ во зло. Англинскій его управитель тотчасъ отправился къ нему по почтѣ, въ надеждѣ заставить его подписать свои щеты. Но торопливость, съ коею онъ появился въ замокъ, произвела такія подозрѣнія, кои не позволили Гжѣ *Олдгамъ* допустить его до господина. *Фильмеръ* отправившись за Гжею *Орбанъ*, дабы привезти ее въ Лондонъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ она была при заключеніи бесчестнаго договору своя дочери, также прибылъ со своими щетами; и нашедши въ замкѣ единый токмо предметъ ужаснаго положенія, удалился въ ближній постоялый дворъ, полагая послѣднюю свою надежду на сильное сложеніе больнаго. Въ шестой день врачи объявили, что они совершенно не усматриваютъ никакой надежды къ его выздоровленію; чтобъ она увѣдомила двухъ сестеръ о опаснѣйшемъ состояніи ихъ родителя. Онѣ туда отправились. Дѣйствительно не лзя было предполагать, чтобъ онѣ любили такую женщину, которая причинила имъ нѣкую часть ихъ прискорбій. Г. *Еверардъ Грандиссонъ*; съ коимъ онѣ отправились, приказалъ ей сказать съ ихъ стороны, что она совершенно не должна остаться долѣе при ихъ родителѣ. Она по своему благоразумію удалила уже дѣтей своихъ: но твердо настояла тамъ остаться, по причинѣ ли своей нѣжности, или потому, дабы избѣжать подозрѣній въ похищеніи какихъ нѣсть вещей; ибо по смерти *Сира Томаса*, она не ожидала никакого сожалѣнія отъ фамиліи. Нещастная женщина! какого званія могла она тамъ требовать? *Миссъ Каролина* на то согласилась и склонила къ тому также сестру свою. Ничто не было для нихъ толико разительно, какъ слышать отъ своего родителя, въ его безпамятствѣ, безпрестанно повторяемое имя *Миссъ Орбаны*, хотя онѣ совершенно ничего не знали о новомъ договорѣ, да и Гжа. *Олдгамъ* не лучше была о томъ свѣдома. Иногда также произносилъ онъ имя своего сына; но сіе всегда происходило съ нѣкими знаками страха или смущенія. Въ осьмый день врачи его оставили, и его дочери въ то же время послали нарочнаго жъ своему брату, дабы онъ какъ возможно скорѣе поспѣшилъ своимъ

возвращеніемъ. Онѣ извѣстны были изъ недавно полученныхъ писемъ, что оставя *Миссъ Емилию Жервинсъ* во Флоренціи, подъ смотреніемъ Доктора *Барлета*, онѣ отправился въ Парижъ дабы ожидать тамъ позволенія возвратиться въ Англію. На десятый день, *Сиръ Томасъ* пришелъ нѣсколько въ самага себя. Онѣ узналъ дочерей своихъ. Онѣ проливалъ о нихъ слезы. Онѣ сожалѣлъ, что не поступалъ съ ними съ большею нѣжностію. Гжа. *Олдгамъ* подошла къ нему; онѣ призналъ себя виновнымъ въ томъ безпорядкѣ, въ которой онѣ ее вовлекъ. Но таковое его состояніе весьма мало продолжалось. Онѣ паки впалъ въ безпамятство и около вечера испустилъ послѣднее свое дыханіе. Оплачемъ вкупѣ, любезная моя *Люція*, ужасную кончину *Сира Томаса Грандиссона*, хотя мы его совершенно не знали.

Для безопасности своей, обѣ сестры, Г. *Еверардъ Грандиссонъ* и Гжа. *Олдгамъ* приложили свои печати ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, въ коихъ могли предполагать, что должно находиться важнѣйшимъ бумагамъ, или драгоценнымъ вещамъ, и Г. *Еверардъ Грандиссонъ* принялъ на себя трудъ отпустить Гжу. *Олдгамъ*. Онѣ толико былъ жестокъ, онѣ, которой не болѣе ее стоилъ, что не позволилъ ей взять даже и своего платья. Злые люди, любезная моя, суть тѣ, которые стремятся съ жестокостію къ наказанію другихъ за ихъ пороки. Гжа. *Олдгамъ* весьма горестно плакала, и жаловалась за сію жестокость; но не возбуждая нималѣйшаго сожалѣнія въ Г. *Грандиссонъ* она отослана была передъ прибытіемъ молодаго *Кавалера*, отъ коего заставили ее страшиться еще жесточайшаго правосудія. Она ссылалась въ томъ на обѣихъ сестеръ, укоряющихъ ее въ той распутной жизни, которую она препровождала противъ здраваго своего разсудка; а наипаче жъ злоупотребленіи чиненномъ ею изъ довѣренности ихъ родителя, внушая ему, относительно къ дѣтямъ его, такую жестокость, которая не была ему свойственна. Толико благовоспитанныя дочери конечно имѣли причину стараться извинить поведеніе своего родителя; но несчастная *Олдгамъ* за все то заплатила.

Я принимая искренное участіе въ сей исторіи, толико въ писаніе оной погрузилась, что мнѣ не приходило еще и на мысль прервать ее, дабы изъяснить тебѣ ту пріятность, съ какою мы препровожаемъ здѣсь наше пребываніе. Обѣ сестры употребляютъ всѣ свои старанія, дабы житіе мое здѣсь показалось мнѣ кратковременнымъ, *Миссъ Емилиа* представляется глазамъ моимъ весьма плѣнительною, по кротости своего нрава, и по чему то, совершенно не понимаю, толико простому и дѣтскому, чего не можно бы было ожидать отъ величественнаго ея стана. *Милордъ Л...* человекъ любезной и разсудительной, какимъ я тебѣ уже его представляла.

Но наступила уже пятница, а *Сира Карла* еще нѣтъ! Канторбери долженъ быть городъ весьма обольстительной. Была ли ты когда нибудь въ Канторбери, любезная моя?

Завтрезній день *Милади Л...* должна посѣтить мою тетушку. Я думаю, что мое письмо пришло въ надлежащее время. Я чрезмѣрно нетерпѣлива... но для чегожь быть такъ нетерпѣливой? *Милади Л...* весьма милостива: я надѣюсь что она за благо приметъ мой отказъ, а наипаче что сохранить оный въ тайнѣ.

Я должна рассказать тебѣ еще большую часть исторіи о сей фамилии. Для чего нельзя столь проворно писать какъ говорить? Но, дражайшая *Люція*, не любопытствуешь ли ты знать нѣсколько лучше о томъ, что касается до той молодой особы, которую *Сиръ Томасъ* желалъ избрать для своего сына? Ахъ! любезная моя, въ какомъ бы теперь ни былъ положеніи сей договоръ, но есть такая особа въ свѣтѣ, въ пользѣ коей обѣ сестры принимаютъ участіе; о семъ то уже я освѣдомилась и надѣюсь въ скоромъ времени узнать ея имя или по крайней мѣрѣ, имѣеть ли *Сиръ Карлъ* къ ней склонность. Прости, любезнѣйшая *Люція*. Ты скоро получишь продолженіе моего повѣствованія.

ПИСЬМО XXXIX.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Уже не безъизвѣстно тебѣ, любезная моя, колико важныхъ дѣлъ зависятъ отъ поведенія и рѣшенія молодаго *Кавалера*. Въ то время *Милордъ Л...* находился въ Шотландіи, гдѣ выдалъ онъ за мужъ двухъ изъ трехъ своихъ сестеръ, дабы разпредѣлить точнѣе свое имѣніе и зависѣть менѣе или отъ правосудія, или отъ великодушія *Сира Томаса Грандиссона*. *Миссъ Шарлотта* совершенно зависѣла отъ дружбы своего брата. Нещастная *Олдгамъ* претерпѣла уже печальныя опыты отъ переменъ своего счастья и нимало не сумнѣвалась, чтобъ обѣ сестры, имѣя только чрезвычайный предметъ отвращенія, не возбудили противъ нее такого брата, коего имѣніе она способствовала расточать ихъ родителю великими расходами. Оба управителя трепетали отъ возвращенія новаго ихъ господина, сумнѣваясь чтобъ онъ согласился подписать тѣ неправильныя щеты, которыхъ безпрестанное безпамятство его родителя не позволило ему укрѣпить собственноручно. *Миссъ Орбанъ*, ея мать и обѣ ея тетки, хотя лишились главнѣйшей своей надежды, но имѣли нѣкія требованія, въ коихъ имъ не возможно было настоять не нанеся на себя поношенія. *Милордъ В...* дядя по матери *Сиру Карлу*, дѣйствительно не желалъ имѣть ни какого дѣла съ сыномъ сестры своея, но не имѣя ближайшаго кромѣ его наслѣдника, онъ не могъ избѣжать тѣхъ сообщеній, коихъ опасность заразила уже его желанія. Онъ жилъ въ великомъ несогласіи съ его родителемъ, и сія-та старая зараза простиралась даже до сына. Онъ управляемъ былъ по смерти своея супруги такою любовницею, которая не была равной породы, и не имѣла благоразумія, ни воспитанія такого какъ *Гжа. Олдгамъ*; сія

женщина, по своему искусству получа ту власть, которую она надъ нимъ имѣла, безпрестанно его убѣждала не желать возвращенія и любви своего племянника. Наконецъ брачной договоръ, начатый *Сиромъ Томасомъ*, равномѣрно требовалъ нѣкоего разсужденія, дабы быть или возобновлену, или совершенно прервану. Въ такомъ-то положеніи находились дѣла сей фамиліи въ то время, когда *Сиръ Карль* получилъ отъ своихъ сестеръ то печальное извѣстіе.

Онъ ничего имъ на то не отвѣчалъ; но въ ту же минуту отправившись въ Кале, продолжалъ путь свой съ толикою поспѣшностію, что чрезъ два дни по смерти своего родителя прибылъ въ Лондонъ. Его сестры, не получивши отъ него никакого извѣстія заключали, что онъ столь же скоро прибудетъ какъ и письмо, и съ часу на часъ его ожидали. Представъ себѣ, любезная моя, коликое должно было произойти въ сердцѣ ихъ колебаніе при появленіи такого брата, съ которымъ онѣ около осьми или девяти лѣтъ не видались, отъ коего зависѣло ихъ благополучіе, коему родитель представлялъ ихъ виновными, и которой самъ по себѣ непоколебимо пребылъ вѣрнымъ ко всему тому, къ чему токмо долгъ его обязывалъ.

Въ ту минуту когда онъ приближался въ почтовой своей коляскѣ, то вдругъ всѣ двери разтворились. Онъ изъ оной выходитъ, вступаетъ въ домъ, и обѣ его сестры бѣгутъ къ нему на встрѣчу. Его благородный видъ, коего обстоятельства учинили важнѣйшимъ и величественнѣйшимъ, толико же поразилъ ихъ почтеніемъ, колико нѣжностію и удивленіемъ, О дражайшей мой братецъ! вскричала *Миссъ Каролина*, приближаясь къ нему съ разпростертыми руками. Но вдругъ остановилась, какъ будто бы была объята страхомъ; могу ли я сказать, мой братецъ? присовокупила она; и въ такомъ смущеніи едва не лишилась чувствъ. Онъ поспѣшилъ облобызать ее поддерживая ее въ своихъ объятіяхъ. *Миссъ Шарлотта*, толико же будучи поражена дѣйствіемъ сестры своей, какъ и присудствіемъ своего брата, поспѣшно возвратилась въ ту же горницу, и едва имѣла силу броситься на креслы. *Сиръ Карль* слѣдовалъ за нею, держа въ своихъ объятіяхъ *Миссъ Каролину* и увѣряя ее нѣжнѣйшими изреченіями въ любви своей. Пылающіе его взоры, приближась къ *Шарлоттѣ* и распростертая его къ ней рука, когда увѣрялъ онъ ее въ любви своей, вскорѣ возымѣли силу привести ее въ чувство. Она встаетъ, и бросается въ его объятія: а *Сиръ Карль* прижимая обѣихъ своихъ сестеръ къ груди своей, говоритъ имъ: примите вашего брата, вашего друга; положитесь на его нѣжнѣйшую и постояннѣйшую любовь.

Онѣ мнѣ сказали, что сіи слова и голосъ, коимъ онъ ихъ произнесъ имѣли дѣйствіе подобное цѣлительному балсаму для успокоенія ихъ сердца. Когда они сѣли; то *Сиръ Карль*, сѣвши противъ ихъ взиралъ на нихъ неоднократно то на ту то на другую, какъ будто бы не могъ насытитъ своего удовольствія зрѣніемъ на ихъ. Потомъ взявши ихъ

обѣихъ за руки, сказала: колико прелѣстей! Съ какимъ удивленіемъ взираю я на сестеръ моихъ! Душевныя качества должны соотвѣтствовать сему виду. Колико буду я имѣть удовольствія гордиться моими сестрами! Любезная *Шарлотта*, сказала тогда *Миссъ Каролина*, взявъ за другую руку сестру свою, не усматриваешь ли ты во всѣхъ чертахъ моего брата все то, что намъ говорили о его добросердечіи? Чегожь я устрашилась? Я признаюсь, отвѣчала *Шарлотта*, что равномѣрно лишилась чувствъ. Я не могу сказать, отъ чего. Но мы трепетали.... такъ, мы трепетали.... О любезный братецъ! мы никогда не имѣли намѣренія отступить отъ долгу. При семъ онѣ обѣ проливали источники слезъ.

Любите вашего брата, сказалъ онъ имъ; любите меня обѣ; такъ какъ и я употреблю всѣ мои силы дабы заслужить любовь вашу. Дѣти, произшедшія со мною отъ одной матери, не должны удаляться отъ своего долгу. Конечно ошибкою или недоразумѣніемъ; каждый изъ насъ не имѣетъ ли своихъ веселыхъ и печальныхъ дней? Предадимъ забвенію всѣ.... Онъ не могъ окончить. Онъ сильно жалъ ихъ руки и вставши подошелъ къ окну, вынимая свой платокъ. Какія же мысли произвели въ немъ сіе движеніе! Сіе конечно произошло отъ несчастнаго поведенія его родителя, и предстоящій образъ его смерти. Весьма не удивительно, что толико почтительный сынъ проливалъ въ сію минуту слезы отъ премногихъ печальныхъ размышленій. Потомъ возвратясь къ своимъ сестрамъ, просилъ у нихъ позволенія выдти на нѣсколько минутъ. родитель, сказалъ онъ имъ обратя лице свое назадъ, требуетъ сей дани. Онъ взглянулъ, нѣжнымъ окомъ на изображенія своего родителя и своей родительницы, которыя тогда попались его глазамъ; и не присовокупя ни единого слова, оставилъ обѣихъ своихъ сестеръ съ оказаніемъ глубочайшаго почтенія.

По прошествіи получаса, онъ паки появился въ другомъ платьѣ, и поздравляя ихъ съ видомъ исполненнымъ нѣжностію, совершенно изгналъ всякое опасеніе изъ сердець ихъ; онъ паки востановилъ ихъ благополучіе братскою довѣренностію и союзомъ. Въ сіе время вошелъ Г. *Еверардъ Грандиссонъ*. Мнѣ кажется я уже объявила въ нѣкоторомъ письмѣ, что принимая иногда подобный своему поведенію голосъ, онъ общался довольно посмѣются надъ важнымъ характеромъ, приписуемымъ двоюродному его брату, и что также хвалился вовлечь его въ Лондонскія утѣхи и составить изъ него человѣка имѣющаго вкусъ. Но онъ въ толикое приведенъ былъ удивленіе видомъ достоинства, разпространяющимся во всей его особѣ и при томъ толико былъ плѣненъ пріятностію и уклонностію его поступокъ, что не могъ потомъ удержатся, чтобъ не сказать обѣимъ сестрамъ: колико удивленія достоинъ братъ вашъ! Какого удовольствія лишился мой дядюшка!

Онъ разговаривалъ съ *Сиромъ Карломъ* о обстоятельствахъ болѣзни и смерти его родителя. Онъ воспыалъ гнѣвомъ прошивъ Гжи. *Олдамъ*,

поставляя себѣ за торжество тотъ поступокъ, которой съ нею учинилъ. И вспоминая о всемъ томъ, чѣмъ токмо могъ ее укорять въ томъ состояніи, въ коемъ она препровождала жизнь свою, не преминуль упомянуть и о томъ сопротивленіи, кое она оказывала, чтобъ остаться въ замкѣ до послѣдняго издыханія *Сира Томаса*, и о подозрѣніи, по которому она требовала чтобъ и ея печать приложена была ко всѣмъ мѣстамъ вмѣстѣ съ фамильною. *Сиръ Карлъ* слушалъ сіе повѣствованіе, не изъявляя ни одобренія ни осужденія. Онъ спросилъ, нашли ли завѣщаніе? *Г. Еверардъ Грандиссонъ* отвѣчалъ, что искали онаго вездѣ, но не могли сыскать. Теперь я помышляю токмо о томъ, сказалъ тогда *Сиръ Карлъ*, дабы погребсти почтительнѣйшіе остатки съ прахомъ моего матери. Мой родитель, я то знаю, всегда имѣлъ сіе намѣреніе. Я прикажу сдѣлать, въ память двухъ упокоившихся, гробницу не столь пышную, сколь приличную, съ благопристойною надписью, содержащею въ себѣ болѣе наставленія для живущихъ, нежели похвалы для мертвыхъ. Погребеніе будетъ благопристойно, но безъ всякой пышности; а что наиболѣе будетъ употреблено величественнѣйшаго, послужитъ тайно къ вспомоствованію бѣднымъ никакого пропитанія не имѣющимъ, или неимущественнымъ откупщикамъ моего родителя, которые отягчены многочисленнымъ семействомъ, и кои честнымъ образомъ трудятся и употребляютъ свое искусство для своего пропитанія. Таковыя чувствованія показались весьма странными *Г. Еверарду Грандиссону*. Онъ напомнилъ *Сирю Карлу* о той склонности, которую его родитель всегда имѣлъ къ пышности. Но обѣ сестры видѣли истинное благородство во мнѣніяхъ своего брата, и поставили себѣ за честь восхвалить оное. Церемонія учинена была съ толикою же благопристойностію, какъ и благочестіемъ.

Исполнивши сей первый долгъ въ замкѣ *Грандиссонъ*, гдѣ погребены были всѣ ихъ предки, *Сиръ Карлъ* отправился съ своими сестрами въ Лондонъ, дабы при ихъ присутствіи распечатать всѣ мѣста въ домѣ, находящемся въ *Сент-Жамес-Скваръ*. Онъ не нашель тамъ ничего важнаго, кромѣ уборовъ и великаго множества бумагъ, кои онъ привель въ короткое время въ совершенной порядокъ, и прожилъ тамъ весьма малое время. Оттуда они отправились въ свое помѣстье въ *Ессексъ*. *Сиръ Карлъ* сказалъ своимъ сестрамъ, что непременно должно увѣдомить *Гжу. Олдамъ*, живущую въ ближнемъ постояломъ дворѣ, что ея присутствіе нужно для отнятія печатей; поелику и ея печать при томъ находилась. Обѣ дѣвицы просили своего брата не пуцать ее къ нимъ на глаза. Онъ на то согласился, говоря имъ: что онъ чрезвычайно бы желалъ и самъ отъ того избавиться; но что всякой долгъ надлежитъ исполнить. Сія женщина была позвана, и подходила къ замку съ трепетомъ.

Я надѣюсь, любезная моя *Люція*, что то повѣствованіе, къ коему я приближаюсь, весьма тебѣ понравится. Я слушала всѣ сіи обстоятельства гораздо съ величайшимъ вниманіемъ, нежели прежде, а особливо по

тому что они происходили изъ устъ *Миссъ Шарлотты Грандиссонъ*, коей все сіе напоминала сестра ея. Ты знаешь, что я люблю таковыя трогательныя явленія, въ коихъ словесныя и тѣлесныя представленія составляютъ пленительную и естественную картину.

Сиръ Карлъ, не ожидая столь скорого прибытія Гжи. *Олдгамъ*, находился въ конюшняхъ съ своимъ конюхомъ, разсматривая лошадей отца своего, коихъ было нарочитое число, они были при томъ и самыя лучшія во всемъ Королевствѣ. Ошибкою служителя сія бѣдная женщина приведена была въ тотъ покой, въ коемъ находились обѣ сестры. За чѣмъ это? сказала *Миссъ Каролина* человѣку, мы не имѣемъ причины съ нею видѣться. Простите моему невѣденію, отвѣчала Гжа. *Олдгамъ* униженно; и оказывая глубочайшее почтеніе, хотѣла удалиться. Но она остановилась по словамъ *Миссъ Шарлотты*, которая ей сказала: мой братецъ приказалъ васъ позвать. Вѣрьте, сударыня, что мы въ томъ не имѣемъ никакого участія. Мой братецъ сказалъ, что вамъ надлежитъ быть при отобраніи печатей; поелику вамъ за благоразсудилось приложить также и свою. Ваше присутствіе не болѣе будетъ ему пріятно, какъ и намъ. Однако приготовтесь съ нимъ видѣться. Вы кажетесь не въ состояніи его видѣть. Я тому не удивляюсь.

Я тебѣ нѣсколько разъ говорила, *Люція*, что *Миссъ Шарлотта* весьма себя укоряетъ въ своей вспылчивости, и что почитаетъ себя обязанною отъ примѣра своего брата, многими полезными перемѣнами, которыя она усматриваетъ въ горячемъ своемъ нравѣ.

Въ состояніи? отвѣчала бѣдная женщина; увы? весьма мало, по истиннѣ; но еще гораздо менѣе, нежели вы вообразить можете. Позвольте мнѣ, милостивая государыня, поручить себя въ ваше великодушіе, не опасаясь сказать, и въ ваше сожалѣніе. Я прошу у васъ великодушія и сожалѣнія. По истиннѣ, мой жребій достоинъ сожалѣнія.

Вы заслуживаете, чтобъ онъ былъ таковъ, сказала ей *Миссъ Шарлотта*.

Я увѣрена, сказала ей *Миссъ Каролина*, что величайшія несчастія претерпѣли вы сами. Она мнѣ призналась, что въ то время ея мысли и сердце заняты были ея любовникомъ. Еслибъ я могла удалиться отсюда не видѣвшись съ *Сиромъ Карломъ*, то почла бы оное себѣ за величайшую отъ него милость. Я не въ состояніи на него возрѣть. Я съ охотою отрекаюсь быть при отобраніи печатей. На ваше, сударыни, равно какъ и на его сожалѣніе я возлагаю всю мою надежду.

Жестокія дѣвицы, не могу ли я ихъ такъ назвать, любезная *Люція*? Такъ, по истиннѣ. Онѣ ее не пригласили даже и сѣсть, хотя ясно видѣли чрезвычайное ея терзаніе и кротость, когда она стояла въ дверяхъ предъ ними, въ какое униженіе повергаетъ совѣсть душу виновную, когда ея раскаянія препровождаемы бываютъ толикимъ несчастіемъ? Но добродѣтель не должна ли укротиться, видя грѣшника раскаявающагося,

и какъ словами такъ и положеніемъ своимъ показующаго, что рука Божія на немъ отяготѣла? Можетъ быть тѣмъ, которые страдаютъ бываетъ и... Посмотримъ, конечно мнѣ надлежитъ испытать, отъ искренняго ли сердца простила я *Сиру Гарграфу Поллексфену*. Я нѣкогда и сіе разберу.

И такъ вы надѣли трауръ, сударыня? Возможно ли, чтобъ *Миссъ Каролина* учинила ей такой вопросъ, и которая присовокупила: да еще и печальнѣйшій трауръ, конечно ваши титулы видны и въ жилищѣ вашемъ? Я тебѣ сказала, любезная моя, что многіе называли Гжу. *Олдамъ* именемъ *Милади Грандиссонъ* и что знатная ея порода, воспитаніе, благоразуміе, хотя весьма слабыя для подкрѣпленія ея добродѣтели противъ необходимости и искушенія, заставляли ее стремиться къ сему названію.

Она отвѣчала съ кротостію: мой трауръ есть истинный, сударыни; но я васъ увѣряю, что я не носила никогда такого названія, на кое я совершенно и не помышляла доставить себѣ права. И такъ публика, возразила *Миссъ Шарлотта*, дѣлаетъ вамъ великую несправедливость. Тогда погруженная въ печаль *Олдамъ* отдала обѣимъ сестрамъ ключи отъ гардероба, отъ кладовой и погребовъ, коихъ никто и не помышлялъ отъ ней требовать, когда она удалилась изъ замка, и еще просила у нихъ прощенія, что предстала предъ нихъ не будучи ожидаема. Онѣ приказали взять ключи одной изъ своихъ женщинъ. Я слышу, что мой братецъ идетъ, сказала *Каролина*. И такъ, вы узнаете, сударыня, присовокупила *Шарлотта*, чего должны ожидать съ его стороны. Бѣдная женщина блѣднѣла и трепетала. Какіяжъ волненія происходили въ ея сердцѣ.

Сиръ Карлъ вошелъ. Онѣ сестры находились у задней стѣны горницы, а Гжа. *Олдамъ* стояла у дверей. Онъ засвидѣтельствовалъ ей свое почтеніе весьма ласково. Я надѣюсь, сказалъ онъ ей, что имѣю честь свидѣтельствовать мое почтеніе Гжѣ. *Олдамъ*. Прошу покорно сѣсть, сударыня. Я приказалъ насъ позвать для того, дабы вы изволили быть при отобраніи печатей. Пожалуйста сядьте, сударыня. Онъ взялъ ее за руку и повелъ къ кресламъ, онъ сѣлъ между ею и своими сестрами. Онѣ признаются, что таковая учтивость привела ихъ въ великое удивленіе. Сіи дорогія особы запомнили въ то время, что справедливость и милосердіе должны быть нераздѣльны въ душѣ добродѣтельной.

Ободритесь, сударыня, повторилъ великодушный ихъ братъ, примѣтя жалостнымъ окомъ замѣшательство Гжи. *Олдамъ*. Онъ вдругъ обратился къ своимъ сестрамъ, дабы дать ей время придти въ самое себя. Она проливая источники слезъ почувствовала нѣкое облегченіе и всячески усиливалась удержать вздохи, которыя не допускали ее изъясняться. Но поелику сіе внутреннее волненіе привлекло на себя взоры обѣихъ сестеръ; то онъ всталъ, и подъ видомъ, будто хочетъ ихъ

спросить о картинѣ, находящейся на другой стороны покоя, онъ отвелъ ихъ туда обѣихъ. По томъ возвратясь къ ней придвинулъ ея креслы весьма близко къ своимъ, онъ паки ее взялъ за руку: мнѣ не безъизвѣстна, сказалъ онъ ей, печальная ваша повѣсть. Ободритесь, сударыня. Онъ далъ ей на нѣсколько минутъ покою, дабы она могла придти въ чувство; потомъ продолжалъ рѣчь свою: вы видите во мнѣ, сударыня, присовокупилъ онъ, друга желающаго возблагодарить васъ за всѣ хорошія услуги вами намъ оказанныя и равно прикрытъ всѣ предметы вашего сожалѣнія.

Она не въ состояніи была перенести толикой милости, и въ первомъ своемъ движеніи хотѣла повергнуться къ его стопамъ; но онъ отъ того ее удержалъ. Ваше несчастіе происходитъ отъ того, сказалъ онъ ей, что вы мало сами о себѣ старались. Впрочемъ я зналъ, что любовь имѣла въ томъ великое участіе, и что вы достойны были той, которую къ вамъ оказывали. Конечно разстроенное ваше щастіе повергло васъ въ нашу фамилію. Вы весьма хорошо управляли симъ помѣстьемъ во время вашего въ немъ пребыванія; я имѣю въ томъ доказательство той руки, коея свидѣтельство всякой человѣкъ почитать здѣсь долженъ.

Весьма вѣроятно, что *Сиръ Томасъ* въ своихъ письмахъ представлялъ Гжу. *Олдгамъ* своему сыну, какъ такую тщательную женщину, которой онъ ввѣрилъ попеченіе сихъ дѣлъ, и по сей-то единственно причинѣ столько почтительный сынъ желалъ ее видѣть. Она сказала нѣсколько словъ о тѣхъ попеченіяхъ, кои употребила..... и что бы она желала сдѣлать..... естлибъ.... Онъ прервалъ рѣчь ея: не станемъ о томъ болѣе говорить, сударыня. Г. *Грандиссонъ*, которой имѣеть весьма хорошее свойство, но нѣсколько вспыльчивъ, сказалъ мнѣ, что онъ оказалъ вамъ нѣкую жестокость. Онъ также признался, что вы снесли оную терпѣливо; терпѣніе есть такая добродѣтель, которая не когда одна не шествуетъ. Я не думаю, такъ какъ онъ, чтобъ вы имѣли худое намѣреніе, принимая участіе въ запечатаніи вещей. Онъ обманывается; вы должны были то учинить; и я весьма тому вѣрю, что столь благоразумная женщина, какъ вы, не могла забыть своего долга въ надлежащее время. А дабы благоразумно судить о поступкѣ другаго, то должно войти въ его состояніе и поставить себя какъ будто бы на его мѣстѣ.

О братецъ! вскричали въ то самое время обѣ сестры, исполнены будучи замѣшательствомъ и удивленіемъ. Онъ просилъ ихъ дать ему на минуту покою. Всѣ мы, сколько бы насъ ни было, присовокупилъ онъ, не должны ли имѣть нѣкоего снисхожденія? Она признается теперь, что не знаетъ, имѣли ли обвиненія ихъ родителя какое нибудь участіе въ семъ мнѣніи; а онъ весьма тѣмъ были поражены. Впрочемъ, по чему же онъ могли на то досадовать, когда ясно видѣли толико терпѣливости и кротости въ братѣ, имѣющемъ гораздо болѣе участія въ семъ дѣйствіи, нежели онъ? Но поелику обѣденное время еще не пришло, то онъ

попросилъ въ сіе время шоколаду: и обратясь къ Гжѣ. *Олдгамъ*, сказалъ ей весьма ласково, что она конечно знаетъ, гдѣ лежатъ всѣ такіе припасы Она отвѣчала, что отдала уже ключи. *Миссъ Каролина* подала ихъ своему брату, которой приказалъ горничной исполнить оное, прося Гжу. *Олдгамъ*, чтобъ она по своей милости ей то показала.

Обѣ сестры легко могли уразумѣть, что сіе учинено было подъ тѣмъ видомъ, дабы подать на сколько минутъ отдохновенія сей несчастной женщинѣ и дабы уллучить время объявить имъ, какъ онъ намѣренъ съ нею поступить. Какъ скоро она вышла, то онъ говорилъ имъ: позвольте мнѣ васъ просить, любезныя мои сестрицы, судить о мнѣ нѣсколько благосклоннѣе въ семъ случаѣ. Я ни малаго не имѣю намѣренія васъ огорчить, но, дѣйствительно, мы должны разполагать наши поступки по достоинству сей бѣдной женщины. Память нашего родителя принимаетъ въ томъ участіе. Долженъ ли онъ былъ отдавать намъ отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ? Равномѣрно должна ли она отдавать намъ въ своихъ? Они оба ни отъ кого не зависѣли. Конечно намъ надлежитъ платить справедливостію Гже. *Олдгамъ* за ея права, великодушіемъ, для собственной нашей чести, и благодареніемъ ради такого родителя, которому вы обязаны жизнію, и всемъ тѣмъ, что почитаемъ отличными выгодами по мнѣнію людей. Г. *Грандиссонъ* обвиняетъ ее въ томъ, что она жила весьма пышно. То она ли тому причиною? А мы, естли не забудемъ, кому обязаны нашею жизнію, можемъ ли обвинять въ томъ кого ниестъ? Безпредѣльная склонность нашего родителя къ великолѣпію весьма извѣстна. Онъ любилъ сей домъ до чрезвычайности. Благородныя его склонности по всюду за нимъ слѣдовали. У меня есть нѣсколько его писемъ, въ коихъ онъ весьма похваляетъ домостройство Гжи. *Олдгамъ*. Не имѣлъ ли онъ власти разполагать своимъ имѣніемъ, какъ ему было угодно? Оно принадлежитъ намъ токмо по его кончинѣ, Онъ могъ разточить оное еще болѣе. Сіе домостройство Гжи. *Олдгамъ* составляетъ единый предметъ, на которой должны мы обратить все наше вниманіе, и мы находимъ оное въ ея пользу. Естли родитель мой не весьма много оказывалъ милости къ дочерямъ своимъ, то онѣ должны радоваться, что заслужили отъ него то, что было бы гораздо благополучнѣе естлибъ онѣ оное получили; а какъ всякому извѣстно, что родители имѣютъ полную власть надъ дѣтьми своими, то весьма для нихъ похвально, что оной покорялись. Онъ могъ бы дать Гжѣ. *Олдгамъ* такую титулу, котораябъ составила для насъ долгъ почитать ее. Сестры мои отъ природы получили благородную душу. Онѣ суть дочери самой великодушнѣйшей и снисходительнѣйшей изъ всѣхъ матерей. Г. *Грандиссонъ* весьма далеко простиралъ свою жестокость; ибо я увѣренъ, что она не отъ васъ произошла, но онъ конечно не имѣлъ другаго намѣренія, выключая того, дабы намъ услужить; съ другой стороны, не можно избѣжать чтобъ не видѣться съ сею несчастною женщиной; я

хотѣлъ разсмотрѣть ея поведеніе прежде, нежели представлю ея на вашу милость. Не довольно ли уже она унижена? Я сожалею о ней отъ искренняго сердца. Она любила моего родителя. Я не сумнѣваюсь, чтобъ она въ тайнѣ не пролиwała слезъ о немъ; хотя не смѣетъ въ томъ признаться, ни уважить любовь свою. Развѣ мы не можемъ почитать ея единственно за такую смотрительницу, которой онъ препоручалъ сіе помѣстье? Весьма достойно насъ заставить публику думать, что мы не иначе ее щитаемъ какъ подъ симъ званіемъ. Чтожъ касается до чувствительныхъ доказательствъ нещастныя невинности! колико я сожалею, что то, которое составляетъ утѣхи другихъ матерей, не могло здѣсь быть иначе, какъ предметомъ стыда: но будемъ остерегаться разглашать тѣ погрѣшности, кои заключаютъ въ себѣ сихъ двухъ виновныхъ. Чтожъ долженъ я сказать болѣе? Мнѣ весьма было бы прискорбно, говорить болѣе; а можетъ быть я сказалъ уже съ лишкомъ много. Таковыя обстоятельства не позволяютъ мнѣ придать къ нимъ всей силы. Любезнѣйшія мои сестрицы, я прошу васъ изъ милости отдать на мое попеченіе сіе дѣло. Я нимало не думаю, чтобъ могъ требовать того такъ какъ права! Я презиралъ бы самаго себя, естлибъ способенъ былъ изліять жестокость на кого нибудь изъ тѣхъ, коего бы кончина моего родителя подвергла въ мою власть: но вы до чрезвычайности меня обяжете тѣмъ снисхожденіемъ, коего я у васъ прошу изъ милости.

Онѣ отвѣчали на оное токмо пролитіемъ слезъ. Толико трогательныя представленія смягчили ихъ до такой степени, что онѣ не въ состояніи были произнести ни единого слова. Не взирая на то, возвращеніе Гжи. *Олдгамъ*, которая сама принесла имъ шоколаду, подало случай къ новымъ строгимъ поступкамъ. Онѣ принимали оной съ нѣкимъ движеніемъ плечъ, и безъ всякой учтивости; въ то врея *Сиръ Карль*, будучи опечаленъ таковою жестокостію, поторопился взять самъ чашку, которую поднесъ Гжѣ. *Олдгамъ*, и принудилъ ее принять оную. По окончаніи завтрака онъ предложилъ ей начать осматривать покои. Пожалуйте войдемте на верхъ сказалъ онъ ей, я прикажу растворить двери, а мои сестрицы, по милости своей, потрудятся за нами слѣдовать.

Обѣ дѣвицы вставши пошли на нимъ. Ты легко судить можешь, что проходя мимо бѣдной *Олдгамъ*, онѣ оказали ей глубочайшее почтеніе. Я представляю себѣ, что будто бы ихъ вижу шествующихъ, поднявши голову, столь же величественно, какъ наши Герцогини въ торжественномъ ходу въ день Коронованія Государя. *Миссъ Грандиссонъ* не преминула сказать, что она усматриваетъ великое излишество въ учтивостяхъ своего брата. Идучи съ своею сестрою, которую она держала подъ руку, она не могла удержаться, чтобъ не сказать ей: что учтивость весьма прекрасное свойство; но *Миссъ Каролина* отвѣчала, что она ничего въ томъ не понимаетъ. Онѣ совершенно не думали, чтобъ ихъ братъ могъ то слышать; но идучи не далеко передъ ними, онъ слышалъ ихъ рѣчи, а

какъ Гжа. *Олдгамъ* была еще отъ нихъ далеко, то онъ оборотясь къ нимъ, сказалъ тихимъ голосомъ: не дѣлайте ничего надмѣру малаго, любезныя сестрицы, а я общаюсь вамъ ничего не дѣлать надмѣру многого. Она женщина знатнаго роду. Она весьма много чувствуетъ свое нещастіе. Воспомните, что она ни мало отъ васъ не зависитъ, и никогда не зависѣла. Обѣ любезныя сестрицы покраснѣли и взирали другъ на друга съ нѣкимъ смущеніемъ. Я нимало не намѣренъ васъ огорчать, присовокупилъ онъ, самымъ нѣжнымъ голосомъ; но позвольте мнѣ, когда еще есть время, напомнить вамъ, что вы имѣете теперь случай показать достойныя васъ чувствованія.

Когда достигли до двери той горницы, гдѣ скончался *Сиръ Томасъ*, и гдѣ онъ имѣлъ обыкновенное свое пребываніе, то Гжа. *Олдгамъ* вдругъ поблѣднела, и просила позволенія не входить въ оную. Она весьма горько плакала. Я ласкаюсь, Г. мой, сказала она *Сиру Карлу*, что вы увидите тамъ все въ добромъ порядкѣ; нѣтъ ничего такого, за чтобъ я не готова была отвѣчать: но позвольте мнѣ ожидать васъ въ ближней горницѣ: онъ на то согласился. Нещастная женщина! сказалъ онъ своимъ сестрамъ. Сколь сожалѣнія достойно ея состояніе, что не можетъ объявить предъ нами той нѣжности, которая составляетъ славу ея пола, и всего рода человѣческаго!

Въ кабинетѣ, находящемся въ спальнѣ, онъ нашель весьма прекрасной ящикъ, съ слѣдующею надписью руки *Сира Томаса*: *драгоцѣнныя каменя моя сунруги*. Ключъ привязанъ былъ золотымъ шнуркомъ къ ушку онаго ящика. Онъ у нихъ спросилъ, не раздѣлены ли уже имъ алмазы ихъ матери? *Миссъ Каролина* отвѣчала: что ихъ родитель многократно имъ о томъ говорилъ, но не любя видѣть ихъ весьма украшенными, всегда отлагалъ сіе до времени ихъ браковъ. Возмите то, что вамъ принадлежитъ, сказалъ имъ *Сиръ Карлъ*, отдавая ящикъ имъ въ руки: я не вижу никакой необходимости быть при разсматриваніи оныхъ. Я увѣренъ, что между двумя сестрами толико нѣжно любящимися, не можетъ произойти ни какого спору. По тяжести ящика, я надѣюсь, что вы найдете въ немъ и другое что, oprичъ алмазовъ.

Между тѣмъ, какъ онъ сталъ перебирать великое множество бумагъ, дѣвицы равномѣрно удалясь отъ него, разсматривали драгоцѣнныя каменя. Съ алмазами ихъ матери, лежавшими въ весьма драгоцѣнномъ футлярѣ, онѣ нашли три кошелька, изъ коихъ въ одномъ находилось пять сотъ гвиней, съ сею надписью: *деньги сбереженныя съ моей младости*; и сто двадцать другихъ золотыхъ монетъ завернутыхъ въ двухъ бумашкахъ, надъ коими были надписаны имена двухъ тетокъ, отъ которыхъ *Миладу Грандиссонъ* получила сей подарокъ. Во второмъ кошелькѣ находилось четыре ста гвиней, состоящихъ изъ разныхъ золотыхъ монетъ, которыя получила она отъ щедрости своей матери. На третьемъ была весьма длинная надпись, которая назначала оный ея сыну.

съ весьма нѣжною похвалою о великихъ его качествахъ, и желанія къ утверженію тѣхъ надеждъ, кои онъ подавалъ въ младыхъ своихъ лѣтахъ. Обѣ сестры тотчасъ принесли сей кошелекъ къ своему брату. Онъ его, взявъ прочиталъ надпись, отворотясь лицомъ назадъ: Превосходная мать! сказалъ онъ имъ, прочитавши оную. Она и по смерти еще говоритъ. Да усовершитъ небо желанія ея нѣжности! По томъ развязавъ кошелекъ нашель въ немъ пять большихъ медалей сдѣланныхъ на день возшествія на престоль различныхъ Государей, три алмазныя кольца, богатую золотую табакерку; и что драгоцѣннѣе всего для него было, лицеизображеніе его матери, сдѣланное изъ золота и осыпанное алмазами. Подобіе онаго было удивительно, и обѣ сестры обѣщались мнѣ склонить *Сира Карла* показать мнѣ оное. Онъ ухватилъ его съ жадностію: и посмотря на него нѣсколько времени, поцѣловалъ его съ толь нѣжнымъ чувствіемъ, что изъ очей его полились слезы. Онъ на минуту вышелъ, дабы укротить столь пылокое движеніе: и какъ вошелъ опять спокойно, то его сестры отдали ему отчетъ во всемъ томъ, что нашли въ двухъ другихъ кошелькахъ, и предлагали ему золото, оставляя себѣ алмазы и драгоцѣнные каменья. Онъ взялъ три кошелька и высыпавши изъ нихъ на столъ, смѣшалъ все въ нихъ находившееся. Онѣ могутъ быть не равны, сказалъ онъ своимъ сестрамъ; но смѣшая ихъ такимъ образомъ, вы роздѣлитъ ихъ удобнѣе можете. Сей портретъ, присовокупилъ онъ, положилъ его къ своей груди, гораздо для меня драгоцѣннѣе, нежели все золото и алмазы, которые вамъ остаются.

Прости мнѣ, дражайшая *Люція*, всѣ сіи подробности; да хотя я и не получу отъ тебя прощенія; но мнѣ не можно будетъ дѣлать иначе. Я ощущаю пріятное *удовольствіе* описывать подробно нравящіяся мнѣ предметы. Сдѣлай милость не лиши меня онаго. Можетъ быть я заплачу за оное весьма дорого, я гораздо болѣе удивляюсь сему человѣку, нежели могу изобразить.

Наступила суббота, и уже смеркается, а *Сира Карла Грандиссона* еще нѣтъ. Отъ всего моего сердца, желала бы я....

Какъ скоро *Сиръ Карль* съ своими сестрами осмотрѣлъ покой своего родителя; то они пошли за Гжею. *Олдгамъ* въ ея горницу. Право прелестное жилище: вотъ какое было первое замѣчаніе *Миссъ Шарлотты*. Какъ могла она.....Не знала ли она какое было состояніе сей женщины, и что она была совершенно властительницею въ семъ домѣ? Братъ ея взглянулъ на нее нѣсколько суровымъ видомъ.

Гжа. *Олдгамъ* начала показывать имъ домашніе уборы и нѣкоторыя хорошія картины, говоря имъ, что ето были остатки имѣнія ея мужа; но что ей и сіе заимодавцы оставили изъ милости. Сіе мѣсто, продолжала она показывая имъ на кабинетъ, заключаетъ въ себѣ все то, что я имѣю на свѣтѣ. Г. *Грандиссонъ* заблагоразсудилъ приложить къ тому свою печать. Я его просила позволить мнѣ взять изъ онаго хотя пятьдесятъ гвиней,

поелику у меня весьма мало было денегъ: но онъ мнѣ въ томъ отказалъ. Его отказъ привелъ меня въ нѣкое замѣшательство; но теперь, Г. мой, я прибѣгаю къ вашему великодушію.

Обѣ сестры признаются чистосердечно, что онѣ приходили въ гнѣвъ при всемъ томъ что ихъ глазамъ ни представлялось; и что онѣ другъ другу сказали: не должно имѣть никакого снисхожденія къ такой женщинѣ, которая и сама, какъ видно, того не ожидаетъ. Сколько славы видимъ мы, любезная моя, въ великодушіи, хотябъ о ономъ помышляли по самому сему чувствуванію, или по его вліяніямъ! сіи любви достойныя сестры до возвращенія ихъ брата далеко отстояли отъ того чтобъ сдѣлаться такими, какими онъ теперь суть; онѣ и сами безпрестанно о томъ упоминають.

Будьте благонадежны, сударыня отвѣчалъ ей *Сиръ Карлъ*, что вамъ отдадутъ справедливость. Г. *Грандиссонъ* хотя и поступилъ нѣсколько скоро по своему нраву, но онъ почиталъ себя къ тому обязаннымъ по своей къ вамъ довѣренности. Въ вашемъ кабинетѣ можетъ быть находятся такія письма и бумаги, кои до насъ совершенно не касаются: я сниму печать, и отдамъ на ваше разсужденіе показать намъ то, что должно внести въ роспись. Я ничего не желаю болѣе видѣть; она предложила, дабы дѣвицы по крайней мѣрѣ все видѣли. Это весьма справедливо, сказала *Миссъ Каролина*, и въ первомъ семъ движеніи подошла къ ней съ своею сестрою; но *Сиръ Карлъ* взявъ ихъ обѣихъ за руки пошелъ съ ними вонъ, повторяя Гжѣ. *Олдгамъ*, что она всѣмъ разполагать можетъ во своему соизволенію, и что они будутъ ее дожидать въ ближней горницѣ. Вы чрезвычайно великодушны, сказала ему *Миссъ Шарлотта*; я по крайней мѣрѣ желалъ бы быть столь великодушнымъ, отвѣчалъ онъ. Женскіе кабинеты не должны ли быть почитаемы? Впрочемъ, вспомните, чьею была управительницею сія женщина.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ Гжа. *Олдгамъ* пришла съ заплаканными глазами просить дѣвицъ и ихъ брата возвратиться въ кабинетъ. Тамъ увидѣли они на столѣ и на стульяхъ множество бумагъ, бѣлья и кружевъ, кои она выложила. Сіи бумаги принадлежатъ вамъ, Г. мой, сказала она *Сирю Карлу*. Мнѣ приказано было хранить ихъ рачительно. Бѣдная женщина! она не смѣла назвать того по имени, отъ кого имѣла таковой приказъ. *Сиръ Карлъ* спросилъ ее, не завѣщаніе ли это: я не думаю, отвѣчала она ему; мнѣ сказано, что онѣ касаются до помѣстьевъ въ Ирландіи. Ахъ! присовокупила она, отирая слезы, я имѣю великую причину думать, что не достигло времени сдѣлать завѣщаніе.

Мнѣ кажется, Гжа. *Олдгамъ*, сказала ей со злостію *Миссъ Шарлотта*, что вы желали получить отъ него для себя завѣщаніе.

Она призналась что неоднократно о томъ говорила, а *Миссъ Каролина* сказала, что она о томъ и не сумнѣвалась.

Сирь Карль прервалъ огорчительныя сіи примѣчанія, объявляя, что завѣщаніе кажется ему весьма благоразумнымъ дѣяніемъ въ жизни, и что, по сему мнѣнію, онъ всегда будетъ держать у себя свое собственное.

Здѣсь-то, Г. мой, сказала ему Гжа. *Олдгамъ* вынимая ящикъ, лежатъ мои деньги, записки и все мною собранное такими средствами, Г. мой, Богъ тому свидѣтель, которыя не могутъ мнѣ принести никакакой укоризны....

Могу ли я спросить, прервала рѣчь ея *Миссъ Каролина*, сколь велика сумма сихъ денегъ? *Сирь Карль* поспѣшилъ отвѣчать: какая вамъ нужда? любезная сестрица, когда Гжа. *Олдгамъ* увѣряетъ, что все сіе приобрѣтено честнымъ образомъ. Обѣ сестры сказали другъ другу, такъ какъ онѣ мнѣ въ томъ открылись. О! мы въ томъ не сумнѣваемся. Не удивляешься ли ты, *Люція*, закоренѣлой ихъ ненависти? Я опасаюсь, чтобъ мой дядюшка не почелъ своего мнѣнія при семъ случаѣ весьма оправданнымъ, когда онъ увѣряетъ что самое труднѣйшее на свѣтѣ дѣло состоитъ въ томъ, дабы привести на путь истинный такую женщину, которая отъ онаго удалится.

Я думаю, отвѣчала Гжа. *Олдгамъ*, что все сіе состоитъ изъ тысячи двухъ сотъ фунтовъ Стерлинговъ. Произнося сіе она взирала на обѣихъ дѣвицъ, какъ будто бы страшилась отъ сего ихъ осужденія. Тысячу двѣсти! сказала *Миссъ Шарлотта*. Ахъ! любезная сестрица, сколько почитали бы мы себя щастливыми, еслибы прежде хотя такую сумму могли раздѣлить между собою! *Сирь Карль*, коего опечаливали всѣ таковыя размышленія, отвѣчалъ, что въ такомъ возрастѣ, въ коемъ были онѣ до сего времени и жили въ домѣ своего родителя, не имѣли нужды въ большихъ суммахъ; но когда достигли онѣ до времени своей независимости: то онъ увѣренъ, что ихъ имѣніе не будетъ ограничено тысячею двумя стами фунтовъ Стерлинговъ. Онѣ благодарили его, изъявляя глубокое почтеніе; но не менѣе были увѣрены, что снисхожденіе его весьма было излишно для Гжи. *Олдгамъ*. Должны ли онѣ были позабыть, любезная *Люція*, что сія бѣдная женщина имѣетъ двухъ дѣтей, не упоминая о третьемъ.

Трепеща отъ страха, какъ обѣ сестры въ томъ признаются, указывала она на другой ящикъ, въ которомъ находилось, сказала она имъ, нѣсколько подарковъ. Но она присовокупила; что ихъ не требовала, никогда не желала, неболѣе одного разу надѣвала ихъ и никогда не была намѣрена носить оныя. При сихъ словахъ хотѣла она вынуть ящикъ. Оставьте сей трудъ, Сударыня, сказалъ ей *Сирь Карль*, подарки принадлежатъ вамъ. Всѣ находящіеся у васъ денги также вамъ принадлежатъ. Я весьма буду остерегаться, похитить что либо данное вамъ по щедрости моимъ родителемъ. Не властенъ ли онъ былъ въ своихъ дѣяніяхъ? Если бы онъ написалъ завѣщаніе, то не подтвердилъ ли бы въ ономъ всего того, что для васъ ни сдѣлалъ? увѣдомьте меня, вы

Гжа. *Олдгамъ*, и вы любезныя сестрицы, о самомалѣйшемъ намѣреніи и предпріятіи, кой бы онъ имѣлъ въ пользу кого нибудь: то я истинно ихъ исполню съ такою же тщательностію, какъ будто бы онъ поставилъ мнѣ закономъ послѣднюю свою волю. Не ужели остановимся мы на однихъ должностяхъ правосудія? Законъ для человѣка совѣсть и честность имѣющаго не предписанъ. Ахъ Боже! сей человѣкъ, любезная *Люція*, вскружитъ мнѣ голову.

Можешь ли ты вздумать, что бы такое меня на семъ мѣстѣ остановило? Я покинула перо, углубилась въ мысляхъ и плакала отъ радости. Мнѣ кажется, *Люція*, сія радость происходитъ отъ того, что есть въ свѣтѣ молодой человѣкъ имѣющей такое свойство. Впрочемъ отъ чего бы она производила! Теперь, я хочу опять приняться за письмо, хотя на глазахъ моихъ видны слезы.

Его сестры признаются, что онъ приведены были въ смущеніе; но что еще не пришло то время, въ которое онъ долженствуютъ одобрить отъ искренняго сердца все то, что онъ желалъ для нихъ сдѣлать.

Гжа. *Олдгамъ* была тронута его добродушіемъ даже до слезъ и раскаяніе безъ сумнѣнія принимало въ томъ равное участіе: она предложила дѣвицамъ, показать имъ... я думаю, алмазы; по *Сирѣ Карль*, перервавъ рѣчь ея, сказалъ ей, что его сестры производятъ отъ *Грандиссоновъ* и удержалъ ея руку, которую она протягивала къ ящику. Она открыла другой ящикъ, изъ котораго вытщила сорокъ гвиней, и нѣсколько серебра. Сіи деньги, сказала она ему, принадлежатъ вамъ. Я получила оныя отъ *Сира Томаса* во время послѣдней его болѣзни. У меня еще остается нѣсколько другаго серебра: щеты мои почти совсѣмъ были окончаны, когда мнѣ приказали оставить сей домъ. По окончаніи же оныхъ я вамъ ихъ доставляю. Онъ не принялъ тогда ея предложенія. Пожалуйте, сударыня, сказалъ онъ ей, включите сіе серебро въ ваши щеты.

Она показала ему различныя бумаги, касающіяся до дѣлъ фамиліи; а пока онъ разсматривалъ оныя, то его сестры пошли съ нею въ другую горницу, гдѣ увидѣли два большіе чернаго дерева шкафа; въ коихъ лежали ея платья. Онъ признаются что любопытство понудило ихъ смотрѣть оныя. Гжа. *Олдгамъ*, стараясь всячески имъ повиноваться, разтворила одинъ шкафъ изъ котораго она уже выняла одно платье, въ то время вошелъ *Сиръ Карль*. Онъ изъявилъ великое неудовольствіе и отведши своихъ сестеръ къ сторонѣ спросилъ у нихъ: не ужели все то что онъ видитъ произошло отъ собственнаго ея желанія? Онъ присовокупилъ, что онъ просить ихъ признаться, не отъ самихъ ли ихъ произошло таковое предложеніе, дабы не подать ему причины думать, чтобъ была въ свѣтѣ такая женщина, котораябъ почитала за удовольствіе, въ таковыхъ обстоятельствахъ удивляться своимъ платьямъ. *Миссъ Шарлотта* проникши въ смыслъ сего вопроса, тотчасъ призналась, что

Гжа. *Олдгамъ* ничего безъ ихъ прозъбы не дѣлала. Я въ томъ увѣренъ, возразилъ онъ, и сужу что оное весьма многого стоитъ ея снисхожденію. Вы весьма вспыльчивы, любезныя сестрицы. Можетъ быть нѣчто и удалилось отъ вашего чаянія. Какое получаете вы удовольствіе отъ сего любопытства?

Развѣ вы не знаете того, чего должны здѣсь ожидать отъ щедрости и добродушія той особы, коей память надлежитъ вамъ почитать? Онѣ покраснѣвши потупили глаза, а Гжу. *Олдгамъ* просили затворить шкафъ. Удовольствіе при семъ ея изъявленное довольно показало, колико она была поражена первымъ приказомъ.

Ахъ! любезная моя *Люція*, позволь мнѣ опять отдохнуть нѣсколько. Одно меня токмо устрашаетъ; то есть: можетъ быть *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*, со всею своею къ нашему полу вѣжливости, вообще не иначе почитаетъ женщинъ, какъ за самыхъ презрѣнныхъ особъ. Естьли онъ имѣетъ такое мнѣніе; то въ семъ бы я желала быть увѣрена не для того, дабы почестъ его хулы достойнымъ въ чемъ нибудь, но дабы имѣть удовольствіе думать, что онъ конечно былъ бы убѣжденъ въ несправедливомъ своемъ мнѣніи, естьли бы зналъ мою бабушку и мою тетюшку. Съ другой стороны, удивляешься ли ты, что объ его сестры, коихъ душа возвышена примѣрами брата, не иначе о немъ говорятъ какъ съ восторгомъ? *Миссъ Шарлотта* не имѣетъ ли причины презирать своихъ любовниковъ, когда ихъ съ нимъ сравниваетъ?

Наступило уже воскресенье: мы освѣдомились, что *Сиръ Карлъ* вчерашняго вечера прибылъ въ Лондонъ. О! его сестры гораздо о томъ болѣе сожалѣютъ нежели я. По какой же причинѣ сожалѣть мнѣ? Но я скажу о немъ подобно *Милади Д...* онъ столь добръ, что желаютъ всѣ быть его друзьями. Впрочемъ, ты знаешь, что онъ мой братъ.

ПИСЬМО XI.

Генриетта Биронъ къ Люціи Сельби.

По совершенномъ осмотреніи замка и по отданіи надлежащихъ о всемъ приказовъ *Сиръ Карлъ* велѣлъ своимъ людямъ перенести въ покой Гжи. *Олдгамъ* все то, что ей ни принадлежало. Потомъ отдавши ей ключъ отъ онаго приказалъ вспомоцствовать ей во всемъ, чего она ни пожелаетъ къ переноскѣ своихъ вещей, съ толикою же осторожностію и уваженіемъ, какъ будто бы никакой не случилось перемѣны въ фамилии. Таковы-то были его выраженія. Представте себѣ сколь велика была благодарность сей бѣдной женщины тронутой до слезъ. Любезныя сестры его оказали, по видимому, нѣкіе знаки ревности, по крайней мѣрѣ, есть-ли о томъ судить по слѣдующимъ словамъ ихъ брата: вы должны взирать, сказалъ онъ имъ, на справедливость отдаваемую мною тѣмъ, которые ничего иннаго отъ меня требовать не могутъ, какъ на

залогъ того, что я желаю сдѣлать для двухъ сестеръ, коимъ я обязанъ, по справедливости, всѣми чувствованіями нѣжной дружбы. Вы увидѣли бы уже дѣйствія онаго, еслибы я не опасался, что благоразуміе воспрепятствуетъ моимъ намѣреніямъ. Какъ скоро познаю я то, что могу сдѣлать, то не умедлю ни единой минуты; поелику я не полагаю даже и предѣловъ вашей надеждѣ. Повѣрьте что я превзойду ваше чаяніе, если то возможно будетъ.

Любезнѣйшія мои сестрицы, продолжалъ онъ пожимая у ихъ руки, я весьма бы сожалѣлъ, когдабъ съ толико возвышеннымъ разумомъ вы остались подъ моимъ смотрѣніемъ превосходнѣйшая наша родительница всегда того опасалась. Но какъ скоро будетъ отъ меня зависѣть; то я совершенно васъ учиню независящими отъ вашего брата, и вы самимъ себѣ отвѣтствовать будете въ своихъ дѣянїяхъ.

Онъ сперва отвѣтствовали одними слезами. Потомъ *Миссъ Каролина* клялась, что онъ обѣ поставятъ себѣ за благополучіе жить подъ смотрѣніемъ такого брата, какъ онъ. Чтожъ касается до *возвышеннаго*... она не могла окончить. *Миссъ Шарлотта* продолжала за нее, увѣряя своего брата, что ихъ мысли и сердце ни чѣмъ такимъ не заняты, чтобъ онъ ни готовы были зависѣть отъ его благоразумія и его дружбы. Въ разсужденіи жъ сердца, возразилъ онъ, улыбаясь, мы поговоримъ въ другихъ обстоятельствахъ. Я прошу *Каролину* объявить мнѣ свои склонности, а *Шарлотту* извѣститъ меня о своихъ. Положитесь обѣ на то желаніе, которое я имѣю видѣть васъ благополучными. При семъ онъ мнѣ не сказали, что обѣ бросились въ его объятія; но я представляю себѣ, что онъ учинили сіе съ равномѣрною нѣжностію.

Отъѣзжая съ своими сестрами въ замокъ *Грандиссонъ* и прощаясь съ *Гжею Олдгамъ*, онъ у ней спросилъ, какимъ образомъ намѣрена она поступить съ самой собою. Нещастіе, сказалъ онъ ей, требуетъ покровительства отъ тѣхъ, кои въ лучшемъ находятся состояніи. Когда вы утвердитесь въ какомъ нибудь мѣстѣ; то увѣдомьте меня и если вы дадите мнѣ знать о вашихъ обстоятельствахъ и мѣрахъ, кои вы хотите предпринять въ пользу тѣмъ, коимъ обязаны первымъ попеченіемъ: то довѣренность учиненная мнѣ вами не будетъ бесполезна.

Сдѣлайте милость, не могла я удержатся чтобъ не прервать ея рѣчи, скажите мнѣ, что на сіе отвѣчала *Гжа. Олдгамъ*? Какъ приняла она сіи слова?

Наша дорогая *Генріетта*, отвѣчала *Миссъ Шарлотта*, принимаетъ странное участіе въ повѣствованіи *Гжи. Олдгамъ*. Должно удовольствоваться ея нетерпѣливостью. Но... она очень долго плакала, какъ вы въ томъ не сумнѣваетесь. Она сложила руки: бросилась на колѣни, и молила небо благословить его и все ему принадлежащее.

Посмотри, *Люція*! Но я спрашиваю у всѣхъ, достойна ли я хулы. И самая твердая добродѣтель не смягчилась ли бы отъ таковой повѣсти? Не

внушаетъ ли она сама сожалѣнія къ тѣмъ, которые по несчастію забыли долгъ свой? Такъ, я въ томъ увѣрена, и не менѣе знаю что *Сирь Карль* и всѣ любезныя мои родственники равномѣрно о томъ думаютъ. Я почитала себя уже съ нѣкоего времени за посредственную дѣвицу въ сравненіи сихъ двухъ сестеръ; но я теперь начинаю вѣрить, что во многомъ я ихъ стою. По истиннѣ, они не имѣли такой бабушки и такой тетуски, коихъ я по щастію имѣю: они лишились еще въ своемъ младенчествѣ превосходной матери, а ихъ братъ еще не весьма давно здѣсь находится. Его достоинство, которое вдругъ оказалось, произвело дѣйствіе солнца, дабы показать тѣ пятна и несовершенства, кои весьма было трудно открыть до его возвращенія.

Сирь Карль склонилъ госпожу *Олдамъ* увѣдомить его письмомъ о томъ, что она намѣрена сдѣлать для самой себя и для тѣхъ, кои остались на ея попеченіи. Она не умедлила въ скоромъ времени оказать ему сіе удовольствіе. Ея намѣреніе, писала она къ нему, состоитъ въ томъ, дабы удалиться въ Лондонъ для воспитанія своихъ сыновей, распродать всѣ свои мебели, алмазы, платья, и все то что ей кажется не приличнымъ ея состоянію, препровождать уединенную жизнь и имѣть сообщество токмо съ честными людьми. Она присовокупила къ сему опись всего ея имѣнія. Обѣ сестры еще и теперь не извѣстны сколь велико ея имѣніе. Но знаютъ, что ихъ братъ опредѣлилъ ей ежегодную пенсію, для двухъ дѣтей прижитыхъ съ *Сиромъ Томасомъ*; и вѣроятно что его милости гораздо болѣе къ нимъ умножатся, когда они будутъ въ состояніи вступить въ свѣтъ.

Онъ нашель все весьма въ хорошемъ порядкѣ въ заикѣ *Грандиссонъ*, но въ немъ его ожидали два управителя отца его, которые причинили ему великое замѣшательство: онъ по своему проицанію скоро примѣтилъ, что ихъ щеты учинены были по ихъ согласію съ толь малою предосторожностію со стороны *Сира Томаса*, что онъ отдалъ на разсмотрѣніе одного другому. Онъ вознамѣрился разсмотрѣть самъ всѣ ихъ росписи, и хотя ему казались нѣкоторыя статьи сумнительными или худо изъясненными, но онъ понуждалъ ихъ признаться, что сумма подведенная ими гораздо была ему выгоднѣе, нежели они себѣ то представляли. При семъ открытіи онъ не преминулъ сказать своимъ сестрамъ, что ихъ родитель не столько былъ разсточителенъ, какъ о немъ думали.

Въ изслѣдованіяхъ своихъ съ *Филмеромъ* онъ открылъ не токмо обязательство касающееся до *Миссъ Орбанъ*, но нашли и причину привести предъ него сію молодую особу. Она предстала предъ него можетъ быть съ гораздо невиннѣйшими намѣреніями, нежели тѣ, кои ея привели. Онъ удивлялся ея красотѣ и выхвалялъ оную сестрамъ своимъ; но когда мать и обѣ тетки примѣтили, что его удивленіе не далѣе того простиралось, какъ обыкновенно удивляются хорошей живописной

картинѣ; то онѣ паки прибѣгнули къ обязательствамъ *Сира Томаса*, кои онѣ выдавали за дѣйствительное обѣщаніе брака, и два представленныя ими письма довольно сходствовали съ симъ предлоговѣ. *Сиръ Карлъ* чрезвычайно тѣмъ былъ опечаленъ, уважая честь своего родителя и особливо зная, что его сердце и чувствіе исполнены были сею мыслию при послѣднемъ своемъ прибытіи въ помѣстье, лежащее въ *Ессексѣ*. *Филмеръ* просилъ его къ двумъ теткамъ, дабы тамъ съ нимъ переговорить. Онѣ на то согласился для избѣжанія явнаго разглашенія; но прежде всякаго изъясненія, онѣ просилъ дозволенія, поговорить съ четверть часа на единѣ съ *Миссъ Орбанъ*. Но поелику онѣ притворно весьма выхвалялъ естественныя ея пріятности, то тетки ласкались, что онныя начали производить надъ его сердцемъ сильное впечатленіе, и подавали своей племянницѣ такія наставленія, кои соотвѣтствовали съ сею надѣждою. Но вмѣсто того, дабы испытать силу ея прелестей, онѣ употребилъ сіе время на то, чтобъ получить отъ нея нѣкоторыя признанія, кои показали ему всю подлость сей фамиліи. Возвратясь назадъ съ молодою особою, держа ее за руку, онѣ столь жестоко укорялъ мать ея за ту ролю, которую она играла въ безчестномъ семъ предпріятіи, что она безъ чувствъ пала къ ногамъ его. Тетки чрезвычайно уstraшились; племянница ихъ весьма горестно плакала и клялась небомъ, что впредь слѣдовать будетъ правиламъ честности.

Сиръ Карлъ просилъ ихъ возвратить ему оба письма его родителя къ обѣщанію предать сіе дѣло вѣчному забвенію, обѣщая, на сихъ договорахъ, дать тысячу гвиней *Миссъ Орбанъ*, когда она честнымъ образомъ выдетъ за мужъ. *Филмеръ* началъ было выправляться въ томъ участіи, которое онѣ имѣлъ въ самыхъ коварнѣйшихъ обстоятельствахъ заговора; но *Сиръ Карлъ* ни мало не желая его обезпечить, объявилъ ему, что онѣ полагается въ томъ на его совѣсть. Тѣ возраженія, кои онѣ учинилъ противъ его щетовъ, не иначе могли быть объяснены, какъ въ *Ирландіи*; онѣ туда съ нимъ отправился, и тамъ удостовѣрясь во всемъ собственными своими глазами, уволилъ его изъ своей службы съ гораздо большимъ благородствомъ и милостію, нежели бы надлежало за толикія доказательства несправедливости и поврежденія.

По возвращеніи своемъ онѣ освѣдомился, что *Миссъ Орбанъ* лежитъ въ оспѣ; онѣ ни мало о ней не сожалѣлъ, но напротивъ того судилъ, что сіе несчастіе было для нее небесною благодатію. Въ самомъ дѣлѣ, хотя лице ея весьма перемѣнилось въ разсужденіи ея прелестей, но она была еще столь пріятна, что могла понравится одному честному *Лондонскому* купцу, съ коимъ она почитала себѣ за щастіе сочетаться законнымъ бракомъ, и коимъ она была обожаема. *Сиръ Карлъ* приказалъ ему выдать ту сумму денегъ, которую ей обѣщаль, и сверхъ того сто гвиней ей на платье. Какъ ея такъ и ея супруга благополучіе состояло частію и въ томъ, что они освободились отъ двухъ тетокъ, которыя почитали сей

союзъ за несчастіе для ихъ фамиліи, да и сама мать возвратилась въ Ирландію съ великимъ неудовольствіемъ.

Въ продолженіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ *Сиръ Карлъ* не могъ забыть прежнихъ предложеній въ разсужденіи того брака на которой было его родитель для него согласился, и о коемъ онъ его просилъ, чтобъ отложить до своего возвращенія. Онъ видѣлся съ двумя господами той фамиліи, которые представляли ему предложенія. Его сестры извѣстны токмо о томъ, что въ первомъ семъ свиданіи договоръ совершенно былъ прерванъ; не взирая на то онъ не престаесть говорить о сей фамиліи съ чрезвычайнымъ уваженіемъ; равно извѣстно всѣмъ, что та молодая особа, о коей ему представляли, питаетъ къ нему весьма нѣжныя чувствія. Нѣкогда *Миссъ Грандиссонъ* сказала ему, что она желала бы, чтобъ сіе дѣло возобновлено было: онъ на то отвѣчалъ, что ничего бы славнѣе сего онъ для себя не желалъ, но что сіе было невозможное дѣло. Чего бы я не дала единственно за то, чтобъ узнать, отъ куда происходитъ сія невозможность? Ахъ, *Люція!*.... но я не знаю, что такое хотѣла я присовокупить. А сіе-то случается со всѣми безумными, и я начинаю считать себя въ числѣ...

Сиръ Карлъ не преминулъ, по прибытіи своемъ въ Англію, засвидѣтельствовать достодолжное свое почтеніе *Милорду В...* своему дядѣ съ матерней стороны, которой имѣлъ тогда свое пребываніе въ помѣстьѣ близъ Виндзора лежащемъ. Я уже тебѣ сказала, что *Милордъ* имѣлъ къ нему худыя разположенія, по той токмо причинѣ, что онъ не былъ любимъ его родителемъ, къ коему сей господинъ имѣлъ всегда отвращеніе. При первомъ свиданіи его дядя не токмо изъявилъ ему чрезвычайное хладнокровіе, но еще говорилъ ему столь язвительно о памяти умершаго, что молодой *Кавалеръ*, со всею своею умѣренностію и тѣми чувствами, коими онъ обѣимъ имъ обязанъ, едва могъ удержаться въ границахъ багопристойности. Но онъ умѣлъ сохранить съ толикимъ благоразуміемъ и кротостію твердость, кою защищалъ своего родителя, и свое уваженіе къ брату своей матери, что *Милордъ* не могши воспротивиться пленительному его разуму и добродѣтели, принялъ его въ свои объятія, обѣщалъ ему всю свою нѣжность и предсказывалъ ему, что онъ будетъ великимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

Ты уже читала въ одномъ изъ моихъ писемъ, что *Сиръ Карлъ* уѣхавъ изъ Флоренціи, дабы въ Парижѣ дождаться позволенія возвратиться въ Англію, оставилъ *Миссъ Жервинсъ*, свою питомицу, въ Италіи, подъ смотреніемъ доктора *Барлета*. Онъ немѣдленно писалъ къ нимъ, дабы они оба къ нему ѣхали. *Миссъ Жервинсъ* препоручена была попеченіямъ одной благоразумной и добродѣтельной вдовы, которая имѣла трехъ дочерей весьма хорошо воспитанныхъ. Иногда она получала позволеніе препровождать по нѣскольку дней въ сообществѣ сестеръ *Сира Карла*, которыя возымѣли къ ней весьма нѣжную любовь. Съ нѣкотораго

времени она усиленно меня проситъ доставить ей то, что она называетъ своимъ благополучіемъ, то есть завсегда быть съ *Миссъ Шарлоттою Грандиссонъ*, и я съ охотою приму на себя трудъ оказать ей то удовольствіе, въ коемъ я ничего не усматриваю затруднительнаго. Не взирая на ту надежду, коею она ласкается усовершиться въ столь благородномъ училищѣ, необходимость требуетъ, говоритъ она, гораздо сильнѣйшаго покровительства, нежели покровительство получаемое ею отъ своей надзирательницы и ея дочери, дабы быть въ безопасности отъ предпріятій опасной матери, которая изыскиваетъ случай ее похитить. Я хочу тебѣ вкратцѣ рассказать повѣсть *Миссъ Жервинсъ*. Родитель ея былъ изъ числа превосходнѣйшихъ людей; мать ея напротивъ того самая злѣйшая въ свѣтѣ женщина: она подвержена была всѣмъ порокамъ. Я уже тебѣ сказала, что чрезвычайныя ея распутства и невоздержность принудили ея супруга оставить Англію, дабы отъ нее освободиться. Не смотря на то она желаетъ, чтобъ ея дочь была подъ ея смотреніемъ, а сіе-то было бы весьма несносно для такой молодой особы, которая по своему виду и склонностямъ весьма любвидостойна. *Сиръ Карль* имѣлъ уже нѣкія распри съ сею жестокою матерью, да и теперь еще приводитъ она его въ нѣкія замѣшательства. *Миссъ Емилиа Жервинсъ* довольно богатая наслѣдница: ея имѣніе, какъ полагаютъ, заключается въ пятидѣсяти тысячахъ фунтовъ Стерлинговъ. Ея родитель производилъ великій торгъ въ Италіи и на берегахъ Восточнаго моря; по смерти же его *Сиръ Карль* сыскалъ средство умножить остальное имѣніе, выручкою великихъ суммъ, коихъ бы она лишилась, есть либъ имѣла не столь знатнаго опекуна.

Какой новой свѣтъ открыла я для себя, любезная *Люціа*, съ того времени, какъ я вступила въ сообщество съ сею фамиліею! дай Боже, чтобъ ваша *Генріетта* не заплатила имъ за то весьма дорого! Она наиболѣе должна опасаться, отвѣчать вы ей будете, чтобъ къ несчастію ея не была она обьята безнадежною страстію.

Милордъ Л... по прошествіи двухъ или трехъ мѣсяцовъ послѣ возвращенія *Сира Карла*, прибылъ изъ Шотландіи въ Англію. Онъ прежде всего посѣтилъ замокъ *Грандиссонъ* гдѣ молодой *Кавалеръ*, выслушавъ отъ самаго его обьявленіе о его чувствованіяхъ, и равно не сумнѣваясь о чувствованіяхъ сестры своей, поставилъ себѣ за величайшее щастіе представить его предъ нее, и соединить ихъ руки, держа ихъ обѣихъ за оныя. Я почту себѣ за величайшую честь, сказалъ онъ *Милорду*, естли вы съ сей минуты считать меня будете своимъ братомъ. Весьма справедливо то, какъ я теперь вижу, что мой родитель находился въ нѣкоемъ замѣшательствѣ, во причинѣ своихъ обстоятельствъ. Ни мало не сумнѣвайтесь, чтобъ онъ не имѣлъ нѣжности къ дочерямъ своимъ; но можетъ быть онъ опасался, чтобъ онѣ не вздумали вскорѣ доставить себѣ какое нибудь другое покровительство, кромѣ его. Естли бы Богъ

продлил жизнь его до того времени, когда бы онъ установилъ порядокъ въ своемъ имѣніи, то я увѣренъ, что онъ употребилъ бы всѣ свои силы дабы содѣлать ихъ благополучными. Онъ оставилъ мнѣ исполнить долгъ сей, я я приложу къ тому первое мое попеченіе.

Миссъ Каролина не могла выразить ни единого слова отъ чрезвычайной своей радости. На глазахъ *Милорда* показались слезы. Родитель мой, продолжалъ *Сиръ Карль*, увѣдомилъ меня въ одномъ изъ его писемъ о состояніи *Милорда*. Я ничего съ такою ревностію не желаю, какъ служить моему брату. Общайтесь, *Милордъ*, убѣждайте и начинайте свои предпріятія; братъ беретъ на себя трудъ способствовать вамъ въ имѣніи, а сестра составитъ ваше благополучіе. *Миссъ Шарлотта* толико была тронута симъ явленіемъ, что поднявъ на небо руки свои и взоры, просила Бога продлить жизнь ея брата и вліять въ его чувствованія равную къ ней любовь. Тогда, сказала она, весь свѣтъ восчувствуетъ его благодѣянія и подражать будешь его примѣру.

Удивляешься ли ты теперь, любезная *Люція*, что *Милордъ Л...* и обѣ сестры не могутъ удержаться отъ восхищеній по своей благодарности, когда говорятъ имъ о братѣ которой изліялъ на нихъ великое благодѣяніе?

За два мѣсяца еще до брака, *Сиръ Карль* подалъ дѣвицѣ *Каролинѣ* бумагу, запечатанную собственною его печатью. Вы усмотрите въ ней, сказалъ онъ ей, то, что бы вы конечно получили отъ родительской милости, если въ состояніе его обстоятельствъ ему позволили, и то, что бы *Милади Грандиссонъ* заставила его сдѣлать для васъ, еслибы небо продлило жизнь толико великодушной матери. Когда вы дадите руку *Милорду Л...* то другою представьте ему сей подарокъ; и чтобъ вся его благодарность клонилась къ вамъ. Я исполняю долгъ мой: я совершилъ одну статью завѣщанія моего родителя, представляя себѣ, что онъ точно также оную бы расположилъ, еслибы смерть не прервала его дѣлъ.

При семъ облобызавъ сестру свою съ великою нѣжностію отъ нее вышелъ, прежде нежели она распечатала бумагу.

Она нашла въ оной сумму банковыми билетами, въ десять тысячъ фунтовъ *Стерлинговъ*. При первомъ движеніи своего сердца она бросилась на креслы, на коихъ нѣкоторое время была внѣ себя, но томъ очуствовавшись она пошла немедля къ брату своему. Ей сказано, что онъ былъ въ горницѣ сестры ея. Она его тамъ не нашла; но чрезвычайно удивилась увидя сестру свою проливающую слезы: *Сиръ Карль* ее оставилъ. Что я вижу, сказала она ей; какія печали беспокоятъ любезную мою *Шарлотту*? О! неподобный братъ! Отвѣчала ей *Шарлотта*. Не возможно перенести его благодѣянія! Разсмотри сіе доказательство: прочтя сію бумагу. *Миссъ Каролина* взяла записку содержащую слѣдующее:

„Я опредѣлилъ *Каролинъ* то число денегъ, кое она имѣла право ожидать отъ милости моего родителя и состоянія нашей фамиліи, естлибъ онъ прожилъ до тою времени, когда бы могъ объявить намъ послѣднія свои желанія. Но поелику я не менѣ увѣренъ въ кротости любезной моей *Шарлотты*; то она усмотритъ въ объявляемомъ мною здѣсь свидѣтельствѣ свое щастіе и свою независимость утвержденныя невозвратнымъ образомъ, слѣдуя тѣмъ правиламъ, въ кои, я познаю, что она вступила по смерти моего родителя. Качество Исполнителя, каковымъ почитаю я себя въ семь случаѣ, не подаетъ мнѣ другаго достоинства, какъ то, чтобъ исполнить намѣренія давшихъ намъ жизнь, такъ какъ по справедливости должно ихъ совершить. И такъ почитайте память ихъ, вспомните при выборѣ мужа, что имя *Грандиссонъ* должны вы перемѣнить на какое нибудь другое. Впрочемъ, по всей моей гордости, что такое значить имя? Нуженъ только челоуѣкъ васъ достойный. Каковъ бы ни былъ тотъ на котораго вы заблагоразсудите обратить свой выборъ, я приму его въ объятія со всѣми нѣжными чувствіями брата...

Карль Грандиссонъ.

Свидѣтельство состояло изъ такой же суммы денегъ, какую онъ опредѣлилъ *Миссъ Каролинъ*, которая и могла умножена быть процентами до брака *Шарлотты*, ибо сія властна будетъ разполагать ими, такъ какъ и сестра ея, не прежде своего брака. Онъ взаимно поздравляли другъ друга съ пролітіемъ слезъ отъ нѣжности и радости. *Каролина* нашла своего брата; но подходя къ нему она не въ состояніи была произнести ни единого слова въ благодарность, о коей она помышляла. Она взяла его за руку, которую долгое время прижимала къ устамъ своимъ, посвящая ему сердце, но не имѣя силы произнести иначе свою благодарность. Въ то время, когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и просилъ сѣсть, вошла *Шарлотта*, дабы предаться равнымъ восхищеніямъ чувствованій. Онъ посадилъ ее подлѣ своей сестры, выдвинулъ креслы, на коихъ онъ сѣлъ супротивъ ихъ и взявъ обѣихъ за руки началъ имъ говорить слѣдующія слова тихимъ голосомъ, какъ будто бы опасался, чтобъ кто нибудь не услышалъ о его благодареніяхъ: „Вы чрезвычайно чувствительны, любезнѣйшія мои сестрицы, къ симъ справедливымъ засвидѣтельствованіямъ братской нѣжности. Когда Богу было угодно взять отъ насъ тѣхъ почтеннѣйшихъ особъ, коимъ мы обязаны бытіемъ нашимъ; то мы составляемъ между собою болѣе, нежели братья и сестры, поелику мы должны заступитъ мѣсто тѣхъ дражайшихъ родителей, коихъ мы лишились. Впрочемъ не считайте меня иначе какъ за исполнителя такой власти, котораябъ объявлена была въ завѣщаніи, и которое конечно было бы учинено, естлибъ время то

позволило. Я не могъ сдѣлать для васъ менѣе, ибо могъ сдѣлать то, что теперь сдѣлалъ. Вы не можете себѣ вообразить, сколько меня обяжете, еслии никогда не станете мнѣ говорить о иной благодарности, кромѣ той, которую я желаю заслужить любовію моею. И позвольте, чтобъ я вамъ оную представилъ; еслилибъ вы объявили мнѣ, что вы не почитаете учиненное иною за долгъ, то сіе не согласовалось бы съ достоинствомъ приличнымъ сестрамъ моимъ.

О! любезная *Люція*! попроси мою тетушку приготовить для меня покой мой въ замкѣ *Сельби*. Совершенно не можно жить въ той славѣ, которая увѣнчиваетъ сего удивленія достойнаго смертнаго! Но, дабы подкрѣпить себя, мнѣ кажется, что можно найти въ немъ нѣкой недостатокъ: онъ въ томъ самъ признается. Не смотря на то, не оправдывается ли онъ своимъ признаніемъ? О! нѣтъ! ибо онъ не изъявляетъ ни малѣйшаго вида, чтобъ помышлялъ въ томъ исправиться. Сія погрѣшность происходитъ отъ гордости: не примѣтила ли ты, сколь высокое иногда имѣетъ онъ мнѣніе о своемъ имени, и такимъ голосомъ говорить онъ о достоинствѣ приличномъ сестрамъ его? Какая надмѣнность! О, дражайшая *Люція*! онъ весьма наполненъ тѣмъ, чѣмъ обязанъ себѣ, и тѣмъ, чѣмъ онъ равно долженствуетъ знатному своему имѣнію. Чтожъ я могу сказать? Не взирая на то я знаю, что занимало бы его мысли, дабы быть благополучнымъ.... Пожалуйте, пожалуйста, любезной мой дядюшка! или лучше сказать, *Люція*, пропусти совершенно строку сію.

Сирь Карлъ, по прошествіи осьми мѣсяцовъ по смерти его родителя, отдалъ изъ своихъ рукъ *Миссъ Каролину Милорду Л...* она уѣхала съ своимъ мужемъ въ Шотландію, гдѣ наслаждалась въ теченіе нѣкотораго времени удивленіемъ и ласками новой своей фамиліи. Сколь для мена щастливо, что извѣстіе о ихъ прибытіи понудило ѣхать *Сира Карла* и *Миссъ Шарлотту* въ Колнеброкъ, дабы тамъ приготовиться къ принятію ихъ!

Когда они отправились въ Шотландію, то *Сирь Карлъ* провожалъ ихъ даже до Ионорка, гдѣ препроводилъ нѣсколько дней у тетки своей *Елеоноры Грандиссонъ*, которая живетъ уединенно въ дѣвствѣ. Она извѣстась о великихъ его качествахъ изъ писемъ сестеръ его, была въ нетерпѣливости видѣть столь любезнѣйшаго племянника.

Сколь много другихъ повѣствованій моглабъ я разказать тебѣ о семъ странномъ человѣкѣ? ибо должно называть его столь же странными именами, каковъ и самъ онъ. Я просила разказать мнѣ исторію о Докторѣ *Барлеттѣ*; обѣ сестры отвѣчали мнѣ, что не зная ее обстоятельнѣе онъ меня посылаютъ къ самому Доктору. Впрочемъ онъ весьма были увѣрены въ томъ, что надлежитъ его почитать за благоразумнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго человѣка. Онъ увѣрены, что ему извѣстны всѣ сердечныя тайности *Сира Карла*. Не весьма ли удивительно, что тайности

Сира Карла были столь велики? Не взирая на то, ж ничего не вижу такого въ *Сирь Карль* и въ *Докторѣ*, чтобъ не можно было учинить имъ нѣкоторыхъ невинныхъ вопросовъ; хотя, по истиннѣ, я не весьма любопытна. Для чегожь была бы любопытнѣе сестеръ его? Но мнѣ кажется, что весьма трудно, пребывая въ фамиліи столь отличнаго достоинства, и не желать нѣкоего изъясненія о всемъ томъ, что до нее касается; а когда сіе любопытство ни отъ какой другой причины не происходитъ, какъ отъ желанія дабы восхвалить ихъ и подрожать имъ: то я ничего въ томъ не усматриваю такого, отъ чегобъ должно было опасатся укоризны.

Я окончила ту повѣсть, которую тебѣ обѣщала рассказать, сокращая ее сколько было можно; и не преставала писать и день и ночь, сколько по повѣствованію двухъ госпожъ, кои ясно видѣли, колико сіе предпріятіе впечатлѣно въ моемъ сердцѣ, столько и по запискамъ, въ коихъ по большей части заключались главныя обстоятельства. Теперь я хочу объявить о настоящихъ положеніяхъ, *Сирь Карль* еще въ отсуствии, любезная *Люція*; нынѣ уже понедѣльникъ, очень хорошо. *Сирь Карль* приказалъ просить прощенія чрезъ двоюроднаго своего брата, которой прибылъ къ намъ вчерась съ *Г. Ревсомъ*, и тогожь вечера возвратился обратно. Я думаю что онъ занятъ какимъ нибудь важнымъ дѣломъ: онъ обѣщался быть завтра сюда, естли я въ томъ не ослушалась. Онъ просилъ прощенія у своихъ сестеръ и *Милорда Л...* Я весьма довольна тѣмъ, что онъ неучинилъ со мною равнаго поступка.

Миссъ Шарлотта жалуется, что я не во всемъ ей открываюсь. Она говоритъ, что ея намѣреніе есть во всемъ мнѣ признаваться; но находясь въ такихъ замѣшательствахъ, въ коихъ я не могу быть, она желаетъ чтобъ я прежде то дѣлать начала; поелику она совершенно не знаетъ, какимъ образомъ должна она начать. Я нимало не желаю отгадывать, какія были ея замѣшательства. Но я увѣрена въ томъ, что благопристойность не позволяетъ сказать такой сестрѣ, коей благосклонность, какъ я въ томъ увѣрена, явно изъясняется въ пользу другой женщины, что я возымѣла особенныя чувствованія къ ея брату; по крайней мѣрѣ до того времени, пока не буду увѣрена, что онъ равномѣрныя ко мнѣ ощущаетъ. Впрочемъ *Милади Л...* къ которой я также должна имѣть довѣренность, ничего не скрываетъ отъ своего мужа. Правда, что изъ всѣхъ особъ, коихъ я знаю, не исключая и моего дядю, онъ есть такой человѣкъ, коему я могу безъ всякой опасенія открыть мои тайности. Но дѣйствительно ли я имѣю тайну, любезная моя *Люція*? И тайна ли та для меня, чтобъ никогда ее не открывать, а любить такого человѣка, отъ котораго я нималѣйшаго объявленія въ любви не имѣла.

ПИСЬМО XLІ.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ понедѣльникъ 13 Марта.

Теперь должно тебѣ сказать, въ пользу какой особы обѣ сестры подаютъ свое согласіе. Это *Милади Анна С...* единая дочь *Графа С...* кажется, что она уже давно обладаетъ великимъ имѣніемъ и независитъ отъ своего родителя, отъ коего она еще болѣе ожидаетъ. Сего дня она увѣдомила обѣихъ сестеръ о своемъ къ нимъ посѣщеніи. Я въ томъ согласна. Это конечно прелестная особа и превосходнаго разума. Она заключаетъ въ себѣ все то, что только есть любвидостойнаго въ свѣтѣ. Но я сомнѣваюсь, любезная моя, искренно ли я желаю ее видѣть достойною сихъ похвалъ. Какъ! любовь, естли должно признаться, что она имѣетъ какую нибудь надо мною власть, любовь, способна ли стѣснять сердце? Я не знаю, когда она не извѣстна, и не извѣстна съ одной стороны, то не соединяется ли нѣсколько съ ревностію, завистію и скрытностію. Но не взирая на то я буду стараться всячески соотвѣтствовать моему воспитанію и полученнымъ мною примѣрамъ, какого бы роду ни были желанія моего сердца, до того времени, пока я буду въ неизвѣстности. Я увѣрена, что естли усмотрю *Кавалера Грандиссона* принимающаго обязательство: то буду почитать щастливою его супругу и желала бы какъ одному такъ и другой всѣхъ тѣхъ благополучій, коихъ можно ожидать на семь свѣтѣ. Я опорочила бы сіе сердце, естлибѣ имѣла во ономъ другія чувствованія,

Обѣ госпожи пристали къ *Г. Грандиссону*, дабы вывѣдать отъ него тѣ дѣла, которыя столь часто привлекаютъ *Сира Карла* въ Канторбери, но признавались, что ничто не обязываетъ его сохранять оныя въ тайности, онъ не преставаель содержать ихъ въ недоумѣніи притворною шуткою и такими объявленіями, которыя много походятъ на Романъ. Дѣло было, естли должно тому вѣрить, о весьма прелѣстной женщинѣ, которая страстно любитъ *Сира Карла*, и къ коей онъ не менѣе же чувствуетъ любви, но безъ всякаго отношенія къ браку. Братъ *Грандиссона* ни мало не смотритъ на истинну и безъ всякаго затрудненія употребляетъ торжественныя слова, хотя произноситъ оныя шутливымъ образомъ, дабы приводить въ замѣшательство столь мало вѣроятными извѣстіями; и тогда етотъ шутникъ хочочетъ безъ всякой мѣры, по причинѣ той неизвѣстности, въ которую онъ приводитъ слушающихъ. Сколь такіе щеголи дураковаты! какое имѣютъ они мнѣніе о женщинахъ? И какъ онѣ по истиннѣ безумны, что слушаютъ такія сумозбродства, коихъ посмѣяніе обыкновенно обращается на нихъ.

Сей важной человѣкъ вчерашняго вечера нашель случай разговаривать со мною на единѣ, и не шутя просиль меня принимать благосклонно его попеченія. Я изъ того познаю, что въ весьма низкомъ степени почитаюсь двумя сестрами; ибо я сужу, что онѣ оставя меня съ

нимъ на единѣ, конечно одобрили его намѣреніе. Не ужели я столь унизилась въ ихъ мысляхъ, подумала я въ себѣ, что онѣ почли меня способною выдти за мужъ за такого человѣка, котораго я презираю одинаго въ ихъ фамиліи; потому что я не имѣю столько богатства, сколько *Милади Анна*....? Я скоро узнаю ихъ о томъ мнѣніе; и хотя по ихъ прозвѣ я объявила Г. *Ревсу*, что я пробуду здѣсь гораздо долѣе, нежели думала; но теперь возвращусь въ городъ, какъ можно скорѣе. До какой величайшей степени ни простирали бы онѣ свою гордость по причинѣ своего имени, присовокупила я въ гнѣвъ моему: но единое имя ничего не значить для *Генріетты Биронъ*. Я столько же горда, сколько и онѣ.

Не давъ имъ знать о томъ, что происходило въ моихъ мысляхъ; я улучила первую минуту, дабы поговорить съ ними о объявленіи двоюроднаго ихъ брата. Онѣ показались мнѣ весьма тронуты его дерзостію, а *Миссъ Шарлотта* клялась поговорить съ нимъ о томъ. Она удивлялась сему тщеславію. По истиннѣ, не взирая на всѣ распутства его молодости, у него еще осталось великое имѣніе: но это, сказала она, несносная довѣренность въ человѣкѣ худыхъ нравовъ, которой считаетъ, что можетъ имѣть право домогаться.... твоя *Генріетты*, любезная *Люція*. Вотъ что думаютъ о ней *Миссъ Шарлотта Грандиссонъ* и сестра ея, какимъ бы образомъ вы сами о томъ думали, во время ея униженія. При семъ то случаѣ я призналась имъ, что намѣрена ѣхать. Онѣ въ то же время сыскали двоюроднаго своего брата; и изъясненіе, которое онѣ съ нимъ имѣли, должно быть весьма пылко; поелику онѣ имъ обѣщались никогда не подавать причины къ равнымъ жалобамъ. На конецъ онѣ имъ сказали, что не имѣетъ желанія къ браку и что онѣ долгое время колебался, прежде нежели рѣшился учинить столь искренное объявленіе; но что, почитая себя однако угрожаемымъ подвергнуться нѣкогда игу, онѣ судилъ, что никогда не сыщеть такой женщины, съ коей бы надѣялся жить благополучнѣе, нежели со мною.

Ты можешь заключить любезная моя, изъ поступка Г. *Грандиссона*, что вся фамилія не иначе о немъ думаетъ. А наиболѣе можешь быть приводить меня въ сожалѣніе, коего бы я впрочемъ не имѣла, то, что я усматриваю во всѣхъ васъ толико почтенія и любви къ самому великому..... такъ точно, къ самому великому человѣку; поелику онѣ всѣхъ превосходнѣйшій. Сколь щастливо для молодой дѣвицы, когда склонность всѣхъ ея сродственниковъ сходствуетъ ея съ собственною; но не должно надѣяться на возможность. И такъ я вскорѣ увижу, до какой степени простирается достоинство сей *Милади Анны*. Естьлибъ мое мнѣніе.... Дѣйствительно, любезная моя, когдабъ я была и первая Принцесса на землѣ; то и тогда бы не желала себѣ другаго супруга, естьлибъ только могла получить онаго. Къ нещастію моему, я не иное что, какъ бѣдная *Генріетта Биронъ*! Съ субботы, графиня Д..... безъ сумнѣнія приняла такія мѣры, которыя нимало не возмутятъ моего

рѣшенія. Это уже рѣшено, любезная *Люція*, и я никогда не буду о томъ иначе помышлять. Я не могу, не должна, слѣдственно и не хочу дать мою руку кому бы то ни было на свѣтѣ въ то время, когда я чувствую въ моемъ сердцѣ явное предпочтеніе къ другому. Благодарность, справедливость, добродѣтель и благопристойность, все сіе составляетъ для меня такой законъ, коего я никогда не нарушу.

Однако же поелику я не усматриваю даже и тѣни надежды: то и начинала покушаться преодолѣть, сказать ли что? Безполезную мою страсть? Пусть такое имя придають моимъ чувствованіямъ, естли оно имъ прилично. *Дитя знающее хотя нѣсколько любовь* въ томъ бы не обманулось; ты знаешь, что такъ меня укоряли. Хотя любовь сія бесполезна, поелику она безнадежна, но я безъ всякаго стыда въ оной признаюсь. Развѣ я не могу предстателями своими поставить разсудокъ, добродѣтель, разборчивость? Развѣ я люблю одинъ видъ, естли то, что я чувствую есть любовь? нѣтъ, но добросердечіе, великодушіе и истинная учтивость восторжествовали надъ моимъ сердцемъ. И такъ чегожъ мнѣ стыдиться? Не взирая на то я иногда не могу скрыть нѣсколько стыда своего.

Обѣ сестры всегда меня усиленно просятъ прочитывать имъ нѣкоторыя мѣста въ моихъ письмахъ, прежде нежели я ихъ отправлю въ замокъ Сельби, то онѣ столь великодушны, что не жалуются, когда я пропускаю нѣсколько строкъ и даже цѣлыя страницы; а изъ того онѣ однако могутъ судить, что я нѣчто скрываю. Пусть такъ. Онѣ никогда не усмотрятъ во мнѣ, подлости, любезная моя *Люція*, очень хорошо. *Милади Анна С...* удостоила насъ своимъ посѣщеніемъ и теперь лишь отсюда поѣхала. Она весьма пріятная особа. Я не могу не отдать ей сей справедливости; и естлибъ она была дѣйствительно *Милади Грандиссонъ*, то думаю у что я ее бы почитала. Я безъ сумнѣнія то думаю. Но, любезная *Люція*, сколь я была щастлива до отъѣзда моего въ Лондонъ!

Разговоръ шель весьма долгое время о *Сирѣ Карль*. *Милади Анна* безъ всякаго затрудненія призналась, что она почитаетъ его за самаго плѣнительнаго человѣка, какого она видѣла въ своей жизни. Она влюбилась, сказала она, въ превосходныя его свойства. Во всякомъ мѣстѣ, гдѣ она ни бываетъ, слышитъ о немъ похвалы. Дѣло *Сира Гарграфа*, о коемъ она слышала, подало ей причину засвидѣтельствовать мнѣ многія похвалы. Она присовокупила къ тому, что когда узнала о моемъ прибытіи въ Колнеброкъ, то желаніе меня видѣть, великое имѣла участіе въ нынѣшнемъ ея посѣщеніи. Я слышала какъ она говорила *Миссъ Грандиссонъ* на ухо, что я самое прекрасное твореніе, какого она еще не видывала. Сіе самое выраженіе она употребила. Мы всѣ творенія, я не отрицаюсь: но я тебѣ признаюсь, что сіе слово никогда толико не казалось для меня такъ колкимъ, какъ въ то время, когда оно вышло изъ устъ *Милади Анны*.

Въ сіе время принесли мнѣ письмо отъ моей тетушки, содержащее в себѣ все произшествіе между ею и Графинею Д.... И такъ, дорогая и добросердечная *Графиня*, вы уѣхали с великимъ прискорбіемъ! я весьма тѣмъ опечалена. Но моя тетушка увѣряетъ меня, что впрочемъ вы весьма мною довольны, и что вы по крайней мѣрѣ хвалили мою откровенность: сей-то похвалы почитаю я себя достойною. Я восхищаюсь тѣмъ, что сія любви достойная госпожа отчаевается преодолѣть мое предубѣжденіе въ пользу другаго; сіе чувствіе достойно какъ ея, такъ и ея сына. Я не престану во всю мою жизнь почитать ее. Слава Богу, мнѣ кажется, что сіе дѣло уже рѣшено.

Моя тетушка соболѣзнуетъ о той неизвѣстности, въ коей я нахожуся. Но не сама ли она мнѣ сказала, что *Сирь Карль Грандиссонъ* чрезвычайно богатъ, одаренъ великими выгодами и ради сего самаго онъ составляетъ, въ сравненіи съ нами то, что вся публика въ сравненіи съ нѣсколькими человѣками? И такъ, я ничего не усматриваю о чемъ бы жалѣть надлежало. Къ чему жъ говорить о неизвѣстности? Будемъ о всѣмъ извѣстны, такъ и все кончится. Его сестры могутъ тому смѣяться и когда станутъ говорить мнѣ о какомъ нибудь благополучномъ человѣкѣ живущемъ въ *Нортгамптон-Ширъ*, то все равно, естлибъ онѣ мнѣ сказали: ты не должна нимало помышлять о нашемъ братѣ; повторить мнѣ: что *Милади Анна С....* весьма богатая наслѣдница, т. е: вмѣсто того чтобъ сказать мнѣ другими словами: на что ты надѣнешься *Генріетта Биронъ*? А сіе-то совершенно меня не трогаетъ. Сей свѣтъ есть не иное что, какъ переходъ, и переходъ весьма краткой, которой насъ ведетъ къ лучшей жизни. Я не менѣе отъ того буду усиливаться продолжать мое теченіе, и можетъ быть съ гораздо большимъ тцаніемъ, дабы достигнуть до настоящей моей цѣли.

Словомъ, по всѣмъ моимъ расположеніямъ я желаю токмо принадлежать единому человѣку въ свѣтѣ честнымъ образомъ. Но я въ томъ не усматриваю никакой надежды. И такъ мнѣ остается одно только рѣшеніе дабы вѣчно препровождать жизнь мою въ дѣвствѣ. Я въ томъ признаюсь. Что тутъ худаго усматриваешь, любезная моя. Не менѣе ли буду я имѣть безпокойствій и попеченій? Я прошу у всѣхъ любезныхъ моихъ родственниковъ одной милости, не напоминать мнѣ никогда о бракѣ.

ПИСЬМО XLII.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Во вторникъ, 14 Марта.

Наконецъ *Сирь Карль* возвратился. Онъ прибылъ съ Докторомъ *Барлетомъ*. Все мое умствование повергается опять въ великую опасность,

по крайней мѣрѣ до того времени, пока оно оправдано будешь моими разсужденіями. Я предвижу, что на конецъ должно будетъ рѣшиться искать убѣжища въ замкѣ Сельби.

Теперь я не слышу ни одного такого слова, котороебъ кажется не заслуживало быть повтореннымъ. Однако не думай, чтобъ я тебѣ не представила, колико его присудствіе животворяетъ все собраніе. Разсмотри же нѣкоторыя изображенія онаго, кои я соберу здѣсь по частямъ.

По его возвращеніи, сказалъ ему *Милордъ Л...* мы помышляли о удовольствіи вскорѣ съ вами видѣться. Я равномѣрное ощущалъ съ вами желаніе, *Милордъ*, отвѣчалъ онъ ему; и взявъ меня за руку сѣлъ подлѣ меня присовокупивъ, моя нетерпѣливость увеличивалась еще и тѣмъ желаніемъ, дабы вскорѣ, раздѣляя съ вами сію честь, видѣть *Миссъ Биронъ*.

Для чегожъ брать меня за руку? Но наименованіе брата можетъ оправдать сію вольность.

Онъ продолжалъ. Я препроводилъ почти большую часть недѣли въ весьма печальныхъ обстоятельствахъ, о чемъ можетъ быть братецъ мой вамъ сказывалъ. Я не прежде возвратился въ Лондонъ, какъ въ субботу, и тамъ подали мнѣ записку отъ *Сира Гарграфа Поллексфена*, которой напрашивался ко мнѣ завтряннаго дня къ обѣду съ *Г. Мерседою*, *Багенгаллемъ* и *Йорданомъ*. Но нѣкоторыя обстоятельства понудили меня отложить то намѣреніе до слѣдующаго дня, и вы конечно не догадаетесь, *Миссъ Биронъ*, до чего оно насъ довело ѣхать вмѣстѣ въ Падингтонъ навѣститъ Госпожу *Обери*.

Я содрогнула; я встрепетала, вспомня о томъ, что претерпѣла въ семь мѣстѣ.

Сиръ Карлъ увѣдомлялъ насъ, что склонилъ *Сира Гарграфа*, хотя съ затрудненіемъ, приказать выдать ему сто фунтовъ Стерлинговъ, кои онъ общалъ *Вильзону*, и что будучи весьма доволенъ тѣмъ засвидѣтельствованіемъ, кое *Гжа. Обери* изъявила о намѣреніяхъ сего молодого человѣка, касательно ея дочери, онъ обязался ей дать сію сумму въ день ихъ свадьбы, присовокупя къ тому еще отъ себя пятьсотъ гвиней. Онъ склонилъ *Гжу. Обери* показать ему мѣсто печальнаго моего приключенія, и въ разговорѣ, которой онъ имѣлъ на единѣ съ сею госпожею, освѣдомился о главныхъ обстоятельствахъ моего приключенія. Онъ по своему добродушію присовокупилъ, что сіе извѣстіе столь чувствительно его тронуло, что соединясь паки съ *Сиромъ Гарграфомъ*, съ великимъ трудомъ могъ показывать ему учтливой видъ, съ которымъ онъ съ нимъ до того времени обходился. Трое друзей просили его изъ милости, и какъ будто по той причинѣ, дабы повинуться его волѣ, пріѣхать къ обѣду, которой *Сиръ Гарграфъ*, въ окончаніи сего мѣсяца, дастъ имъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ, выстроенномъ у

рощи въ Виндзорѣ. Они твердо настояли въ семъ договорѣ, и *Сирь Карль* на то согласился тѣмъ охотнѣе, что когда они рѣшились непременно отправиться всѣ трое въ путь, то это будетъ послѣдней случай, въ которой онъ съ ними увидится.

Тогда его сестры и *Милордъ Л...* весьма удивлялись тѣмъ причинамъ, кои онъ называлъ печальными, и кои столь долгое время задержали его въ Канторбери. Сіе слово, сказалъ онъ имъ, прилично тѣмъ попеченіямъ, коими я занятъ, и вы не должны удивляться тому, когда увидите меня носящаго нѣсколько дней трауръ. Обѣ сестры взирали на него съ величайшимъ безпокойствіемъ; а я, которая, какъ ты знаешь, составляла третію, равномѣрно оное чувствовала. Онъ съ нетерпѣливостію его спросили, не до всей ли фамиліи касается сей трауръ? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, здѣсь дѣло идетъ о весьма любезномъ другѣ, которой былъ боленъ въ Канторбери, и коего я видѣлъ испутившаго послѣднее свое дыханіе. *Г. Дамби*, [имя его друга,] жилъ долгое время во Франціи, гдѣ отъ своей торговли весьма разбогатѣлъ и чувствуя въ себѣ весьма слабое здоровье, возымѣлъ желаніе окончить жизнь свою въ своемъ отечествѣ. За два мѣсяца предъ симъ онъ переправился изъ Кале въ Дувръ; но его, болѣзнь увеличилась такъ, что принужденъ былъ остановиться въ Канторбери на пути своемъ въ Лондонъ, и тамъ отдалъ послѣднюю дань природѣ. Его тѣло должно перенести сей ночи въ городъ, и я отдалъ приказъ къ приготовленіямъ его похоронъ, коими я занимался дни три. *Г. Дамби* имѣлъ весьма великое богатство, и препоручая мнѣ всѣ свои дѣла, сказалъ мнѣ, что они находятся въ добромъ порядкѣ. Его завѣщаніе не прежде должно быть раскрыто, какъ по погребеніи его. У него остались два племянника и одна племянница, коихъ я ему обѣщалъ взять къ себѣ, для исполненія послѣдней его воли. Онъ упорно оное отвергалъ. Однажды покусились на жизнь его убійцы, подосланные его братомъ; но я имѣлъ щастіе спасти его отъ оныхъ съ довольно малымъ достоинствомъ, поелику я равно защищалъ и мою жизнь, которая такой же была подвержена опасности: но какъ его племянники и племянница нималѣйшаго не имѣли участія въ семъ злодѣяніи; то я опасаюсь, чтобъ онъ не излишне далеко простеръ гнѣвъ свой противъ ихъ родителя, а свою благодарность ко мнѣ.

Но не признается ли вы, сказала ему *Миссъ Шарлотта*, что мы имѣемъ причину укорять васъ въ семъ случаѣ въ нѣкоей скрытности? Вы ѣздили разъ съ десять въ Канторбери, не сказавъ намъ ни слова о тѣхъ причинахъ, кои васъ туда привлекали. Я откровенно признаюсь вамъ, что подозрѣвала васъ въ какихъ нибудь любовныхъ дѣлахъ. Онъ отвѣчалъ, что въ его скрытности нѣтъ нималѣйшаго притворства; но что онъ почиталъ за долгъ не обременять своихъ друзей печальными сообщеніями, наипаче когда онъ нималой пользы принести имъ не могутъ, и что онъ занималъ каждый день великимъ множествомъ

таковыхъ обстоятельствъ, коихъ единая сія причина препятствовала ему отягчать сестеръ своихъ. Невзирая на то, я думаю, присовокупилъ онъ усмѣхаясь, что *Шарлотта* столь далеко простираетъ свое любопытство, что иногда и въ томъ находитъ тайности, гдѣ со всемъ намѣренія не имѣютъ оную полагать.

Миссъ Шарлотта покраснѣла. Къ вашимъ услугамъ, Г. мой, сказала она; и въ семь состоялъ весь ея отвѣтъ.

И такъ вы думали, возразилъ онъ, что какая ни есть госпожа меня туда привлекаетъ. Сколь мало знаете вы своего брата! Вѣрьте, *Милордъ*, и вы любезныя сестрицы, что я никогда не скрою отъ васъ тайности сего рода, когда побуждаемъ буду моею склонностью учинить и второе посѣщеніе. Вашему полу, *Шарлотта*, весьма простительно скрывать своя склонности и мнѣ кажется, что не должно оной за то хулить, если сумнѣваются, чтобъ онъ были хорошо разположены, или чтобъ платили взаимною склонностію. Произнося послѣднія сіи слова онъ смотрѣлъ на нее весьма пристально. Она оказала при семь столь великое замѣшательство, то покраснѣвши еще болѣе, важнымъ видомъ его просила изъяснить двѣ или три рѣчи, коими онъ издѣвался надъ нею передъ послѣднею своею поѣздкою въ Канторбери. Можетъ быть воображаютъ себѣ, сказалъ онъ ей, что я скрываю отъ васъ что ни есть такое, что бы вы должны были знать.

Когда вы усиленно меня понуждаете, возразилъ онъ, то позвольте мнѣ спросить васъ, не ужели въ самомъ дѣлѣ есть что ни есть такого, что вы отъ меня скрываете.

Не думаете ли вы сами, спросила она въ свою очередь, чтобъ я отъ васъ что ни есть скрывала?

Ваше замѣшательство, любезная сестрица, принуждаетъ васъ иногда привязываться къ самымъ простымъ словамъ и изреченіямъ, кои заставляютъ судить....

Заставляютъ судить.... О чемъ, братецъ. Сдѣлайте милость изъяснитесь лучше.

- Ахъ! *Шарлотта*. Онъ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкою и при томъ нѣсколько прискорбнымъ видомъ.

Я совершенно не могу снести сего изреченія. Ахъ! *Шарлотта*, и смотрѣть на меня такимъ образомъ. Вы должны изъясниться, братецъ.

Довольны ли вы будете, сестрица, когда сіе дѣло обнаружится?

Такъ, сударь; да я того и требую.

А въ семь случаѣ я признаюсь, любезная *Люція*, что не сумнѣваясь о невинности *Миссъ Шарлотты* я торжествовала надъ нею, и подумала въ себѣ, что и мы усмотрѣть можемъ нѣкую причину укорины въ такомъ братѣ, которой одаренъ столь многими и веселыми совершенствами! Начали говорить о составленіи судилища, изъ коего Г. *Грандиссонъ* исключенъ былъ всѣми голосами. *Миссъ Емилиа* сама собою отказалась; и

Докторъ *Барлетъ* по своей кротости равно желалъ удалиться, но *Сиръ Карль* на противъ того убѣдилъ его остаться, дабы служить ходатаемъ сестрѣ его. *Миссъ Биронъ*, сказалъ онъ, заступитъ мѣсто судіи.

Я усиленно просила меня отъ того уволить. Дѣло по видимому начинало становится весьма важнымъ.

Миссъ Шарлотта сказала мнѣ на ухо: какъ я жалѣю, что не открыла вамъ совершенно моего сердца: конечно странное твое писаніе есть тому причиною. Тебя никогда не увидишь безъ пера. Я ей отвѣчала; любезная *Миссъ Грандиссонъ* совершенно отъ меня не зависитъ, принуждать васъ къ тому.... любезная *Миссъ Грандиссонъ*, перо нимало бы не воспрепятствовало, естълибъ вы изъявили мнѣ хотя малѣйшее намѣреніе.... Дѣло идетъ о такихъ тайностяхъ, прервала она рѣчь мою, коихъ не лзя было открыть, не будучи къ тому понуждаемою. Препятствіе начатъ оное происходитъ отъ замѣшательства, хотябъ я была къ тому побуждаема сердечнымъ движеніемъ. Но, любезная *Миссъ Биронъ*, не имѣйте ко мнѣ презѣнія. Вы видите, кто мой обвинитель. Онъ столь великодушень, что осужденіе вдругъ можетъ прекратиться.

Я увѣщавала ее въ самомъ дѣлѣ ни чего не страшиться, когда она имѣетъ дѣло съ превосходнѣйшимъ изъ братьевъ.

Тогда она приняла на себя довольно бодрости, дабы обратиться къ нему и спросить у него, въ чемъ состояли его обвиненія. Но не скажете ли вы, присовокупила она съ принужденною улыбкою, что вы не можете быть вдругъ обвинителемъ и судьей? И такъ ктожъ будешь моимъ судьей; ибо *Миссъ Биронъ* отрѣкается быть онымъ?

Собственное ваше сердце, отвѣчалъ *Сиръ Карль*. Всѣ зрители будутъ вашими ходатаями, естъли ихъ разсужденіе клониться будетъ къ вамъ; а естъли же будешь противу васъ: то я ихъ прошу имѣть къ вамъ состраданіе въ молчаніи.

Я признаюсь, любезная *Люція*, что сіи предварительности привели меня въ страхъ о *Миссъ Шарлоттѣ*.

Состраданіе! вскричала она. Но я не имѣю въ немъ нужды, Г. мой. Покажите на дѣлѣ. Въ чемъ состоитъ ваше обвиненіе?

Хотя она всячески старалась принять на себя непоколебимую твердость, но весьма легко можно было видѣть ея замѣшательство. Ея дыханіе прерывалось. Она потупляла глаза. Она снимала алмазной свой перстень, опять его надѣвала, и сидя у консола [родъ архитектурнаго изображенія] начертывала на ономъ виды перстомъ своимъ съ такимъ вниманіемъ, которое не отъ чего инаго происходило, какъ отъ движенія изъясляющаго страхъ или досаду. Еще повторяю, я за нее страдала.

Сиръ Карль, притворясь будто не примѣтилъ ея смущенія началъ тогда напоминать весьма нѣжнымъ голосомъ о всемъ томъ, что онъ учинилъ по своемъ прибытіи, дабы склонить ее открыть ему свои склонности, въ томъ единомъ намѣреніи, чтобъ оправдать оныя всякими

услугами и приготовиться выдать ей то приданое, которое онъ ей назначилъ. Но видя примѣръ его сестры, которая вдругъ приняла намѣреніе къ довѣренности и всѣ тѣ усилія, кои онъ употребилъ, дабы узнать кто между *Милордомъ Ж...* и *Кавалеромъ Ваткинсомъ*, двумя извѣстными ея любовниками, имѣлъ предпочтеніе въ ея сердцѣ и не могли доставить себѣ желаемыхъ извѣстій, онъ изъ того заключилъ, что она не имѣла еще никакой склонности. Потомъ по другимъ примѣчаніямъ онъ узналъ, что обманулся. Онъ вторично просилъ ее открыться въ выборѣ одного изъ домогателей, и судя по ея отвѣтамъ, что *Милордъ Ж...* ей непротивенъ, онъ рѣшился узнать мнѣніе родителя сего молодого господина о такомъ союзѣ, на которой не можно учинить никакого возраженія. Не взирая на то, когда уже доведено сіе дѣло столь далеко, то онъ думалъ возстановить тѣмъ радость увѣдомляя ее успѣхъ его усердія; но онъ чрезвычайно изумился усмотря въ ней толикое же замѣшательство, какъ и хладнокровіе. Онъ признался искренно что неизвѣстность, въ коей бы онъ находился, осталась бы можетъ быть еще и на долгое время, естлибъ нѣкоторыя освѣдомленія, полученныя имъ по нечаянному случаю, не прекратили....

Тяжкій вздохъ и слезы, потекшія при семъ случаѣ изъ глазъ *Миссъ Шарлотты*, остановили *Сира Карла* въ его рѣчи; *Милордъ* и *Милади Л...* кои слушая сіе до сего времени съ усмѣшкою, приняли на себя важный видъ. Докторъ *Барлетъ* потупилъ глаза, а я трепетала, не смѣя даже и тронуться сидя на стулѣ.

Я опасаюсь, началъ опять *Сиръ Карлъ* по нѣкоемъ молчаніи, чтобъ дѣйствіе не худо соотвѣтствовало моимъ намѣреніямъ. Естли и весьма уже далеко въ семъ простираюсь, любезная сестрица, то конечно вы должны меня о томъ увѣдомить. Боже меня избави, чтобъ я отважился предпочитать мое свойство предъ вашимъ! Говорите откровенно, не ужели я безразсуденъ? Такъ, *Шарлотта*, я хочу такъ о себѣ думать: прошу васъ объявить мнѣ единственно то, въ чемъ состоитъ ваше благополучіе.

Миссъ Гранд. [проливая горькіе слезы.] Простите меня, любезный братецъ! Причтите сію милость къ премногимъ обязательствамъ, кои я уже отъ васъ получила. По истиннѣ, я достойна укорижны.

Сиръ Карлъ. Проститъ васъ! О! отъ всего моего сердца.

Миссъ Гранд. [утирая слезы.] Не будете ли продолжать своего извѣстія?

Сиръ Карлъ. Мы можемъ отложить до другаго времени, Сударыня.

Миссъ Гранд. Сударыня? Ахъ! я ясно вижу что вы на меня разсердились. Пожалуйте продолжайте.

Сиръ Карлъ. Разсердился? Я васъ увѣряю, что не имѣю ни малаго на васъ сердца. Но вы окажете мнѣ великую милость, когда согласитесь поговорить со мною съ часъ въ вашемъ кабинетѣ.

Миссъ Гран. Нѣтъ, нѣтъ. Продолжайте здѣсь пожалуйста. Нѣтъ здѣсь ни единого человѣка, которой бы мнѣ не былъ любезень. Должно всѣмъ извѣстно быть мое оправданіе или осужденіе. Пожалуйста, Г. мой, начните опять ваше повѣствованіе. Для чегожъ встаете? *Миссъ Биронъ*, вы мнѣ сдѣлаете великое удовольствіе, когда сядите.... Я почитаю себя виновною. Мой братецъ просилъ васъ всѣхъ вообще имѣть о мнѣ сожалѣніе въ молчаніи, естли вы найдете меня виновною. Можетъ быть и въ самомъ дѣле ваше сожалѣніе будетъ мнѣ необходимо. Я всепокорнѣйше прошу васъ, Г. мой, увѣдомить меня обстоятельнѣе о томъ, что вы знаете о моихъ погрѣшностяхъ.

Сиръ Карлъ. Любезнѣйшая *Шарлотта*, я уже сказалъ о томъ довольно, дабы дать оныя возчувствовать вашему сердцу. Я весьма буду остерегаться говорить о томъ далѣе. Не думаете ли вы, любезная моя сестрица, что я желалъ принять на себя видъ судіи съ вами. Но....

Миссъ Гранд. [Прервавъ его рѣчь съ чрезвычайнымъ движеніемъ.] Но что такое, Г. мой?

Сиръ Карлъ. Но вы лучше бы сделали.... Однако я бы желалъ, чтобъ обманывался въ семь дѣлѣ и не нашелъ бы сестру мою виновною.

Миссъ Гранд. Нѣтъ, Г. мой, васъ ни мало не обманули, естли сказала вамъ.... [стараясь искать изреченій.]

Сиръ Карлъ. Что есть такой человѣкъ, къ коему вы имѣете склонность, не смотря....

Миссъ Гранд. [Перерывая.] Не смотря на все то, что бы я могла сказать противъ всего сего; не правда ли? Естли это правда, Г. мой, то великая погрѣшность состоитъ въ непризнаніи онаго.

Сиръ Карлъ. О семь-то я и помышляю, любезная сестрица; ибо нѣтъ погрѣшности въ томъ, когда вы кому ни есть даете преимущество въ вашемъ почтеніи. Непогрѣшность и то, когда оное даете, не посовѣтовавшись съ своимъ братомъ. Не имѣлъ ли я намѣренія предоставить вамъ полную власть надъ своимъ поведеніемъ и всѣми дѣяніями? Весьма было бы не великодушно, чтобъ я приписывалъ себѣ другія права, когда я сдѣлалъ для васъ токмо то, что долгъ отъ меня требовалъ. Не почитайте меня къ тому способнымъ. Нѣтъ. Но я изъяснился уже съ вами такъ обстоятельно, что вы, какъ думаю, не позволили бы мнѣ сказать *Милорду Ж...* также и *Графу* его родителю, что ваше сердце было не занято страстію тогда, когда оно дѣйствительно ее питало.

Миссъ Гранд. Точно ли вы увѣрены, Г. мой, что оно занято?

Сиръ Карлъ. О! любезная сестрица! мнѣ весьма много стоитъ приводить васъ въ такое замѣшательство! Останемся при семъ словѣ. Изъ уваженія къ самимъ вамъ не станемъ простираеться далѣе.

Миссъ Гранд. Назовите по имени замѣченнаго вашего мужчину, Г. мой.

Сиръ Карль. Моего? О нѣтъ, *Шарлотта*, Капитанъ *Андерсонъ* не есть тотъ мужчина.

Сиръ Карль тотчасъ всталъ, и взявъ за руку сестру свою, которая казалась неподвижною, прижалъ оную къ своимъ устамъ.

Не приходите въ такое смущеніе, сказалъ онъ ей, ваше прискорбіе печаливаетъ меня болѣе, нежели ваше заблужденіе; и поклонившись ей весьма низко вышелъ. Онъ сдѣлалъ сіе изъ жалости къ ея смущенію, желая дать ей время оправиться. Она крайне смутилась. *Милади Л...* тотчасъ подала ей солей: можетъ быть она никогда не имѣла въ ихъ такой нужды, какъ при семъ случаѣ.

Какого я презрѣнія достойна! вскричала она, даже и предъ собственными своими глазами! Я прошу у васъ милости. *Миссъ Биронъ*! Докторъ *Барлетъ*! Явите ли вы оную безразсудной моей закоснѣлости? Простите меня *Милордъ*, и вы *Милади*, не окажите ли вы хотя нѣкоего снисхожденія сестрѣ своей? Но *Сиръ Карль* никогда не перестанетъ видѣть меня въ толикомъ униженіи. Конечно это ему весьма многого стоитъ. Какъ справедливо, что одно заблужденіе всегда приводитъ насъ въ другія.

Ея братъ, слыша ея голосъ равно и всего собранія, которое усиливалось ее утѣшить, вошелъ безъ всякаго принужденія. Она хотѣла встать и въ такомъ состояніи, въ коемъ была, бросилась бы можетъ быть къ ногамъ его; но онъ взявши обѣ ея руки въ свою руку, другою подвинулъ креслы и сѣлъ подлѣ ее. Кроткое величество блистало на лицѣ его купно съ состраданіемъ: онъ одной только *Шарлоттѣ* страшнымъ казался. Простите меня, Г. мой, сіи были первыя ея выраженія.

Такъ, любезная сестрица, отвѣчалъ онъ ей съ нѣжностію. Каждый изъ насъ не имѣетъ ли нужды въ равной милости? Наше соболѣзнованіе никогда столь чистосердечно не бываетъ, какъ въ то время, когда мы сами просимъ онаго для себя. Вспомните только, какъ должно укрощать жестокость вашей добродѣтели къ другимъ.

Такое замѣчаніе клонилось видно къ Гжѣ. *Ольдгамъ*.

Никакъ не лзя предвидѣть, продолжалъ онъ, въ какую пропасть можетъ повергнуть и самомалѣйшее забвеніе правилъ. Посмотримъ нѣсколько на самихъ себя. Не согласитесь ли вы лучше пойти въ вашъ кабинетъ!

Миссъ Гранд. Я ничего не хочу утаить отъ сего собранія. Моя довѣренность къ тѣмъ, кои оно составляютъ, равняется моей къ нимъ дружбѣ. Но я прошу позволенія выдти на одну минуту.

Она вышла, давши мнѣ знать чтобъ пошла за нею, и стараясь раздѣлить свою погрѣшность, она мнѣ выговаривала за мое пристрастіе къ письму, которое ей препятствовало, сказала она мнѣ, признаться мнѣ во всемъ. Я ее спросила, къ чему жъ послужила бы сія довѣренность, и не

ужели ея братъ имѣлъ бы отъ нее менѣе онаго... нѣтъ, прервала она рѣчь мою; но вы подали бы мнѣ на все то свое мнѣніе. Я имѣла бы сію выгоду, а можетъ быть совѣтовали бы в мнѣ предупредить сіе обвиненіе. Но простите меня, присовокупила она.

О *Шарлотта!* подумала я въ себѣ; естли бы вы обуздали нѣсколько болѣе прелестную свою живость: то не просили бы двухъ разъ прощенія вмѣсто одного.

Она просила меня войти напередъ ее: но послѣдовала за мною почти въ ту же минуту. Она опять сѣла на свое мѣсто, и сыскавъ средство совокупить съ своимъ замѣшательствомъ видъ истиннаго достоинства, она привлекла наше вниманіе слѣдующимъ вступленіемъ своей рѣчи.

Естли еще не поздно, по долгой закоснѣлости въ заблужденіи, утвердиться опять въ мысляхъ такого брата, коего почтеніе и дружба гораздо для меня драгоцѣннѣе, нежели всѣ сокровища на свѣтѣ; то моя откровенность будешь за меня ходатайствовать.

Сиръ Карль. Дражайшая сестрица, я желалъ бы избавить васъ отъ труда...

Миссъ Гранд. Я не требую отъ васъ никакой пощады, Г. мой, но прошу васъ всепокорнѣйше меня выслушать. Я не намѣрена увеличивать недостатки другаго, дабы чрезъ то уменьшать свои собственные, а менѣе еще помрачать память того, которой на всегда пребудетъ мнѣ любезень и почтенень. Но ваше сожалѣніе, Г. мой, не будетъ огорчено, естли я напому о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, кои почитаю необходимыми въ моихъ изъясненіяхъ. Родитель мой почитая себя оскорбленнымъ, или заблагоразсуждая таковымъ казаться за нѣкоторыя освѣдомленія, касающіеся до брака сестры моя....

Сиръ Карль. [Прерывая рѣчь ея.] Позвольте сказать два слова, любезнѣйшая сестрица. Можетъ быть онъ не былъ доволенъ тѣмъ, что договоръ брака, сколь бы ни были честны всѣ онаго представленія, начатъ былъ безъ его соучастія.

Миссъ Гранд. Всѣмъ извѣстно, что родитель мой имѣлъ превосходныя качества, кои сопровождаемы были чрезвычайно живостію разума. По сему то самому онъ принялъ намѣреніе уничтожить обѣихъ своихъ дочерей и желая изстребить изъ нихъ даже и помышленіе о бракѣ, присовокупилъ къ родительской власти, которую, можемъ похвалиться, что ревностно уважали, тѣ колкія насмѣшки, кои въ немъ всякому были извѣстны; мы пришли отъ того въ такое смущеніе, что не могли поднять на него и глазъ своихъ. А особливо моя сестра видя себя принужденною краснѣть отъ такой склонности, которая по достойному предмѣту не можетъ быть постыдна никакой женщиנѣ. Равно моему родителю было угодно, и безъ сумнѣнія по благоразумнымъ причинамъ, объявить намъ, что мы должны ожидать отъ него весьма малое имѣніе. Дѣйствіе сего поступка унизило меня предъ собственными моими

глазами. Сестра моя еще болѣе была исполнена сими мыслями, но видѣла себя поддерживаемою весьма лестною надеждою; не взирая на то, всѣ претерпѣнныя ею томленія заставили меня страшиться равнаго со мною поступка. Я чувствовала себя разположенною предпринять все то, что токмо могло согласоваться съ добродѣтелью, прежде нежели подвергнуться такимъ насмѣшкамъ и поношеніямъ, коимъ долгъ мой не позволялъ мнѣ противорѣчить.

Между тѣмъ какъ сіи впечатленія дѣйствовали надо мною во всей своей силѣ, Г. *Андерсонъ*, которой тогда стоялъ на квартирахъ съ своею командою по сосѣдству отъ насъ, имѣлъ случай со мною видѣться. Этотъ человѣкъ имѣетъ весьма хорошій видъ, живость и весьма веселый нравъ: его всѣ съ удовольствіемъ принимаютъ, а наипаче отличенъ онъ тремя молодыми господами, кои по сей причинѣ между собою поссорились. Я признаю, что преимущество, кое онъ мнѣ отдавалъ предъ всѣми прочими, доставило ему тогда нѣкое достоинство въ моихъ глазахъ. Впрочемъ, будучи главнымъ офицеромъ въ томъ уѣздѣ, почитался всѣми, какъ Генераль. Всѣ судили, такъ какъ и онъ, что дочь *Сира Томаса Грандиссона* составляла достойный предмѣтъ его честолюбія, между тѣмъ какъ сія бѣдная дѣвушка страшась затрудненій, кои останавливали сестру ея, и заключая изъ объявленія своего родителя, что двѣ или три тысячи фунтовъ *Стерлинговъ* составляли все имѣніе, коего она могла надѣяться, почитала за долгъ опасаться, чтобъ конной капитанъ, которой можетъ быть старается поправить свое имѣніе выгоднымъ бракомъ, не былъ обманутъ въ своихъ чаяніяхъ, равно предполагая, что она получитъ прощеніе отъ своего родителя, естли совокупится съ нимъ скрытно, поелику она убѣждена была къ тому письмами, кои онъ, сыскавъ средство, писалъ къ ней тайнымъ образомъ. Я надѣюсь, Г. мой, я надѣюсь, *Милордъ*, и вы любезныя мои сестрицы, что всѣ сіи признанія подадутъ вамъ лучшее мнѣніе о моей искренности, хотя и не могутъ оправдать моей нескромности.

Не взирая на то гордость моя иногда была оскорбляема: я не могла того отъ себя скрыть; но весьма часто ослѣплялась такими хитростями, отъ коихъ изящные люди весьма отдалены. Постепенно я зашла въ такой лабиринтъ, что мнѣ равно было не можно ни приблизиться къ настоящему пути, ни возвратиться по слѣдамъ моимъ. Хотя Г. *Андерсонъ* происходилъ отъ честной фамиліи, но должно было отдать преимущество склонностямъ сестры моей; поелику порода, достоинство и титулы столь были различны, и оправданы союзами дружбы *Милорда* съ моимъ братомъ, что отважное такое обязательство, казалось, служило мнѣ къ посмѣянію. Я ясно усматривала, что жена *Капитана Андерсона* должна ожидать токмо сожалѣнія, а можетъ быть и презрѣнія. И потомъ, какіяжъ имѣю я права, подумала я въ себѣ, когда разсужу по справедливости, доставить родителю моему сына, а моему брату, сестрѣ,

и *Милорду Л...* естли сестра моя выдетъ за него замужъ, такого брата, о коемъ она никогда и не помышляла, и отъ коего можетъ быть они примутъ намѣреніе отрѣчься? Будутъ ли ихъ осуждать за то, что они отвергнутъ такой союзъ? И *Шарлотта Грандиссонъ*, дочь самой благоразумнѣйшей матери, должна ли отважиться на такой поступокъ, которой быть можетъ посмѣянїемъ всей ея фамиліи? Пожелаетъ ли она обязатья слѣдовать за судьбою солдата переходящаго съ квартиры на квартиру, а можетъ статься и въ самые отдаленнѣйшіе полки? Сїи размышленія, коихъ я чувствовала всю силу, составляли единую причину, которая всегда препятствовала мнѣ открыться сестрѣ моей. Я ясно видѣла чрезвычайную выгоду, которую ея выборъ имѣлъ надъ моимъ. Въ послѣднихъ недѣляхъ я многократно помышляла, облегчить мое сердце признаясь въ томъ любезной нашей *Миссъ Биронъ*; и по сейто единой причинѣ приняла я ваше приглашеніе, *Милордъ*, когда вы увѣряли меня, что она согласилась ѣхать съ вами сюда; но я видя ее ежеминутно упражняющуюся въ письмѣ, не хотѣла просить о такомъ случаѣ, которой самъ собою не представлялся.

Сиръ Карль. Я не хотѣлъ бы прерывать вашей рѣчи, *Шарлотта*; но смѣю ли спросишь, не ужели все дѣло и шло черезъ письма? Не видались ли вы съ нимъ когда нибудь.

Миссъ Гранд. Мы видались; но наши свиданія были весьма рѣдки, поелику онъ находился то въ Шотландіи, то въ Ирландіи и въ другихъ провинціяхъ государства, гдѣ проживалъ онъ шести или семи мѣсяцовъ съ своею ротою.

С. К. Гдѣ онъ теперь?

М. Г. *Сиръ Карль* издѣвается. Тѣ, кои васъ извѣстили о дѣлѣ, *Г.* мой, конечно не преминули упомянуть и о семъ обстоятельстве.

С. К. [усмѣхаясь.] Точно, сударыня, мнѣ и о семъ сказали, Онъ теперь въ Лондонѣ.

М. Г. Я ласкаюсь, что послѣ толь искренняго признанія, мой братъ будетъ такъ великодушень, что не пожелаетъ поймать меня въ сѣти, коихъ бы я заслуживала, естли: бы была не столь чистосердечна.

С. К. Сія укоризна справедлива, *Шарлотта*, и я прошу у васъ прощенія. Не сказалъ ли я, что каждый изъ насъ имѣетъ иногда въ томъ необходимость? Однако я не намѣренъ былъ приводить васъ въ замѣшательство; я желаю единственно вамъ помочь.

М. Г. Съ такимъ братомъ какъ вы, можно ли не имѣть отважности писать къ нему, и получать отъ него письма? Я почла бы себя весьма щастливою, естлибъ могла загладить....

С. К. [Прерывая рѣчь ея.] Продолжайте свое повѣствованіе, любезная моя *Шарлотта*. Поправленіе уже весьма превзошло вашъ проступокъ.

Мис. Гранд. Г. *Андерсонъ* находится въ Лондонѣ. По его возвращеніи я видѣлась съ нимъ два раза. Мнѣ надлежало бы видѣться съ нимъ въ комедіи, естълибъ я не уѣхала въ Колнеброкъ. Будьте увѣрены, Г. мой, что я отъ васъ ничего не скрою. Теперь когда уже я возвратилась на путь истинный, то никогда болѣе не удалиться мнѣ отъ онаго. Я уже весьма много претерпѣла отъ заблужденія моего; хотя сильныя прилагала старанія и часто принимала на себя притворную бодрость, дабы облегчить себя отъ того бремени, кое стѣсняло грудь мою. При семъ *Сиръ Карль* всталъ съ восхищеніемъ, и взявши за руку *Миссъ Шарлотту* жаль оную своими: любезная сестрица дочь достойная моей матери! по такой благородной откровенности мы не должны болѣе позволять тебѣ обвинять самую себя. Познанное заблужденіе съ толикими пріятностями есть славная побѣда. Естъли *Капитанъ Андерсонъ* кажется вамъ достойнымъ вашего сердца, то я обѣщаюсь дать ему мѣсто и въ моемъ я употребляю всю ту довѣренность, которую я имѣю у *Милорда* и *Милади*..... дабы они за благоприняли союзъ его. *Миссъ Биронъ* и *Докторъ Барлетъ* примутъ его въ свою дружбу.

Онъ сѣлъ опять на стулъ и на всѣхъ его чертахъ изъяслялась радость и любовь братня.

М. Г. О! Г. мой, что могу я отвѣтствовать? Ваше добродушіе усугубляетъ мое замѣшательство. Я уже вамъ сказала, какимъ образомъ я была очарована. Г. *Андерсонъ* началъ употреблять свои старанія въ надеждѣ великаго имѣнія, кое рано или поздо, какъ онъ считалъ, будетъ не премѣнно принадлежать дочери *Сира Томаса Грандиссона*. Я познала по многочисленнымъ случаямъ, что это была главная побудительная его причина. Я на противъ того всегда страшилась, что не увижу у себя никогда столько богатства, чтобъ можно было привлечь къ себѣ челоуѣка гораздо великодушнѣйшаго. Я говорю о томъ времени, въ которое препровождали мы жизнь весьма принужденную, и тогда-то я стремилась токмо къ вольности. Бракъ и вольность составляютъ однозначущія слова въ мысляхъ молодыхъ дѣвицъ. Я воображала себѣ сперва, что всегда буду имѣть власть оставить его, естъли заблагоразсудится; но онъ дѣйствительно меня у себя удерживаетъ, а особливо съ тѣхъ поръ, когда узналъ о всѣхъ вашихъ ко мнѣ милостяхъ и когда основалъ начало своей надѣжды на чести вашего съ нимъ союза.

С. К. Но, любезная сестрица, развѣ вы уже не любите капитана *Андерсона*?

М. Т. Я думаю, что столько же его люблю, сколько и онъ меня. Онъ признался, что главное его намѣреніе стремилось къ моему имѣнію. Естъли я разположу мои чувствованія по его чувствованіямъ, то склонность, которую онъ ко мнѣ имѣетъ, не подаетъ мнѣ причины имѣть къ нему довольно оной.

С. К. Я не удивляюсь, что Г. *Андерсонъ* помышляетъ дѣйствительно васъ удержать, какъ вы сами говорите. Но, дражайшая *Шарлотта*, отвѣчайте мнѣ. Не менѣ ли вы имѣете къ нему склонности съ того времени, когда ваше имѣніе стало вѣрно и совершенно отъ васъ зависимо, нежели сколько вы до того времени то видѣли?

М. Т. Естьли я точно знаю мое сердце, то сія причина ничего въ немъ не перемѣняетъ. Но я усмотрѣла болѣе усилій въ его стараніяхъ съ того времени, какъ извѣстился онъ о томъ, что вы для меня сдѣлали. Когда молва въ публикѣ разгласила, что я завишу совершенно отъ моего брата, и представляла имѣніе фамиліи въ великомъ разстройствѣ; словомъ, когда мы неизвѣстны были, моя сестра и я, о нашемъ жребіи, то я весьма рѣдко слышала о Г. *Андерсонъ*, и его благоразуміе ясно показывало мнѣ его хладнокровіе: ибо я въ короткое время проникла оно.

Здѣсь, моя любезная, *Милордъ* и *Милади Л...* называли его недостойнымъ человѣкомъ. Я имѣла такое же мнѣніе, а взоры Доктора *Барлета* изъясняли, что и онъ также о томъ судить, какъ мы.

С. К. Я о немъ жалѣю. Онъ видно надмѣру благоразуменъ, что полагается на провидѣніе. Но, дражайшая сестрица, отъ чего теперь происходятъ ваши замѣшательства?

М. Г. Они происходятъ отъ моей глупости. Г. *Андерсонъ* казался мнѣ сперва столько же чувствителенъ, сколько всѣмъ былъ любезенъ. Онъ говоритъ съ великимъ жаромъ и свободностію. Его рѣшительный видъ не подавалъ мнѣ ни малѣйшаго сумнѣнія о его разсудкѣ, а человѣкъ умѣющей говорить женщинѣ о пріятныхъ вещахъ приличнымъ ему голосомъ приносить обыкновенно похвалу той, которая его слушаетъ; поелику она не можетъ сумнѣваться о искренности ласкателя, не разсмотря то мнѣніе, которое она имѣетъ о собственномъ своемъ достоинствѣ. Когда Капитанъ началъ ко мнѣ писать, то его письма еще болѣе умножили мое предубѣжденіе. Но какъ скоро онъ почелъ себя во мнѣ увѣреннымъ, то я увидѣла, что краснорѣчивый его штиль перемѣнился, даже до правописанія: я почитаю за стыдъ о томъ говорить, да и много стыдилась тогда, какъ съ нимъ увидѣлась.

С. К. Вообще всѣ люди имѣютъ одинакое свойство. Всѣмъ имъ прилично, когда они усматриваютъ въ себѣ нѣкое несовершенство, употреблять все свои старанія къ соккрытію онаго, а наипаче передъ глазами тѣхъ, отъ коихъ желаютъ получить почтеніе; но я зналъ и такихъ, кои не столь были разположены, какъ Г. *Андерсонъ* познавать свои недостатки. Впрочемъ можетъ быть онъ потерялъ своего писца по причинѣ перемѣнныхъ квартиръ. А всего тутъ страннѣе то, что человѣкъ честной породы столь мало радѣлъ о своемъ воспитаніи.

М. Г. Онъ по безразсудной своей молодости, какъ я съ того времени узнала, переходилъ всегда изъ училища въ другое, прежде нежели

приобрѣталъ начальныя правила въ знаніи. Потомъ родители купили ему чинъ прапорщика, и въ семь то состояло все то, что они желали для него сдѣлать. Второй бракъ, отъ котораго его родитель имѣлъ другихъ дѣтей, понудилъ считать его за чужаго человѣка въ своей фамиліи. Я узнала сію часть его исторіи по нѣкимъ извѣстіямъ; но онъ учинилъ мнѣ сперва совершенно противное описаніе о своемъ состояніи. Прекрасное помѣстье, сказалъ онъ мнѣ, весьма хорошо выстроенное и усаженное деревьями, хотя притомъ доходъ приноситъ посредственной, составляло будтобъ всего его имѣніе; но онъ могъ еще многого надѣяться. Онъ тѣмъ съ большею нетерпѣливостію старается быть самъ обманутымъ, что находится не въ состояніи обмануть другихъ. Я не могла не почувствовать презрѣнія къ Г. *Андерсону*, принѣчая что онъ столько же мнѣ сталъ несносенъ по своимъ сказкамъ, сколько и по тѣмъ письмамъ, которыя онъ писалъ не своею рукою, и что онъ не былъ ни владѣтель помѣстья, ни тотъ разумной и знающей человѣкъ, за коего себя выдавалъ.

С. К. Но почему же онъ себя почиталъ въ васъ увѣреннымъ?

М. Г. Ахъ! Г. мой! въ то время когда поддерживалъ себя сими обманчивыми видами, онъ извлекъ писменное обѣщаніе руки моей; а какъ возымѣлъ надо мною такое преимущество, то сіе и случилось въ то время или вскорѣ послѣ того, какъ онъ написалъ мнѣ своею рукою, И такъ я была убѣждена, что онъ употреблялъ чужую руку, хотя мы обязались хранить не нарушимую тайну. Я страшилась подвергнуться нескромности писца его, коего я совершенно не знала и которой долженъ былъ дѣлить свое презрѣніе между такимъ любовникомъ, которой имѣлъ необходимость въ его помощи, и предмѣтомъ недостойной сей хитрости. Не взирая на то я могу засвидѣтельствовать, что мои письма были въ безопасности отъ всякаго сужденія; но я признаюсь, что тѣмъ много его ободрила, что отвѣчала, ему письменно, и что его дерзновенность достигла при семь до того, что испросилъ у меня такое обѣщаніе за четыре мѣсяца прежде нежели онъ могъ получить оное.

С. К. Сдѣлайте милость скажите, въ чемъ состоитъ сіе обѣщаніе?

М. Г. О глупость, въ коей я вѣчно укоряю себя буду! Я объявила, что доколѣ онъ не женится, я никогда не выду за мужъ безъ его согласія, И такъ въ чрезвычайномъ моемъ смущеніи я поставила его на мѣсто моего родителя, опекуна и брата, или по крайней мѣрѣ, я учинила какъ будто совершенно бесполезными, въ самомъ важнѣйшемъ обстоятельствѣ моей жизни, всѣ совѣты всѣ вліянія любезнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ моихъ ближнихъ. Вскорѣ послѣ того, какъ я сказала, далъ онъ мнѣ знать, по запискамъ писаннымъ собственною ею рукою, съ кѣмъ я по нещастію моему вступаю въ обязательство, и съ самаго того времени я прилагала всѣ старанія, и словесно и письменно, дабы получить обратно отъ него отважное мое обѣщаніе. Въ семь-то состояло мое намѣреніе и предметъ

всѣхъ моихъ стараніи, прежде нежели вы по своей милости, Г. мой, подали мнѣ право къ независимости. Наконецъ я ласкалась, что онъ согласится на усиленные мои прозбы и будетъ искать себѣ другую женщину; но вы не столь долгое время держали меня въ неизвѣстности о вашихъ благодѣяніяхъ, дабы дать мнѣ время окончить свое дѣло, прежде нежели бы онъ о томъ освѣдомился. Не смотря на сіе разположеніе, я сохранила мою тайну. Я не имѣла столько смѣлости, или лучше сказать столько униженія, чтобъ отважиться кому ниестъ въ свѣтѣ объявить о моемъ состояніи. Однако *Миссъ Биронъ* извѣстна, что при первомъ нашемъ знакомствѣ я жаловалась ей на свои замѣшательства; поелику я не могла по справедливости назвать ихъ любовію.

С. К. Любезная откровенность! сколько усматриваю я добродѣтели даже и въ самыхъ вашихъ заблужденіяхъ!

М. Г. Я удивляюсь милости моего брата! Теперь я почитаю за величайшее несчастіе то, что столь долгое время страшилась учинить тѣ сообщенія, кои составляли единое средство выдти изъ той пропасти, въ кою я поверглась. Если бы я васъ лучше знала, Г. мой, въ теченіе пяти или шести послѣднихъ годовъ моей жизни, и еслибы мнѣ позволено было имѣть съ вами переписку; то я ни чего бы не учинила безъ вашего одобренія.

И такъ вамъ извѣстны теперь всѣ тайны моего сердца. Я не увеличила въ своемъ объясненіи проступокъ Г. *Андерсона*, да и намѣренія такого не было. Довольно для меня того, что прежде имѣла неложныя въ его пользу намѣренія, дабы могла почитать себя обязанною желать ему всякихъ благъ, хотя онъ и не удержалъ меня въ томъ мнѣніи, которое сперва о немъ возымѣла. Однако должна присовокупить, что онъ нрава вспыльчиваго, и что въ послѣднее время я не иначе съ нимъ видалась какъ съ отвращеніемъ. Я обѣщалась конечно съ нимъ видѣться, еслибы не уѣхала въ *Колнеброкъ*; но сіе было въ томъ намѣреніи, дабы повторить ему, какъ то уже я дѣлала съ давняго времени, что я никогда не могу быть его женою, и что если онъ не пожелаетъ уничтожить безразсуднаго моего обѣщанія; то я рѣшусь препровождать всю мою жизнь въ дѣвствѣ. Теперь я прошу совѣта у всѣхъ тѣхъ, кои по милости своей меня слушали.

Милордъ Л... Я думаю, любезная сестрица, что сей человекъ совершенно васъ недостойнъ.

Я подтверждаю ваше намѣреніе, не выходитъ ни когда за него за мужъ.

Милади Л... Не ожидая разсужденія моего брата, мнѣніе мое состоитъ въ томъ, что Г. *Андерсонъ* поступаетъ недостойнымъ образомъ, когда думаетъ совокупиться съ вами не равнымъ обѣщаніемъ; то есть такимъ обѣщаніемъ, которое не сопровождается его собственнымъ. Я ни мало не думаю, *Шарлотта*, чтобъ оно могло для тебя быть

обязательствомъ. Да чтожъ должно думать о той подлой хитрости, которая принудила ея писать чужею рукою на удачу, дабы лишить тебя добраго имени противу священнаго обязательства въ храненіи тайны? Какъ бы я ненавидѣла такого человѣка? Что вы о томъ скажете, *Миссъ Биронъ*?

Миссъ Биронъ. Я бы худо соотвѣтствовала довѣренности любезнаго сего собранія? естлибъ не отважилась подать своего мнѣнія, когда оказываютъ мнѣ честь, требуя онаго. Мнѣ кажется, *Миссъ Грандиссонъ*, что между вами и капитаномъ *Андерсономъ* никогда не было горячей любви и сообразности въ нравахъ; естли я могу употребить сіе выраженіе.

С. К. Превосходной отвѣтъ.

М. Г. Я увѣрена, что какъ съ одной такъ и съ другой стороны ничего такого не было, я уже дала вамъ выразумѣть побудительныя причины. Всякое его письмо утверждало меня въ томъ, что я вамъ сказала о его намѣреніяхъ, и теперъ главная побудительная его причина, держать меня по моему обѣщанію въ принужденіи основывается на корысти. Я не желаю уважить моихъ выгодъ, да и никогда того не дѣлала, хотя его примѣръ могъ бы послужить мнѣ извиненіемъ.

Милордъ Л... ваше обѣщаніе, любезная сестрица, дано письменно?

Миссъ Гранд. [Потупя глаза.] точно такъ, *Милордъ*.

М. Б. Позвольте мнѣ предложить вамъ другой вопросъ. Ваше обѣщаніе содержитъ въ себѣ, что до того времени пока онъ будетъ холостымъ, вы не выдите ни за кого другаго безъ его согласія. Обѣщались ли вы ему, что естли вы когда рѣшитесь идти за мужъ, то конечно не за другаго, но за него?

М. Г. Нѣтъ. Онъ понуждалъ меня учинить ему такое обѣщаніе, но я ему отказала. Но что же вы о томъ думаете, любезная *Миссъ Биронъ*.

М. Л. Я весьма бы желала сперва слышать мнѣніе *Сира Карла* и Доктора *Барлета*.

Сиръ Карль посмотрѣлъ на Доктора; а докторъ просилъ *Сира Карла* начинать.

С. К. Я согласенъ, Докторъ. Вы можете поправить мое мнѣніе, естли оно не справедливо. Вы искусно умѣете рѣшить дѣла.

Я равно думаю, какъ и *Милордъ*, что Капитанъ *Андерсонъ*, по всѣмъ своимъ поступкамъ не кажется достойнымъ *Миссъ Грандиссонъ*, да и по справедливости сказать я весьма мало знаю такихъ людей, которые были бы ея достойны. Естли ето пристрастіе; то оно простительно въ братѣ.

Миссъ Шарлотта благодарила его низкимъ поклономъ, и мы всѣ одобрили его похвалу, отъ коей она весьма ободрилась.

С. К. Я также думаю, что естли моя сестра не имѣетъ къ нему уваженія; то имѣетъ право отречься отъ него на всегда. Но чтожъ сказать о ея обѣщаніи? Я знаю что она дала оное при жизни еще моего

родителя, которой дѣйствительно имѣлъ власть уничтожить оное. Впрочемъ усилія, чинимыя ею послѣ смерти родителя дабы получить оное обратно отъ Г. *Андерсона*, показываютъ, что она почитала себя обязанною съ нимъ во внутренности сердца.

[Потомъ смотря на всѣхъ насъ, и видя что каждый молчитъ, онъ продолжалъ.]

Милади судить, что весьма было бы недостойно, естлибъ онъ желалъ удержать ее неравнымъ обѣщаніемъ. Но гдѣжь можно сыскать такого челоуѣка, естли вы не предполагаете въ немъ чрезвычайнаго великодушія, которой бы видя у себя нѣкую власть надъ такою дѣвицею какъ *Шарлотта*, [она покраснѣла] не покусился уважить оную? Могъ ли онъ сдѣлать иначе, не навлекая на себя порицанія? Словомъ, можно ли и подумать, что тотъ, которой склоняетъ женщину къ какому ниестъ обѣщанію, не имѣлъ намѣренія требовать исполненія онаго? Я долженъ знать мой полъ, и мало бы воспользовался встрѣчавшимися мнѣ случаями, естлибъ я не зналъ хотя нѣсколько свѣтскаго обращенія. Мы извѣстились отъ моей сестрицы о тѣхъ причинахъ, которыя воспрепятствовали ей взять съ Капитана равное обязательство: она не столько имѣла къ нему уваженія, дабы наложить на него сей законъ. Не естли сіе точное отверженіе Г. *Андерсона*?

Шарлотта опасается какой ниестъ хулы въ семь поступкѣ; но разсмотримъ, какое было ея состояніе. Я не стану повторять о обстоятельствахъ онаго; для меня весьма было бы прискорбно, чтобъ мои сестры могли въ оныхъ находиться. Что касается до хитрости Капитана, дабы уважить себя по средствомъ чужей руки; то я признаю, что сіе весьма презрительно для такой женщины, которая сама поставляетъ себѣ за честь хорошо писать; но чегожь не въ состояніи бываютъ сдѣлать, дабы токмо достигнуть до тово, къ чему сердце стремится? Етогъ образецъ уже не новой. Говорятъ, что нѣкоторая славная госпожа имѣла щастіе войти въ милость у одного великаго Монарха, посредствомъ другой госпожи, которая употребляла для нее свои услуги. Скажемъ только то, что женщины должны быть увѣрены въ своемъ выборѣ прежде, нежели поручить себя мущинамъ. *Милади* его бы ненавидѣла, за то, что онъ обезславилъ доброе ея имя.... Она позволить мнѣ отвѣтствовать, что женщина, которая не желаетъ быть тому подвержена, никогда не должна полагаться на скромность другаго. О *Миссъ Биронъ*! [оборотясь ко мнѣ, а я весьма была тогда расположена сообразить съ своими обстоятельствами часть его совѣта] говорите моей питомицѣ, что она никогда не должна любить мущину, не будучи увѣрена во взаимной отъ него любви; что она никогда не должна давать знать ему о той власти, которую онъ надъ нею имѣетъ, не будучи извѣстна что онъ признателенъ, справедливъ, великодушенъ; и что она должна презирать его какъ подлеца и корыстолюбца, при первомъ случаѣ когда онъ будетъ

стараться обязать ее обѣщаніемъ. Я прошу прощенія, любезная *Шарлотта*. Вы столь великодушно сами себя хулите, что не должны почитать себѣ за обиду подать свою опытность въ примѣръ такой молодой особѣ, которая можетъ подвергнуться равному случаю, не будучи въ силахъ поступить въ ономъ съ толикимъ благородствомъ и твердости, какъ вы.

Я весьма была довольна, любезная *Люція*, что *Сиръ Карлъ* пересталъ говорить мнѣ сіи послѣднія свои размышленія. Смущеніе его сестры служило покровомъ моему: однако я не могу ручаться, чтобъ оно ей совершенно послужило. Я чувствую, дражайшая моя, что не должно весьма долгое время пребывать въ отдаленности отъ моей фамиліи, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ не жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь нахожусь. *Миссъ Анциллонъ*, *Миссъ Барневельтъ* и многія другія, коихъ свойства помнится я тебѣ описывала, гдѣ вы находитесь? Гдѣ могу я васъ найти? Сердце мое, когда я съ вами спознавалась, было спокойно и не имѣло никакого опасенія. Я могла тогда смѣяться надъ всѣмъ тѣмъ, что вокругъ меня ни казалось. Я не опасалась, чтобъ насмѣшка могла обратиться на самую меня.

Но какоежъ должны мы принять теперь намѣреніе въ разсужденіи любезной нашей сестрицы? спросила *Милади Л...* Взоры *Миссъ Шарлотты* равное изъявляли желаніе. Все собраніе отнеслось въ томъ къ *Сиру Карлу*.

Я съ начала, дражайшая *Шарлотта*, возразилъ онъ, хочу тебя обнадежить: естьли ваше сердце имѣеть хотя нѣкое предпочтеніе къ *Г. Андерсону*; естьли вы думаете, что справедливость или другія причины обязываютъ васъ быть его супругою: то я воззрю на него окомъ дружбы, дабы представить ему мои предложенія и принять отъ него его собственныя. Естьли мы не найдемъ въ немъ великодушія или признательности; то постараемся внушить въ него сіи чувствованія нашимъ примѣромъ и я обѣщаюсь приступить къ дѣлу.

Отъ сихъ словъ сердца во всѣхъ насъ поколебались. Докторъ *Барлетъ* не менѣ смутился. *Миссъ Шарлотта* едва могла держаться на стулѣ; между тѣмъ какъ ея братъ, с видомъ человѣка пріобыкшаго къ великимъ дѣяніямъ, которой не полагаетъ за чрезвычайное то что говоритъ, совершенно не примѣчалъ нашего волненія.

М. Г. [Находившись нѣсколько минутъ въ недоумѣніи.] По истиннѣ, *Г. мой*, Капитанъ *Андерсонъ* не достоинъ называться вашимъ братомъ. Я не желаю входить относительно къ тому ни въ какія подробности; ибо рѣшилась никогда не принимать его руки. Ему извѣстно мое рѣшеніе. Впрочемъ данное мною ему обѣщаніе нимало не обязываетъ меня быть его женою. Естьлибъ я познала въ немъ добродѣтель или великодушіе.... но онъ не имѣеть ни той ни другаго столько, дабы могъ внушить во мнѣ то уваженіе, которое жена должна имѣть къ своему супругу.

С. К. И такъ, любезная сестра, я совѣтую вамъ не видаться съ нимъ, если вы подали ему къ тому надѣжду. Вы можете приказать просить у него извиненій. Вы велите сказать ему, что вы мнѣ сообщили все что ни происходило между вами и имъ, и что во всемъ полагаетесь на меня съ твердымъ намѣреніемъ, если вы въ самомъ дѣлѣ приняли намѣреніе ни когда не выходить за него за мужъ.

М. Г. Я страшусь запальчиваго его нрава.

С. К. Не опасайтесь ни чего. Тѣ, кои оказываютъ запальчивость противъ женщины, никогда не изъявляютъ оной мужчинамъ; однако я буду говорить съ нимъ ласково. Если онъ надѣялся когда либо имѣть васъ своею супругою, то къ несчастію своему можетъ васъ лишиться. Вы можете ему сказать, что я увижусь съ нимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему будетъ угодно. Между тѣмъ весьма было бы нужно, если вы не имѣете къ тому никакого отвращенія, показать мнѣ нѣкоторыя его и ваши письма, а особливо тѣ, въ коихъ вы просили его оставить васъ навсегда, и прежнія, если ихъ имѣете, кои доказываютъ съ давняго времени ваше рѣшеніе.

М. Г. Я подамъ вамъ, если вы желаете, всѣ его письма и списки со всѣхъ моихъ. Они увѣрятъ васъ Г. мой, что конечно отъ того несчастнаго жребія, коему я почитала себя осужденною послѣ жестокаго поступка претерпѣннаго моею сестрою, и печали что не можно мнѣ надѣяться получить такое имѣніе, чрезъ которое могла бы ласкаться нѣкоею выгодою, прекодилась я къ Капитану *Андерсону*.

С. К. Печальное воспоминаніе! Но воззримъ на будущее благополучнѣйшее время. Я увижусь съ Г. *Андерсономъ*. Если въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ онъ поступилъ жестоко съ моею сестрою; то вы не должны мнѣ ихъ показывать. Это не любопытство; но единое искренное побужденіе услужить вамъ, принуждаетъ меня желать ихъ видѣть. Не взирая на то долгъ требуетъ, чтобъ вы сообщили мнѣ все то, что прилично вашему состоянію, дабы онъ ничего не могъ мнѣ сказать такого, чего бы я не зналъ отъ самихъ васъ и изъ чегобъ онъ могъ употребить увертки въ свою пользу. Я васъ увѣряю, что скажу ему все то, что почти токмо за справедливый долгъ и вы увидите, любезная сестрица, что если ваши письма подобны были объясненіямъ двухъ страстныхъ любовниковъ, то вы не должны ничего опасаться отъ моего сужденія. Я никогда не сужу строго о сердечныхъ слабостяхъ. Наши страсти иногда производятъ изящныя плоды. Вѣрьте, сударыни, [обратясь къ намъ тремъ] что Философія вашего брата не *Стоическая*.

Какъ! *Сиръ Карль*.... подумала я въ себѣ, дѣйствительно... когда бы вы когда нибудь были влюблены? Я не понимаю, любезная *Люція*, должна ли я тому радоваться или досадовать; но при всемъ томъ не весьма ли странно, что его приключенія въ иностранныхъ земляхъ были столь мало извѣстны? Не взирая на то о немъ говорятъ, что онъ нимало не сердится, когда его сестра изъявляетъ въ томъ свое любопытство

еслибъ я была на мѣстѣ его сестеръ, то давно бы уже испытала его чистосердечіе.

Но вотъ для него еще новое замѣшательство, и я съ нетерпѣливостію желаю окончанія сего дѣла.

Миссъ Шарлотта показала мнѣ нѣкоторыя письма Капитана *Андерсона*. Сколько должна бы она была его презирать, еслибъ по несчастію принужденною нашлась учиниться его женою! и какъ бы ея презреніе увеличилось, видя его стоящаго подлѣ своего брата! И такъ *Сиръ Томасъ*, совсѣмъ своимъ остроуміемъ и гордостію подвергся опасности видѣть столь благороднаго свойства дочь приведенную во власть человѣка бѣднаго, не благовоспитаннаго, безразсуднаго и не имѣющаго ни малѣйшей искры великодушія.

Мнѣ позволили списать для тебя то, что *Миссъ Шарлотта* написала къ Капитану.

Государь мой.

„Съ великодушнымъ человѣкомъ я не имѣла бы нужды подвергаться сужденію такого брата, отъ добродѣтели коего надлежало бы страшиться справедливаго хладнокровія къ такой сестрѣ, которая могла бы въ семъ случаѣ показаться недостойною его нѣжности; но онъ самый благороднѣйшій изъ человѣковъ. Онъ о мнѣ сожалѣетъ. Онъ принялъ на себя трудъ поговорить съ вами дружески, въ какомъ мѣстѣ вамъ будетъ угодно, о томъ дѣлѣ, которое составляетъ уже съ давнаго времени мое прискорбіе. Вамъ не безъизвѣстны мои чувствованія. Я избѣгаю великихъ распрей, но паки вамъ повторяю, какъ-то многократно говорила, что не могу и ни когда не желаю имѣть къ вамъ отношенія подъ другимъ званіемъ, а быть только вашею покорнѣйшею

Шар. Грандиссонъ.

ПИСЬМО XLIV.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Четвертокъ 16 Марта.

Сиръ Карлъ оставя насъ возвратился сегоднешняго утра въ городъ, дабы исполнить завѣщаніе своего друга.

Докторъ Барлетъ, которой, какъ я ласкаюсь, сталъ уже мнѣ другомъ, которой кажется знаетъ всю внутренность его сердца, сказалъ мнѣ что онъ безпрестанно занятъ дѣлами. А сіе я и примѣтила, и такъ нимало не удивляюсь, что препровождая жизнь свою въ такихъ обстоятельствахъ онъ не имѣлъ свободнаго времени, въ кое бы могъ заняться любовію,

которая есть страсть возраждающаяся отъ праздности, или по крайней мѣрѣ бываетъ обыкновеннымъ плодомъ праздности. Тебѣ не безъизвѣстно, что занимаясь небольшими упражненіями въ замкѣ *Сельби* я ничего не знала; но можетъ быть потому, что тамъ не находилось *Сира Карла*, которой бы могъ сперва привлечь мою признательность, а вскорѣ потомъ и всю нѣжность моего сердца. Это сущая правда, любезная моя. Мнѣ кажется, что я не должна болѣе не признаваться. „Естьлибъ я стала притворяться; то и ребенокъ однимъ бы взглядомъ усмотрѣть могъ во мнѣ любовную страсть.“

О дражайшая *Люція!* обѣ сестры поступили со мною безъ всякой пощады. Онѣ подняли покровъ, или лучше сказать, онѣ дали мнѣ знать что уже съ давняго времени проникли мои мысли. Должно отдать тебѣ отчетъ о всемъ между нами произшедшемъ.

Я писала столь долго ночью, что не взирая на обыкновенную мою привычку быть одѣтою преждѣ всѣхъ, была еще въ спальномъ платьѣ, и не столько занималась моею одѣждою, сколько тѣмъ письмомъ, которое начала къ тебѣ писать. Онѣ вошли обѣ въ мой кабинетъ, держа другъ друга за руку, и я тотчасъ усмотрѣла, что онѣ имѣли видъ предумышленной злобы, а наипаче *Миссъ Шарлотта*; она грозила сыграть со мною шутку.

Я показала нѣкое смущеніе, что столь была нерадива и что они меня въ томъ опередили. *Миссъ Шарлотта* пожелала убрать меня собственными своими руками; она приказала выдти горнишной моей дѣвкѣ, которая хотѣла было приняться за свое дѣло.

Первыя ея слова были ласковыя засвидѣтельствванія. Убирая съ со схожденіемъ мою голову она мнѣ дважды сказала, что я весьма прелестная дѣвица; потомъ оборотясь къ сестрѣ своей продолжала, не весьма ли справедливо то, что мой братъ о ней думаетъ? Я по излишней моей живости тотчасъ разстворила ротъ мой. Что.... что.... я хотѣла сказать: что онѣ обо мнѣ думаетъ? но къ моему щастію я отъ того удержалась и перемѣнила мысль мою, продолжая, дабы окончить рѣчь мою: что вы весьма много оказываете мнѣ чести, сударыня, принимая на себя такой для меня трудъ! Она взглянула на меня злобнымъ видомъ и оборотясь къ своей сестрѣ сказала: повѣрь сестрица, что наша любезная *Генріетта* великая плутовка. Накажи же ее, *Шарлотта*, отвѣчала *Милади*. Тебѣ весьма много стоило открываться намъ, что ты чрезъ то пріобрѣла нѣкое право наказывать тѣхъ кои имѣють скрытность отъ лучшихъ своихъ друзей.

Справедливое небо! вскричала я. Что.... что.... я хотѣла было сказать, что значить сія укоризна? Но я не могла окончить, и чувствовала выступающую краску на лицѣ моемъ. Что.... что.... повторила *Миссъ Грандиссонъ*. Что, что сдѣлалось съ сею милою дѣвицею? Въ рукахъ былъ

у меня шейной платокъ и я хотѣла было его накинуть; но руки мои онемѣли.

Я трепетала и не могла произнести ни единого слова.

Миссъ Гранд. Это подтвержденіе, *Милади!* точное подтвержденіе.

Милади Л... Я также думаю; но будьте увѣрены, что я не имѣла въ томъ нужды.

Миссъ Бир. По истиннѣ, сударыни, вы приводите меня въ чрезвычайное изумленіе. Что значить такое нечаянное нападеніе?

Миссъ Гранд. А что значить, любезная *Генріетта*, всѣ ваши *что, что*, и сіе нечаянное движеніе? Дайте мнѣ сей платокъ. Замѣшательство ваше приводитъ меня въ сожалѣніе.

Она съ торопливостію взяла у меня платокъ. Она накинула мнѣ оный на шею. Руки мои тряслися.

Миссъ Гранд. Отъ чего происходитъ сіе трепетаніе. Будете ли вы мнѣ отвѣчать? А! а! Любезная *Миссъ*, и такъ вы нехотите открыться своимъ сестрицамъ! То знайте же что мы уже проникли ваши мысли.

Миссъ Бир. Проникли! что хотите вы тѣмъ сказать? По истиннѣ, любезная *Миссъ Грандиссонъ*, я во всю мою жизнь не знала еще такой особы, котораябъ старалась скрытнымъ образомъ беспокоить другихъ, какъ вы.

Миссъ Гранд. Хорошо. И такъ вы меня очень коротко знаете? Но дабы скорѣе приступить къ дѣлу... Ободритесь, любезная *Генріетта*; вы кажетесь въ совершенномъ движеніи... Не ужели столь безчестно, для пригожей особы, быть преодоленной любовію.

Миссъ Бир. О комъ вы говорите? Я любовью?

Миссъ Гранд. [Захохотавши.] Вы видите, *Милади*, что *Миссъ Биронъ*, познаеть въ себѣ ту пригожую особу, о коей я говорю. Теперь говорите, любезная моя, что это не правда. Ктожъ вамъ въ томъ препятствуетъ? Говорите намъ небылицы. Начинайте притворяться. Увѣряйте насъ, что вы не красавица, и другія сему подобныя басенки.

Миссъ Бир. Любезная *Миссъ Грандиссонъ*, вить вчерашняго дня была ваша очередь. Какъ могли вы забыть....

Миссъ Гранд. Вы еще на сіе досадуете? Я васъ увѣряю, *Генріетта*, что вы мнѣ дорого за сіе заплатите. Но, любезненькая моя, я не была влюблена. Ахъ, *Миссъ Биронъ!* Сей человекъ конечно въ *Нортгэмптон-Ширъ!* Могли ли вы подумать, чтобъ мы о немъ не узнали?

[При семъ я нѣсколько ободрилась.]

Миссъ Бир. Не ужели такимъ-то образомъ надѣетесь вы успѣть въ своемъ намѣреніи. И такъ я должна болѣе имѣть предосторожности противъ того дарованія, коимъ *Миссъ Грандиссонъ* умѣетъ приводить въ безпокойствіе.

Миссъ Гранд. Эта вторая обида, которую вы мнѣ также заплатите. Не согласились ли мы, *Милади*, что я должна взять надъ нею верьхъ? И такъ

я хочу безъ всякаго сожалѣнія поступить съ младшею сестрою, дабы излѣчить ее отъ проклятаго сего притворства.

Миссъ Бир. И такъ, сударыни, вы думаете, кажется мнѣ, что Г. Ормъ....

Милади Л.... [Прерывая рѣчь ея] Остерегайся, *Шарлотта.* Я вамъ объявляю, *Генріетта,* что и я встаю теперь противъ васъ. Я хочу испытать ту въ вашемъ свойствѣ откровенность, которую мнѣ до чрезвычайности хвалили.

Миссъ Гранд. Довольно уже, *Милади,* довольно. Не положились ли вы въ томъ на меня? Я рѣшилась наказать ее. Кротость ваша намъ измѣнить. Отвѣчай мнѣ, *Генріетта.* Не любите ли вы Г. Орма, болѣе, нежели кого нибудь изъ тѣхъ людей, коихъ вы видѣли?

Миссъ Бир. Я не думаю.

Миссъ Гранд. Когожъ вы болѣе его любите?

Миссъ Бир. Я васъ покорно прошу, *Миссъ Шарлотта....*

Миссъ Гранд. Да и я покорно васъ прошу, *Миссъ Генріетта....*

Миссъ Биронъ. Примите на себя власть, *Милади,* я не отступно васъ о томъ прошу. *Миссъ Грандиссонъ* не имѣетъ никакого сожалѣнія. Однако она довольно онаго во мнѣ нашла.

Миссъ Грачд. Вчерась, не правда ли? Очень хорошо. Но вы не можете меня укорить въ томъ, чтобъ я не чистосердечно говорила.

Миссъ Бир. Но думаете ли вы, что я онаго не имѣю? Говорите, *Милади.*

Милади Л.... Конечно, я такъ думаю. [Мнѣ казалось, что она весьма жестоко веселилась моимъ замѣшательствомъ.]

Миссъ Гранд. И такъ *Миссъ Биронъ* думаетъ, что совершенно нѣтъ въ *Нортгамптон-Ширъ* такого человѣка....

Миссъ Бир. Я не понимаю сударыни, какіябъ могли быть ваши намѣренія; но увѣряю васъ, что нѣтъ тамъ ни одинаго....

Миссъ Гранд. Видишь, *Милади,* есть еще и такіе вопросы, на кои она безъ принужденія отвѣчать можетъ.

[Мнѣ кажется, что при семъ надлежало мнѣ принять на себя важный видъ. Я замолчала. Я тронута была до внутренности моего сердца]

Миссъ Гранд. Ободрись, *Генріетта.* Для меня весьма пріятно видѣть васъ въ такой досадѣ. Не отвѣчайте ничего. Теперь остается одно сіе средство..... и мы не будемъ простираться далѣе; вы ето знаете. Но скажите мнѣ, не будете ли вы разскаиваться въ томъ, что отказали *Милади Д....*

Миссъ Бир. Я не имѣю ни малой досады, сударыни; но не весьма пріятно видѣть себя угнѣтаемою....

Миссъ Гранд. И такъ признайся, *Генріетта,* что ты женщина и что въ нѣкоторыхъ дѣлахъ способна къ притворству и скрытности. Я вижу,

любезная моя, что есть такіе случаи, въ коихъ противныя добродѣтели превосходятъ власть женщины.

Миссъ Бир. Почитайте же меня изъ таковыхъ: я никогда не исключила себя отъ тѣхъ недостатковъ, кои вы приписываете моему полу. Я слаба, чрезвычайно слаба.... и вы видите, что я такова.

[Я вынула мой платокъ, не могли удержаться, отъ слезъ.]

Миссъ Гранд. Хорошо, плачьте, любезная моя. Я нѣкогда говорила моей сестрицѣ, что ничего столь любезнаго не видала, какъ *Миссъ Биронъ* плачущую.

Миссъ Бир. Чтожъ я сдѣлала. что заслужила.....

Миссъ Гранд. Таковое почтеніе: очень хорошо; но я не весьма желаю, чтобъ вы плакали. Неужели, *Генріетта* такой предметъ кажется вамъ столь трогательнымъ?

Миссъ Бир. Вы приводите меня въ изумленіе, сударыни. Мы растались не имѣя даже нималѣйшей причины къ укоризнѣ, но теперь вдругъ мы обѣ на меня нападаете.

Миссъ Гранд. Къ укоризнѣ, *Генріетта*?

Миссъ Бир. Такъ мнѣ кажется. Я не знаю, какъ могу иначе то назвать.

Миссъ Гранд. Какъ! неужели вы почитаете за укоризну, когда вамъ говорятъ о любви?

Миссъ Бир. Но съ такимъ видомъ, сударыня.....

Миссъ Гранд. О! такъ видъ заставляетъ васъ жаловаться? Хорошо; [принявъ на себя важный видъ и говоря весьма тихимъ голосомъ] и по сему не менѣе справедливо, что сердце ваше тронуто; но кѣмъ? Вотъ нашъ вопросъ, увѣдомите ли вы своихъ сестрицъ, кѣмъ?

[Дѣйствительно, сударыни, подумала я, не увѣдомите ли вы меня о чемъ ниестъ такомъ, котороебъ было для меня нѣсколько сносно сего жестокаго гоненія; а я по моей гордости не почитала бы себя великодушною, видя, что онѣ находятъ, великую важность въ такомъ дѣлѣ, котороебъ мнѣ казалось самою высочайшею цѣною, естлибъ я не намѣрена была испытать собственное мое сердце.]

Милади Л.... [Подошедши ко мнѣ и взявъ меня за руку.] Я признаюсь тебѣ искренно, любезная *Генріетта*, что почитаю тебя самой нечувствительнѣйшею изъ всѣхъ дѣвицъ. Естли ты не любишь.... теперь что отвѣчать мнѣ будете?

Миссъ Бир. Что можетъ быть я не довольно знаю сію страсть, дабы быть столь мало щадимой.

[При семъ сѣли они обѣ подлѣ меня, и взяли за трепещущія мои руки.]

Милади Л.... Я желаю, *Шарлотта*, принять на себя верховную власть. Мы весьма жестоки. Но скажи намъ, прелестная моя сестрица, скажи въ одномъ словѣ своей *Каролинъ*, скажи хотя своей *Шарлоттѣ*, существуетъ ли еще на свѣтѣ такой человѣкъ, коего бы вы болѣе любили,

нежели всѣхъ прочихъ? Вы обязаны сею довѣренностію нашей дружбѣ, безъ коей дѣйствительно мы не учинили бы столь сильнаго на васъ нападенія.

[Я молчала потупя взоры. Я чувствовала въ себѣ какъ бы лихорадочной припадокъ, которой по перемѣнно бросалъ меня то въ жаръ то въ холодъ. Онѣ обѣ осыпали меня своими ласками даже до такой степени, что цѣловали мои руки, и я нимало тому не противилась.]

Миссъ Гранд. Говорите любезная моя. Не опасайтесь ничего. Положитесь на совершенную нашу дружбу. Я приняла намѣреніе открыть вамъ путь, увѣдомя васъ о всѣхъ тайнахъ моего сердца, прежде нежели мой братецъ въ оныя проникнетъ.... Но отъ его проницанія ничто избѣжать не можетъ....

Миссъ Бир. [Съ видомъ изъясляющимъ великое безпокойствіе.] *Миссъ Шарлотта!* Сударыня! Братецъ вашъ никогда.... не возможно чтобъ онъ... Я лучше соглашусь умереть, нежели....

Миссъ Гранд. Плѣнительная разборчивость! Нѣтъ, онъ никогда.... но для чегожъ не можно, чтобъ онъ.... Любезная *Генриетта*, естли наши гоненія васъ утомляютъ, то оставте скрытность.... не ужели думаете вы, что мы во многихъ случаяхъ не могли усмотрѣть въ вашихъ взорахъ чувствованій вашего сердца; и не уразумѣть, что значать сіи исходящіе изъ устъ вашихъ вздохи; [я вздохнула] такъ ето точная правда, я пришла въ великое смущеніе. *Миссъ Грандиссонъ* продолжала: но дабы намъ объясниться совершенно, то мы клянемся вамъ, любезная *Генриетта*, что естлибъ не имѣли небольшого обязательства съ *Милади Анною С...* то давно бы уже завели съ вами рѣчь о семъ дѣлѣ. Всѣ ея родственники васъ къ тому преклоняютъ; да вы и сами могли примѣтишь, что она не скрываетъ своихъ чувствованій.

Миссъ Биронъ. (Освободя свою руку беретъ платокъ.) Дражайшіе мои сестрицы, вы увѣряете меня въ своей дружбѣ, но не подасть ли она мѣсто презрѣнію? Я признаюся....

(Я не могла далѣе говоришь, и продолжала утирать глаза мои.)

Милади Л... Въ чемъ признается сія любезная дѣвица?

Миссъ Биронъ. Ахъ, сударыни! естлибъ я имѣла о себѣ такое мнѣніе, коего совершенно не могу имѣть; ибо никогда о себѣ столь мало не думала, какъ съ того времени, когда обѣихъ васъ спознала, я соглашаюсь открыть вамъ всю внутренность моего сердца; но я хочу испросить у васъ единой милости, и надѣюсь что вы мнѣ въ оной не откажете.

Милади и Миссъ Гранд. Какую милость? Говорите.

Миссъ Бир. Милость состоящую въ томъ, дабы отвезти меня сего вечера въ Лондонъ. Я васъ увѣряю, что не долго пробуду въ городѣ. По истиннѣ, сударыня, я не въ состояніи болѣе смотрѣть на вашего брата. Вы обѣ презирать меня станете. Я увѣрена, что презирать меня будете.

[Онѣ многократно меня увѣряли о продолженіи ихъ ко мнѣ дружбы; и сія помощь была мнѣ оказана во время, ибо я въ великомъ находилась смущеніи.]

Миссъ Гранд. Сего утра мы весьма долго разговаривали съ *Сиромъ Карломъ*.

Миссъ Бир. О мнѣ! Боже мой! Я думаю, что онѣ не имѣеть нималѣйшаго помышленія....

Милади Л... Говорено было о васъ; но дабы не приводитъ васъ болѣе въ безпокойствіе, мы отдадимъ вамъ отчетъ о всемъ произшедшемъ, *Милади Анна* была предмѣтомъ того разговора.

Миссъ Гранд. Мы спросили брата, думаетъ ли онѣ о бракѣ. Сей вопросъ случился къ стати. На сіе онѣ ничего не отвѣчалъ; но при семъ токмо вздохнулъ и его видъ учинился важнымъ. [Вздохнулъ! любезная *Люція*. Какая бы причина понудила вздохать *Сира Карла*?] Мы повторили ему нашъ вопросъ. Вы насъ увѣрили, сказала я ему, что совершенно не имѣете намѣренія къ принятію обязательства моего родителя. Что вы думаете о *Милади Аннѣ С*?... Весьма было бы бесполезно представлять вамъ великое ея богатство и знатную породу. Она имѣеть пріятный видъ да и всемъ извѣстно, что она великое оказываетъ вамъ почтеніе. Я отдаю справедливость, отвѣчалъ онѣ мнѣ, достоинству *Милади Анны*, но я весьма буду соболѣзновать, когда она имѣеть, ко мнѣ особенныя чувствованія, поелику не въ моей власти состоитъ онымъ соотвѣтствовать. По чему, братецъ, сказала я ему взирая на него. Нѣтъ, повторилъ онѣ, воздыхая, не въ моей власти состоитъ онымъ соотвѣтствовать.

О любезная *Люція*! Колико при семъ мои чувствованія взволновались. Лихорадка опять приступила ко мнѣ съ своимъ жаромъ и ознобомъ. Онѣ обѣщались болѣе меня не мучить; но есть такіе предмѣты, коихъ не лзя коснуться не причина чрезвычайнаго движенія тѣмъ, кои находятся между страхомъ и надеждою. Колико неизвѣстность мучительна! каждая минута печальнаго сего положенія лишаетъ меня жизни.

Миссъ Гранд. Братецъ мой продолжалъ: вы спрашивали меня уже нѣсколько разъ объ одномъ предметѣ. Я не хочу вамъ отвѣтствовать такъ какъ бы я могъ, но первое мое желаніе стремишься къ тому, дабы видѣть васъ благополучно сочетавшеюся бракомъ прежде нежели я вступлю въ какое нибудь обязательство. Въ нѣкое же время буду можетъ быть въ состояніи подать вамъ такія изьясненія, коихъ вы можете ожидать отъ брата. Но наиболѣе причиняетъ намъ замѣшательства, любезная *Генриетта*, слово *власть*, кое онѣ намъ повторялъ; а поелику онѣ далъ намъ выразумѣть, что можетъ отвѣтствовать на нашъ вопросъ токмо въ нѣкое время, то мы опасаемся, чтобъ онѣ не имѣлъ такихъ намѣреній о какой ниестъ иностранной госпожѣ....

Сперва онѣ возстановили мою надежду; но какъ ихъ опасность произвела и во мнѣ страхъ, то онѣ должны были, за причиненное мнѣ ими смущеніе, подать мнѣ своихъ солей. Сердце мое приведено было въ такую слабость прежними ихъ гоненіями, что не имѣло силы тому воспротивиться и я наклонилась моею головою на плечо *Миссъ Грандиссонъ*. Однако слезы меня облегчили; я просила ихъ имѣть о мнѣ сожалѣніе. Онѣ обѣщались имѣть ко мнѣ всю свою нѣжность; и *Милади* усиленно меня просила, именемъ своей дружбы, открыть имъ совершенно всю внутренность моего сердца.

Я думала и запинаясь. Я не могла произнести ни единого слова; напоследокъ сказала: естълибъ я могла изыскать, сударыни, такую причину, которая показалась бы вамъ извинительною; то названіе сестры, кое вы мнѣ по милости своей дали еще съ первой минуты нашего знакомства, изстребило бы во мнѣ всю скрытность въ обращеніи съ моими сестрами. Но теперь, однако... [При семъ я остановилась и голова моя наклонилась противъ моей воли.]

Милади Л... Говорите же, любезная моя. И такъ, теперь....

Миссъ Гранд. И такъ теперь, однако....

[Таковыя прозъбы меня ободрили я подняла мою голову какъ могла смѣлѣе; но не очень же смѣло, мнѣ кажется.]

Миссъ Бир. Я признаюсь, что тотъ коего мужество и милость привлекли къ себѣ мою признательность самоважнѣйшею услугою, совершенно овладѣлъ моимъ сердцемъ.

При семъ, любезная *Люція*, не зная, по истиннѣ, что я дѣлала, обняла я одною рукою *Милади*, а другою *Миссъ Грандиссонъ*, и лице мое горящее отъ стыда старалось скрывать у груди старшей сестры. Онѣ обѣ меня цѣловали. Онѣ обѣщались принять мою сторону. Онѣ сказали мнѣ, что *Докторъ Барлетъ* не менѣе имѣетъ ко мнѣ почтенія и дружбы; но что онѣ бесполезно старались употреблять свои усилія, дабы узнать отъ него тайну ихъ брата; и когда онѣ его о томъ спрашивали, то онѣ всегда отсылалъ ихъ къ самому *Сиру Карлу*. Наконецъ онѣ увѣрили меня, что *Милордъ Л...* имѣетъ ко мнѣ всю братнюю нѣжность и пріязнь.

Это для меня утѣшеніе, любезная моя; должна ли я сказать, что мнѣ приносить даже нѣкое облегченіе моей гордости, зная что о мнѣ имѣютъ такое мнѣніе въ фамиліи? Но koliko сія гордость поражена, видя себя принужденною имѣть нѣкую черту надежды, дабы оправдаться въ сердцѣ такого человѣка, коего разположеній и обязательствъ никто изъ насъ не знаетъ. Впрочемъ естъли наконецъ сіе окажется, то дай Боже, чтобъ самое благороднѣйшее изъ всѣхъ сердецъ было свободно, и естъли я въ томъ увѣрюсь, то чтобъ болѣе и не упоминать о гордости. Сей человѣкъ, какъ писала ко мнѣ моя тетушка, не естъли *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*.

Я тотчасъ спросила у обѣихъ сестеръ, поелику взоры мои довольно имъ изъявили мои мысли, не имѣеть ли ихъ братъ какого ниестъ подозрѣнія о моихъ чувствованіяхъ. Онѣ совершенно ничего такого не примѣтили, сказали онѣ мнѣ, ни въ его разговорахъ ни въ поступкахъ. Онѣ меня не столь часто видалъ, какъ онѣ. *Милади* желала бы, чтобъ онѣ ни въ чемъ не довѣрялся. Она думаетъ, что самые изящнѣйшіе и благоразумнѣйшіе люди стараются находить затрудненія; и сколько бы ея братъ ни былъ великодушень, но онѣ человекъ.

Однако она нѣкогда слыхала отъ него, что онѣ не пожелаетъ сочетаться бракомъ даже и съ первою Принцессою, когда не будетъ увѣренъ, что она его любитъ. Я воображаю себѣ, любезная моя, что женщины, кои любятъ мужчину, и кои сумнѣваются во взаимной любви, должны весьма много претерпѣть отъ раздѣленія своихъ чувствованій между опасностью, дабы не отвратить предметъ своихъ нѣжностей весьма страстною любовію, и дабы не оскорбить его излишнею скрытностію. Не думаете ли и вы тоже?

Госпожи признаются, что онѣ весьма страстно желаютъ видѣть своего брата женившимся и не менѣе желаютъ, чтобъ онѣ сочетался со мною; а естли я должна вѣрить ласкательной ихъ дружбѣ, то я усматривала всю внутренность ихъ сердца въ то самое время, когда по другимъ обязанностямъ онѣ принуждены были держать сторону *Милади Анны*. Онѣ рассказали мнѣ все то, что *Сиръ Карлъ* говорилъ имъ о мнѣ, и о чемъ дали онѣ мнѣ замѣтить въ началѣ нашего разговора.

Когда же онѣ насъ увѣрили, сказала мнѣ *Миссъ Грандиссонъ*, что не въ его состоитъ власти соотвѣтствовать почтенію *Милади Анны*, то я имѣла дерзость предложить ему сей вопросъ. „Но естлибъ *Милади Анна* совершенно уподоблялась *Миссъ Биронъ*, то думаете ли, чтобъ вы возчувствовади къ ней склонность?“, Онѣ мнѣ отвѣчаль, что *Миссъ Биронъ* весьма прелѣстная особа. Моя сестра присовокупила къ сей похвалѣ, что *Миссъ Биронъ* есть любвидостойнѣйшая дѣвица, какой она еще никогда не знала, и что она никогда не видала толико прелестей, пріятностей, кротости и достоинства въ такомъ совершенномъ соединеніи.

Ты легко судить можешь, *Люція*, что я ничего, здѣсь не присовокупляю отъ себя такого, которое бы касалось до моего тщеславія; но желаю токмо въ точности повторить все до послѣдняго слова.

Братецъ мой, продолжала *Миссъ Грандиссонъ*, не преминуль воспользоваться сею похвалою и изобразилъ оную въ самыхъ пылкихъ и пространнѣйшихъ израженіяхъ, я толико симъ была поражена, что съ великою вольностію спросила его: не ужели сей жаръ происходитъ отъ любви?

Взоры мои, любезная *Люція*, дерзнули также спросить: чтожъ онѣ на сіе отвѣчаль? *Миссъ Грандиссонъ* легко могла въ оныя проникнуть.

Ахъ! любезная *Генріетта!* сказала она мнѣ, я понимаю сей взглядъ, не взирая на замѣшательство, коимъ оный сопровождается. Вотъ что онъ на сіе отвѣчалъ. „Совершенно не возможно видѣть *Миссъ Биронъ* и не любить ее. Ты знаешь *Шарлотта*, что я представилъ ее вамъ, такъ какъ третію сестру; но ктожъ можетъ имѣть къ своимъ сестрамъ болѣе меня нежности?„ Обѣ мы, *Милади* и я, любезная *Генріетта*, потупили глаза; но мы гораздо еще менѣе были приведены въ удивленіе, и менѣе обмануты въ нашемъ ожиданіи, нежели, вы сами.

Миссъ Бир. Драйжайшая *Миссъ Грандиссонъ.*

Миссъ Гранд. Учитесь, любезная моя, говорить устами, а не взорами.

[Третія сестра! О *Люція!* Я думала что въ самомъ дѣлѣ казалась глупою, и признаюсь что обманулась въ моемъ ожиданіи.]

Миссъ Бир. И такъ это все, любезная *Миссъ?* Вы видите изъ сего вопроса, что я начинаю дѣйствовать твоими устами.

Миссъ Гранд. Все, ибо послѣ сего отвѣта онъ пошелъ въ свой кабинетъ.

Миссъ Бир. Какимъ образомъ пошелъ онъ? Примѣтили ли вы хотя нѣсколько движе.... вы можетъ быть смѣтесъ моей глупости и моему безразсудству.

Миссъ Гранд. [Усмѣхаясь.] Нѣтъ, я не усмотрѣла перемѣны ни въ лицѣ его ни въ поступкахъ. Я не примѣтила сильнаго движе....

Миссъ Бир. И такъ, сударыни, я должна вамъ сказать только то, что мнѣ не остается болѣе никакого рѣшенія, какъ испросить у васъ кареты цугъ лошадей и возвратиться прямо въ *Нортгамптон-Ширъ.*

Миссъ Гранд. По чему же такъ, любезная *Генріетта.*

Миссъ Бир. Потому, что никакъ невозможно чтобъ, какъ скоро я появлюсь предъ вашего братца, не уменьшила я его къ себѣ почтенія, хотя буду говорить хотя молчать.

Онъ весьма лестно меня обласкали и ихъ засвидѣтельствованія были бы гораздо справедливѣе, естлибъ произошли отъ ихъ братца.

Что ты о томъ скажешь, любезная *Люція?* Думаешь ли ты, чтобы *Сиръ Карлъ* имѣлъ какое нисть намѣреніе, учинивъ столь величественное своимъ сестрамъ о мнѣ изображеніе, прежде нежели открылся мнѣ въ своихъ чувствованіяхъ? Я сужу о томъ по себѣ. Между мужчинами и женщинами есть толикое сходство, что выключая жестокой нынѣшній обычай можно вообще отгадывать склонности одного пола по склонностямъ другаго въ такихъ обстоятельствахъ, въ коихъ сердце принимаетъ участіе. Съ какою учтивостію не говорила я о Г. *Ормъ* и Г. *Фулерь?* Не восхваляла ли я изящность ихъ свойствъ, объявляя, что мои чувствованія къ нимъ простираются даже до сожалѣнія? По чему же такъ, любезная моя? Потому что въ томъ заключалась нѣкая учтивость, кою я почитала за долгъ оказывать, ихъ достоинству и коей я безъ всякой опасности слѣдовала. Мнѣ кажется, что теперь я гораздо лучше

понимаю, нежели прежде, какое Г. Гревиль имѣлъ намѣреніе, когда неотступно просилъ меня объявить ему, что я его ненавижу. Проклятой лицемѣръ! Онъ знаетъ, что женскія шутки, касательно любви, подають болѣе важности нежели сколько она желаетъ дать такому человѣку, къ коему она имѣетъ таковое вниманіе.

Но какоежъ удовольствіе могу я имѣть терзаясь и мучась неизвѣстностію? То, что провидѣніемъ опредѣлено, конечно рано или поздно случится. Ктожъ можетъ знать, что оно опредѣлило *Сиру Карлу*? Дай Боже, чтобъ онъ былъ благополучень во всѣхъ предположеніяхъ. Но, сказать по истиннѣ, любезная *Люція*, ето такая выгода, коей твоя *Генріетта*, ни мало теперь познать не можетъ.

ПИСЬМО XLV.

Сиръ Карлъ Грандиссонъ, къ Миссъ Грандиссонъ.

Въ пятницу 17 Марта.

Къ великому удовольствію узнаете вы, любезная моя *Шарлотта*, что я уже имѣлъ щастіе видѣться съ Г. *Андерсономъ*. По пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, я приказалъ отнести ему ваше письмо, и его негодование при семъ чтеніи ясно изъявилось въ нѣкихъ нескромныхъ выраженіяхъ; но какъ я уже рѣшился говорить съ нимъ весьма спокойно, то и не требовалъ ни какого отчета въ его словахъ.

Мы видѣлись съ нимъ вчерашняго дня въ четвертомъ часу послѣ обѣда, въ кофейномъ домѣ *Палль-Малль*. Онъ пришелъ туда съ господами *Макенціемъ* и *Диллономъ*, кои были искренніе его пріятели, первой Подполковникъ а другой Маіоръ токоже полку. Сперва я не имѣлъ чести ихъ знать; но когда мы пошли съ Г. *Андерсономъ* въ особую горницу, то и они въ оную за нами послѣдовали.

Вы конечно потребуете отъ меня больше подробности въ описаніи всего, что между нами ни происходило. Признайтесь, любезная сестрица, что я не имѣлъ хорошей причины его щадить. Я не безъ оскорбленія могъ уважить тѣ причины, кои принудили васъ оставить Г. *Андерсона*, когда вы совершенно его узнали. Впрочемъ же онъ не весьма бы легко могъ на всѣ мои слова склониться, и слѣдственно я не могъ бы получить изъ того нималѣйшей пользы.

А какъ оба его друзья вошли въ горницу и онъ не предупредилъ меня о томъ ни мало, то я спросилъ у него: извѣстны ли они о нашемъ дѣлѣ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что они искренніе его друзья, и извѣщены о всѣхъ сердечныхъ его тайнахъ. Можетъ быть, Г. мой, возразилъ а, было бы гораздо лучше, въ семъ случаѣ, естлибъ они того не знали. Мы честные люди, Г. *Кавалеръ*, съ торопливостію прервалъ мою рѣчь Маіоръ. Я нимало о томъ не сумнѣваюсь, государь мой, отвѣчалъ я ему, но въ

такомъ дѣлѣ, въ коемъ разборчивость женщины имѣеть участіе, съ обоихъ сторонъ надлежало бы хранить тайну, да теперъ уже поздно. Я готовъ, Г. *Андерсонъ*, выслушать васъ при вашихъ друзьяхъ, естли вы то заблагоразсудите. Повѣрьте, *Сиръ Карль*, сказалъ мнѣ съ довольною учтивостію Подполковникъ, что вы найдете въ насъ честныхъ людей.

Тогда Капитанъ началъ свою исторію съ нѣкоторымъ жаромъ, но весьма пріятно и я отъ того чувствовалъ великую радость ради моей сестрицы. Простите мнѣ за сіе разсужденіе *Шарлотта*. Я не нашель недостатка ни въ разсужденіи его ни въ видѣ. Статься можетъ, что онъ мало упражнялся въ правописаніи; но впрочемъ не лзя сказать, чтобъ онъ былъ глупъ или необходимъ, хотя друзья *Шарлотты Грандиссонъ* и не почли его достойнымъ занимать первое мѣсто въ ея сердцѣ.

По окончаніи своего повѣствованія, которое бесполезно вамъ повторять, онъ усиленно настоялъ въ исполненіи вашего обѣщанія, и оба его друзья говорили въ его пользу съ такимъ видомъ, которой показался мнѣ надмѣру дѣйствительнымъ. Я объявилъ имъ безъ всякаго затрудненія мое о томъ мнѣніе и сказалъ: что они должны отдать мнѣ справедливость въ томъ что я столько же извѣстенъ, какъ и они, о правилахъ чести. Я пришелъ сюда, государи мои, присовокупилъ я, съ справедливыми и миролюбивыми намѣреніями. Примѣръ вспыльчивости не выведетъ меня никогда изъ границъ благопристойности; но естли вы надѣетесь оказать оную мнѣ по какому нибудь дѣлу, то въ семъ конечно вы не успѣете ни выраженіями, ни изъявленіемъ своего гнѣва. Послѣ сего взоры ихъ во мгновение ока укротились, и Г. *Диллонъ* увѣрялъ меня, что они совершенно не имѣли такого намѣренія, которое бы могло меня оскорбить.

Тогда я сказалъ Капитану, что я совершенно не имѣлъ намѣренія вступить въ продолжительной разговоръ для защищенія сестры моей. Я признаюсь, что она поступила нѣсколько опрометчиво въ семъ дѣлѣ. Прискорбія, продолжалъ я, кой она претерпѣла въ своей фамиліи и кои заставили ее страшиться отъ того и другихъ, ея младость и неопытность въ свѣтскомъ обращеніи весьма много въ тому способствовали. Впрочемъ молодья особы весьма легко убѣждаются наружностями. Вы же, Г, мой, имѣете въ видѣ и въ обхожденіяхъ такія преимущества, кои могутъ привлечь вниманіе молодой дѣвицы; а въ такихъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась моя сестрица, я нимало не удивляюсь, что она принимала предложенія отъ такого любезнаго чловѣка, которой начальствовалъ въ нашемъ сосѣдствѣ и коего поведеніе безъ сомнѣнія придавало новой блескъ его званію. Однакожъ я увѣренъ, Г. мой, что вы нашли нѣкія затрудненія въ ея мысляхъ, когда она разсудила о томъ вредѣ, кое причиняетъ себѣ молодая особа ея возраста перепискою неизвѣстною ея родителю. Мы не станемъ говорить, какъ съ одной такъ и съ другой стороны о тѣхъ пылкихъ страстяхъ, кои затмѣвають разсудокъ

и долгъ. Равномѣрно нельзя удивляться и тому, что моя сестрица съ извѣстнымъ въ ней здравымъ разсудкомъ была въ состояніи обратитъ на себя свое вниманіе; а можетъ быть было бы еще менѣе удивительно, что примѣтя ея перемѣны, вы склонили ее обязатья обѣщаніемъ; но что значить сіе обѣщаніе? Это не такое, коего бы вы желали, и по коему имѣли бы полную власть надъ нею, сіе обѣщаніе состоитъ единственно въ томъ, чтобъ она нерасполагала своею рукою, безъ вашего согласія до того времени, пока вы будете холостымъ; это такое обязательство, позвольте мнѣ замѣтить, кое столько же неблагоразумно было предлагать, сколько ей принимать оное.

Г. мой! прервалъ рѣчь мою Капитанъ, поднявши голову съ видомъ воина.

Я повторилъ то замѣчаніе, кое уже онъ слышалъ.

Государь мой, повторилъ онъ мнѣ, и оборотясь къ друзьямъ своимъ, кои по перемѣнно наклонялись другъ къ другу и къ тому, какъ будто бы оказывали, что почитаютъ слова мои весьма вольными.

Дѣйствительно, Г. мой, возразилъ я спокойнымъ голосомъ, не ясно ли сіе показываетъ, что вы сумнѣвались о своемъ достоинствѣ или о склонности и постоянствѣ моей сестрицы. И какъ въ одномъ такъ и въ другомъ случаѣ должно ли сіе обязательство быть предложено? должно ли быть принято? что касается до меня, то я съ презрѣніемъ бы отвергъ руку такой женщины, которая бы мнѣ подала причину думать, что она можетъ хотя единую минуту сумнѣваться въ своемъ выборѣ между мною и другимъ человѣкомъ.

Это такое мнѣніе, коего я не могу похулить, прервалъ рѣчь мою Маіоръ. По истиннѣ, *Сиръ Карль*, я также думаю, какъ и вы, присовокупилъ Г. *Маккенци*; Капитанъ же пошевеливаясь на своемъ стулѣ не разсудилъ за благо изъяснить своего мнѣнія.

Я опять началъ говорить: побудительная ваша причина, Г. мой, какъ мы ни мало о томъ не сумнѣваемся, происходила отъ искренней нѣжности. *Миссъ Грандиссонъ* есть такая молодая особа, къ коей всякой человѣкъ можетъ почувствовать любовь. Вы мнѣ позвольте замѣтить мимоходомъ, что тотъ человѣкъ не имѣетъ никакой необходимости въ обѣщаніи, которой совершенно почитаетъ себя увѣреннымъ во взаимной любви. Сестра моя есть такая дѣвица, которая имѣетъ весьма благородныя чувствованія. Она почитаетъ себя обязанною и ея намѣреніе есть препровождать всю свою жизнь въ дѣвствѣ, естли вы не возвратите ей свободы располагать самой собою. Впрочемъ она оставляетъ вамъ на произволеніе располагать самимъ собою и никогда не желала имѣть надъ симъ власти. Признайтесь по справедливости, что въ семъ поступкѣ изъясняется такое великодушіе, коему вы еще никогда не соотвѣтствовали, хотя сіе обѣщаніе и ничего не значить. Желаете ли вы, чтобъ она была обязана не будучи сами обязаны? Она не желаетъ

имѣть надъ вами никакого права. Я признаюсь вамъ, Г. мой, что естлибъ я находясь въ вашемъ состояніи, былъ способенъ употребить всѣ мои старанія къ полученію такового обѣщанія, то для меня оставалось бы прискорбіе думать, что я не очень любимъ, ибо не старались бы удерживать меня таковымъ же обязательствомъ. Какъ! сказалъ бы я про себя, не ужели сія женщина для меня любезнѣе всѣхъ на свѣтѣ! Какъ! въ то самое время, когда я стараюсь привлечь ее къ себѣ такимъ торжественнымъ обязательствомъ, которое учинить меня совершеннымъ надъ нею властителемъ, ея почтеніе ко мнѣ столь слабо, что она даетъ мнѣ волю предпочесть ей всякую другую женщину?

При семъ оба друзья его взглянули другъ на друга, но не произнесли ни одного слова. Я же продолжалъ.

Разсмотримъ сіе дѣло по самой справедливости. Я знаю нѣкоторую молодую особу, вступившую въ такое обязательство, въ коемъ она увѣряетъ, что сердце ея никогда и нималѣйшаго не имѣло участія. Это ея погрѣшность; но неизвѣстно ли намъ, каковы бываютъ любовныя сѣти для всѣхъ тѣхъ женщинъ, кои хотя единожды вступаютъ въ переписку съ мужчинами? Нашъ полъ имѣетъ много случаевъ спознать свѣтъ, коихъ другой полъ не имѣетъ. Опытность, государи мои, противурѣчить неопытности не взирая на разность можешь быть въ двое большаго числа лѣтъ. Государь мой, прервалъ Капитанъ, эта пара очень не равная. Какой не получаютъ помощи мужчины отъ своего искусства, дабы, приобрѣсть сердце такой женщины, которую почитаютъ они достойною своихъ стараній? Но естли хотя одинъ изъ насъ такой, которой бы пожелалъ быть супругомъ той женщины, которая объявляетъ, что ее нечувствительно принудили преступить свои намѣренія; которая, не желая обязываться, дабы ему принадлежать, показала бы, что она не имѣетъ къ нему предпочтительной любви; которая, согласившись принять обязательство ни мало не желала обязать его таковымъ же; и словомъ, которая уже съ давняго времени ему объявляла, что она никогда не согласится быть его женою? Я почитаю васъ честными, государи мои. И такъ пожелали ли бы вы выбрать въ супруги и первую въ свѣтѣ особу на такихъ договорахъ? А обстоятельство въ нашемъ дѣлѣ еще весьма различна, поелику обязательство сестры моей не простирается до того, чтобъ быть ей неотмѣнно супругою Г. *Андерсона*.

При семъ Капитанъ сказалъ, что ему не весьма нравится нѣкоторая часть моихъ разсужденій; что онъ еще менѣе одобрилъ нѣкоторыя мои слова; и видъ лица его казался изъявлялъ оное разположеніе, какъ будто бы онъ желалъ объясниться съ гораздо большею гордостію, нежели какая свойственна для предмѣта нашего свиданія. Я ему сказалъ; мое намѣреніе, Г. Капитанъ, не состоитъ въ томъ, чтобъ изслѣдывать одни слова. Когда я вамъ свидѣтельствовалъ, что пришелъ сюда съ мирными намѣреніями, то вы должны были мнѣ въ томъ повѣрить; я нимало не

помышляю васъ оскорблять. Но будемъ говорить такъ какъ долгъ требуетъ отъ разсудительныхъ людей. Хотя я здѣсь и моложе всѣхъ, но знаю свѣтское обращеніе столько, сколько не могутъ еще знать люди моихъ лѣтъ; я знаю то, что свойственно характеру честнаго человѣка, и никогда не ожидаю такихъ истолкованій, кои поражаютъ мои чувствованія.

Мое намѣреніе, Г. мой, отвѣчалъ Капитанъ, состоитъ въ томъ, дабы дать вамъ знать, что я не допущу себя до того, чтобъ поступали со мною съ презрѣніемъ. Нѣтъ, ни самому брату *Миссъ Грандиссонъ*.

Братъ *Миссъ Грандиссонъ*, возразилъ я нимало не пріобыкъ говорить съ презрѣніемъ. Начните токмо уважать самага себя, то и не будете жаловаться, что я предаю забвенію долгъ мой. Каждый человѣкъ властенъ поступать со мною, такъ какъ ему угодно. Моя пріязнь весьма далеко распространяется, хотя она и не доходитъ до легковѣрности, и и я никогда не отрекусь отозваться къ рѣшенію нашего посредника въ справедливости его поведенія и моихъ намѣреній.

Капитанъ сказалъ мнѣ, что онъ приписываетъ большую часть упорности сестры моя [ето его выраженіе] тѣмъ новымъ понятіямъ, кои она пріобрѣла по возвращеніи моемъ въ Англію; что онъ не сумнѣвается, чтобъ я не одобрилъ предложеній Кавалера *Ваткинса* или *Милорда Ж...* по причинѣ ихъ достоинства и богатства; и отъ сего-то происходятъ таковыя затрудненія. При семъ онъ всталъ, ударилъ кулакомъ по столу, наложилъ руку свою на шпагу и заклиная самага себя, хотѣлъ по-видимому поступить со мною безъ всякой осмотрительности. Я прервалъ рѣчь его. Укротите пылкость свою, владѣйте самимъ собою, Г. Капитанъ, выслушайте меня сколько можно хладнокровнѣе. Я хочу сказать вамъ сущую правду. Когда я окончу, вы можете принять на себя, еслии за благоразсудите, тотъ оскорбительный видъ, съ коимъ вы встали и сами увидите какое изъ того употребленіе пожелаете сдѣлать. При семъ друзья его увѣщевали его успокоиться. Онъ сѣлъ какъ будто бы внѣ себя отъ движенія и гнѣва; но возпламеневшійся его гнѣвъ постепенно утишился.

„Вотъ сущая правда. Всѣ замѣшательства *Миссъ Грандиссонъ*, въ коихъ можетъ быть менѣе заключалось разсудка, нежели опасности, кончились вмѣстѣ съ жизнію моего родителя. Первое мое попеченіе по прибытіи моемъ состояло въ томъ, дабы укрѣпить имѣніе за моими сестрами. Старшая моя сестра вышла за *Милорда Л...* *Милордъ Ж...* и Г. *Ваткинсъ* сватались за младшую. О васъ же не говорено было ни слова, Г. Капитанъ. *Миссъ Грандиссонъ* скрывала свою тайну, она не объявила оной даже и сестрѣ своей. Причина, на кою она въ томъ ссылается и которая вамъ не безъизвѣстна, состоитъ въ ея рѣшительномъ намѣреніи не быть никогда вашею супругою. Я изъясняюсь искренно, Г. мой, такъ какъ самое существо дѣла меня къ тому обязываетъ. Она ласкалась склонить

васъ возвратитъ ей свободу съ толикимъ же великодушiемъ, съ какимъ она вамъ оную оставила и я васъ увѣряю, какъ честной человѣкъ, что она ни малѣйшей не оказываетъ благосклонности къ обоимъ своимъ домогателямъ да и я совершенно не знаю, благопріятствуетъ ли она кому нибудь. Самъ я, братъ ея, желаю видѣть ее сочетавшеюся законнымъ бракомъ, не усматривая нимало, чтобъ она о томъ помышляла. Равнодушiе ея къ перемѣнѣ состоянiя, не взирая на такія представленiя, заставило меня думать, что ея сердце занято и потомъ узналъ я отъ нѣкоторой особы, которая о томъ слышала отъ одного ихъ вашихъ друзей, что вы имѣли переписку съ нею. Присутствiе двухъ господъ насъ слушающихъ кажется подтверждаетъ, что вы не столько старались скрывать тайну, сколько она.„

Они взглянули другъ на друга съ видомъ изъясляющимъ удивленіе.

„Я просилъ мою сестрицу, узнавши сіе, открыть мнѣ тайну своихъ чувствованiй: но я предложилъ ей всѣ услуги зависящiя отъ меня, увѣряя ее при томъ, что естли ея сердце занято; то качество, достоинство и богатство ничего для меня не будутъ значить и что я почту братомъ того, кого она изберетъ себѣ супругомъ.„

Оба друзья чрезвычайно превозносили сей поступокъ, которой не заслуживаетъ однако ничего болѣе, кромѣ обыкновеннаго одобренiя.

„Она торжественно мнѣ клялась, продолжалъ я, что видя себя обязанною такимъ обѣщанiемъ, кое неблагоразуміе ея возраста, домашнiя ея затрудненiя и неотступныя прозѣбы извлекли отъ руки ея, она рѣшилась, естли будутъ настоять въ исполненiи онаго, вѣчно препровождать жизнь свою въ дѣвствѣ. И такъ вы видите, Г. мой, отъ васъ зависитъ осудить *Шарлотту Грандиссонъ* быть дѣвицею до того времени, пока не вздумаете женишься на другой женщинѣ. Ето такая власть, позвольте мнѣ сказать, которой исполненіе не столько будетъ похвально, сколько то, когда возвратите ей великодушно ту свободу, кою она вамъ оставляетъ. Вамъ государи мои, естли качество судей, кое вы желаете принять на себя между нами, имѣетъ надъ вами болѣе впечатлѣнiя нежели другое участіе, я оставляю сіе дѣло на разсмотреніе, а самъ удалюсь отсюда на нѣсколько минутъ.„

Я ихъ оставилъ, когда они хотѣли мнѣ говорить, и пошелъ въ кофейную залу. Я нашелъ тамъ Полковника *Мартера*, съ коимъ я познакомился въ моихъ путешествiяхъ, и которой искалъ Маіора *Диллона*. Я чрезвычайно удивился, когда онъ поздравилъ меня тѣмъ дѣломъ, для коего я тамъ находился. Подумайте, любезная сестрица, сколь великую составляли вы важность для Г. *Андерсона*; онъ не могъ даже заключить въ своемъ сердце того щастiя, кое имѣлъ понравиться дочери *Сира Томаса Грандиссона*, и той великой надежды, которую онъ на полученіе васъ въ супруги основывалъ. Любезная сестрица! сколь онъ несчастливъ, что справедливая гордость заставила васъ мыслить о своемъ

благополучіи с тѣмъ, дабы скрывать такой союзъ, которой онъ напротивъ того вмѣнялъ себѣ въ славу разглашать; ибо онъ говорилъ, скажу я въ его пользу! что имѣеть много *искреннихъ друзей, кои знаютъ всѣ сердечныя его тайны.*

Господинъ *Макенци* вскорѣ за мною вышелъ и мы удалились вмѣстѣ въ уголъ зала. Онъ мнѣ много говорилъ о сильной страсти Капитана, о богатствѣ, которое онъ чаялъ получить отъ такой фамиліи, коей онъ отдавалъ все уваженіе. Онъ почтилъ меня самыми лестными учтивостями. Онъ чрезвычайно увеличивалъ ту утрату, которую сіе дѣло бывши столь долгое время предполагаемо, не преминетъ причинить его дружбѣ. Онъ присовокупилъ съ важнымъ видомъ, что Капитанъ столькими годами сталъ отъ того старѣе, сколько оныхъ употребилъ на успѣхъ своихъ требованій, и что поставяетъ за высокую цѣну потерю своей молодости. Словомъ, онъ приписывалъ Капитану чувствія и скорбь такого воина, которой видитъ уничтоженіе того своего возстановленія, на кое онъ твердо положился.

Выслушавъ сіе я его просилъ дать мнѣ знать, кака была цѣль сего разговора, и въ какихъ мысляхъ оставилъ онъ Капитана? Онъ опять сталъ распространяться о тѣхъ же предметахъ и наконецъ спросилъ меня, не ужели не остается никакой надежды, чтобъ *Миссъ Грандиссонъ*.... Нѣтъ, Г. мой, прервалъ я его рѣчь, сестра моя дѣвица весьма разумная и присоединяетъ, къ сему свойству другія отличныя качества. Она имѣеть неодолимыя возраженія, кои основаны на совершенномъ расположеніи *Г. Андерсона* и въ собственномъ ея сердцѣ, коего она не могла знать въ прежнихъ лѣтахъ. Я не желаю, Г. мой, изображать вамъ съ худой стороны вашего друга; но увѣдомьте меня пожалуйста, въ чемъ состоятъ его требованія. Мнѣ кажется, что онъ весьма вспыльчиваго нрава. Можетъ быть я не буду болѣе въ состояніи сносить онаго. И такъ оставимъ лучше продолжительные споры, и пусть же не говорятъ, чтобъ *Г. Андерсонъ*, ласкавшей себя пробрѣсть нѣкую выгодность союза съ моею сестрою, получилъ отъ меня хотя малѣйшее оскорбленіе.

Полковникъ *Мартеръ*, которой находился отъ насъ недалеко, и слышалъ наши разговоры, просилъ *Г. Макенци* переговорить съ нимъ на одну минуту; а я находясь отъ нихъ весьма близко, могъ слышать ихъ разговоръ. Я слышалъ, что *Г. Мартеръ* по своей дружбѣ говорилъ много ему о той славѣ, которую я пріобрѣлъ въ иностранныхъ земляхъ. Онъ выхвалялъ мою храбрость, которая составляетъ главное дѣло въ войнѣ, а особливо для вашего пола. Наконецъ онъ началъ столь неумѣренно превозносить меня похвалами, что я совершенно было хотѣлъ ему за то выговаривать, когда *Г. Макенци* попросилъ его войти въ кабинетъ гдѣ находился еще Маіоръ съ *Г. Андерсономъ*. Я думаю что его увѣдомили о всемъ между нами тамъ происшедшемъ. Четверть часа спустя онъ

вышелъ ко мнѣ, прося меня именемъ другихъ войти въ кабинетъ, а самъ остался въ томъ залѣ.

Меня приняли съ великимъ уваженіемъ. Нѣкоторыя новыя затрудненія подали мнѣ случай повторить нѣкую часть того, что я сказалъ въ вашу пользу. Наконецъ представили мнѣ два предложенія, увѣряя меня, что естли я соглашусь на первое или на другое; то Капитанъ во всю жизнь свою чрезвычайно мнѣ будетъ обязанъ. По сожалѣнію согласился я на первое, не изъясняясь о тѣхъ причинахъ, кои удаляли меня отъ другаго. Впрочемъ, я не почиталъ за долгъ употребить мою довѣренность, когда бы я и болѣе оной имѣлъ въ пользу такого человѣка, коего достоинства я не весьма еще зналъ. Можетъ быть мнѣ не очень бы трудно было употребить оную, посредствомъ *Милорда В...* которой соединень тѣсною дружбою съ Министрами. Но я не почитаю препорученіе кого нибудь въ милость знатныхъ особъ за равнодушный поступокъ, наипаче въ разсужденіи такихъ должностей, въ коихъ вся публика принимаетъ участіе, а и давъ слово не могъ бы я слабо о томъ стараться. Слѣдственно я рѣшился сдѣлать ему такую услугу, въ коей бы могъ отвѣчать одному себѣ. Я надѣюсь теперь, что моя сестрица не станетъ мнѣ ничего о томъ болѣе напоминать.

По прозвѣ Капитана я показалъ ему образецъ, какъ ему письменно должно было дать свое отрицаніе. *Г. Мартера* просили войти, и каждой обѣщался предать молчанію все то что ни зналъ о семъ странномъ приключеніи.

Сіи предосторожности, любезная моя сестрица, не должны васъ оскорблять. Есть довольно молодыхъ весьма разумныхъ особъ знатной породы кои часто простираютъ свое заблужденіе еще далѣе. Съ великими качествами, ибо я имѣю высокое мнѣніе о моей *Шарлоттѣ*, обыкновенно не повергаются въ малыя погрѣшности. Большая часть женщинъ, начинающихъ соединяться съ нашимъ поломъ, ласкаются, что имѣютъ власть прервать сіе сообщество, когда токмо того пожелаютъ. Онѣ обманываются. Мы и злой духъ, которой управляетъ при семъ нашими дѣлами, и коему часто безъ всякой приличности придаютъ имя любви, имѣемъ почти всегда успѣхъ вамъ въ томъ препятствовать. Оба пола отправляютъ должность демоновъ одинъ для другаго; другихъ искусителей имъ не нужно.

Сего дня все будетъ рѣшено, и ваше обѣщаніе отдастся въ мои руки. Я поздравляю съ тѣмъ любезную мою сестрицу. Она теперь властна надъ собою и свободна въ своемъ выборѣ. Освободивши ее столь щастливо отъ ига я никогда бы себѣ не простилъ естлибъ подвергъ ее подъ другое. Не думайте ни о *Милордѣ Ж...* ни о *Кавалерѣ Ваткинсѣ*, естли въ вашемъ сердцѣ нѣтъ къ нимъ никакой склонности. Вы меня иногда совершенно почитали держащимъ сторону *Милорда Ж...*, но я не для чего инаго говорилъ въ его пользу, какъ для того, дабы отвѣтствовать на тѣ

возраженія, коихъ силу я не весьма чувствовалъ; да и въ самомъ дѣлѣ, любезная сестрица, онѣ мнѣ казались столь неосновательны, что я подозрѣвалъ будто вы оныя дѣлаете для своего удовольствія, дабы только видѣть, какъ онѣ будутъ уничтожены. *Шарлотта Грандиссонъ* не будетъ имѣть недостатка въ обожателяхъ своихъ, въ какомъ бы мѣстѣ ни показалась; и я повторяю, что тотъ, которой будетъ имѣть щастіе ей понравится, можетъ положишься на одобреніе и услуги паче всѣхъ братьевъ любящаго васъ.

Карла Грандиссона.

Конецъ третьей части.